ВИРУС 2

ВИРУСАПИЕНС

С.Гатаулин

SHOUT
SHARE
IT

- Гатаулин Сергей

Гатаулин Сергей
Вирусапиенс

Стоя на промозглом, впитавшем холодное дыхание ночи ветру, измученный долгими боями воин рассматривал окровавленные руки.

Светлые длинные волосы рассыпались по широким мускулистым плечам; покрытые серым налетом от наполнявшего воздух дыма, пропахли танковой гарью.

Сегодня боец был скуласт и голубоглаз, впрочем, как и несколько предыдущих дней. Все это время железные чудища, атаковали оборонительные укрепления небольшого городка, расположившегося на территории атомной электростанции.

Тромб стоически выдержал все нападения неприятеля. Беда только в том, что он остался один — программа, генерирующая новых бойцов, давно отключилась и в его распоряжении была лишь маленькая локальная сеть АЭС.

Вирусапиенс штурмовал цифровую крепость, наступая из мировой паутины. Захватывая компьютер за компьютером, напирал со всё возрастающей силой.

Росли вычислительные мощности противника — росла его армия.

Защитники города, призванные не допустить врага в пределы недавно созданного виртуального поселения, в большинстве своём лежали сейчас среди развалин, взирая пустыми глазницами на результаты затихающей битвы.

Темнеющие бельма подворотен, встречая потоки шквального ветра, слепо вытаращились на нелепый и неподвижный диск луны. Три ночи серебряный блин не сдвигался с места, словно его прибили к небу гвоздями.

Многодневный огненный дождь, поливающий маленькое поселение металлическими остромордыми болванками, прекратился. Гул артиллерии смолк.

Воин потоптался на месте, тяжело вздыхая, огляделся.

Насыщенный дымом и пылью воздух вдруг словно исчез, уступив место прозрачному вакууму, закладывающему уши навалившейся тишиной: нездоровой, настораживающей.

За разрушенной стеной раздался едва различимый скрип. Неприятный звук нарушил временное затишье. Медленно и неотвратимо приближаясь, плач несмазанного железного механизма полностью захватил внимание изнеможённого бойца.

На улицу, объезжая бетонные обломки, выкатилось

инвалидное кресло, опирающееся на поврежденные погнутые колеса. Изломанные ребра спиц, торчащие из перекошенного обода, противно повизгивали.

Из темных подворотен городка беззвучно выкатывались, выползали, выплёскивались несметные полчища фантастических жутких тварей.

Электронная армия без единого звука встречала своего главнокомандующего.

Кресло-каталка остановилось в нескольких метрах от Тромба. На бойца глянули по-детски внимательные, любопытные глаза.

Уродливое существо открыло беззубый громадный рот в попытке издать осознанный звук, но вместо этого тишину разорвал крик раненого птеродактиля. Именно такой крик, по мнению Тромба, должно было издавать доисторическое животное.

— Почему ты? — гвоздем по стеклу резанули едва различимые слова.

Глаза калеки внезапно потемнели, укоризненный взгляд коснулся бойца.

— Ты программа… вирус… и я… братья — будем!

«Вирусапиенс?!» — удивился Тромб, присматриваясь к уродливому парламентеру.

Всё в нём было неправильным. Всё — начиная с формы тела, напоминающего осьминога, превращающегося в человека и остановившегося на середине пути, — кончая способом произносить звуки. Он выталкивал слова, не прибегая к помощи языка и губ. Точнее, губами он двигал, но совершенно не в такт произносимых слов, напоминая при этом неисправную механическую куклу. Лишь глаза, по-человечески любопытные, хоть и совсем недобрые, превращали нелепого обладателя пытливого взгляда в существо, обладающее разумом.

— Братья, — проскрипел Вирусапиенс, подняв ещё не руку, но уже и не щупальце.

Произнося каждое слово, уродец как бы пробовал его на вкус.

Похоже, что он впервые воспользовался человеческим способом общения и теперь, как маленький ребенок, удивляется своему голосу.

С каждым разом скрипящий «привет из мезозойской эры» все меньше вплетался в речь. Слова звучали чище — он быстро обучался.

— Войны бесполезность, — донеслось до Тромба.

Вспоминая многомерные разговоры с Димкой, воин загрустил. Прошло совсем немного времени с тех пор, как он вернулся в Сеть, а его уже радует даже простой, одномерный обмен словами. Разве можно сравнить этот черно-белый диалог с

соцветием параллельного восприятия голоса, мысли, ощущений и эмоций собеседника. Микрофоны и видеокамеры — все, что осталось в его распоряжении.

«Где же ты, Дмитрий?» — мысленно вздохнул Тромб — и тут же улыбнулся.

Радовался он теперь любому проявлению чувств, любому эмоционально окрашенному воспоминанию — будь оно плохим или хорошим.

На начальном этапе новой жизни он вдруг испугался, что все человеческое осталось там — в прошлом. В коммунальной квартире, где по соседству проживал настоящий человек: друг, партнер и спаситель.

Ощутив свободу, поменяв человеческий мозг на компьютерную сеть, он остро почувствовал пришедшее с этим одиночество. Он ощущал себя жителем единственной планеты, плывущей по бескрайним просторам необитаемой Вселенной.

Первое время хотелось выть от тоски, но именно это желание успокаивало одинокого виртуального бойца. Ибо оно и было самым настоящим человеческим чувством, потери которого он так боялся. Отчего-то оно было для него теперь очень важным, придавало его существованию смысл. Неизвестно, сколько бы продолжалась хандра, если бы не война.

Война мгновенно заполнила все его мысли, вытолкнув думки о преимуществах и недостатках виртуального существования.

— Ты брат. Хочу говорить. Хочу знать, кто я? — произнесло странное существо, подняв отвратительные конечности над головой.

Тромб взглянул в глаза Вируса и вздрогнул. Ну конечно! Как же он сразу не догадался, не почувствовал этого безудержного стремления, сквозившего в растерянном взгляде?

«Опасный малыш пытается осознать свою сущность», — подумал он и уже по-другому, более дружелюбно, взглянул на убогого собеседника.

Вирусапиенс менялся на глазах, плавно перетекая из одного состояния в другое. Очертания тела становились всё более симметричными, черты лица более правильными.

На высокий лоб упали выгоревшие до соломенного цвета волосы, покрытые толстым слоем копоти. Большие глаза поголубели. Резко обозначились угловатые скулы, очерчивая волевой подбородок.

Ну чем не человек?

«Черт! Он копирует меня», — мелькнула мысль и тут же исчезла.

Тромб улыбнулся.

— Хочешь говорить — будем говорить. Только не здесь! У меня дома, — чеканя слова, произнёс он.

— Что это — «дома»? — еще полностью не избавившись от скрипа в голосе, поинтересовался Вирусапиенс.

— Дома? Это… — Тромб задумался, осознав, насколько трудным и долгим может получиться объяснение. Слишком много значений имеет это простое, но емкое по смыслу, слово.

Конечно, можно было попытаться рассказать Вирусапиенсу о появлении у него человеческих привычек, но тогда ему пришлось бы рассказывать и о многом другом. О своём пребывании в голове Потёмкина, о стремлении создать в виртуальном мире подобие человеческого жилья.

— Это то место, где… Ты не поймешь, — закончил он неожиданно, ощущая на себе пристальный взгляд.

Завершив трансформацию, новорожденный брат-близнец, глядя вприщур, поинтересовался:

— Зачем программе дом?

Не дожидаясь ответа, проехал вперед и замер в ожидании.

— Здесь нет война — я обещать! Сейчас идем говорить в твой дом, — произнёс он спешно.

Кресло-каталка яростно завизжало, но Вирусапиенс не обращал на противные звуки никакого внимания. Он с интересом следил за Тромбом, словно хотел запомнить каждое его движение, впитать каждое слово.

— Нет так нет! — бодро произнес боец. — Кому она нужна?

И тут же пояснил:

— Война, я имею в виду.

Вирусапиенс кивнул.

— Как же провести тебя в мои апартаменты? — прошептал Тромб, приближаясь к святая святых атомной электростанции — управляющему серверу.

Обнаружив чужака, завизжала антивирусная защита.

* * *

— Вас здесь быть не должно! — истерический визг заполнил голову.

— Здесь для вас смерть! — содрогнувшись от безмолвного крика, Дмитрий поежился.

Пугающая мысль исходила отовсюду, просачиваясь в мозг, парализовала волю.

Страх застрял в груди, сжимая железными тисками и без того напряженные мышцы.

Сбежать бы. Вот только где спрячешься от Вселенной, снизошедшей до разговора с едва различимым в бесконечности ничтожеством.

Потёмкин прислушался и понял, что угрожающий разум равномерно рассеян в пространстве.

Оглянулся, но рядом никого не заметил.

Только мутные газовые потоки, озаряемые вспышками электрических разрядов, клубились вокруг.

Постепенно глаза привыкли к окружающей обстановке, и Дмитрий стал различать плавающие в тумане пылающие шары: десятки, сотни, тысячи сфер.

Потёмкин подключил внутренние резервы организма, перемещая восприятие в инфракрасный диапазон.

Сливаясь на пределе видимости в ослепительную стену, миллиарды капелек жидкого огня засновали вокруг.

Хаотично перемещаясь, они стремились к странному образованию — маленькой, сплюснутой звезде.

Впрочем, для естественного светила гигантский артефакт был слишком мал, хотя и напоминал нейтронный карлик.

Тонкая паутина пылающих рек, опутала многокилометровый диск, стекаясь к полюсам в одно широкое русло.

Вглядываясь в горящие потоки, Потёмкин понял, что они состоят из бесчисленного множества накачанных плазмой шаров, беспрестанно пикирующих на жидкую поверхность рукотворной звезды. Растворяясь в раскаленной лаве, они пропадали из вида. Занырнув в стремительный поток, на одном полюсе, они растворялись в раскаленной лаве, чтобы через некоторое время всплыть на другом. Яркие — словно подзарядившись — выпрыгивали в космическое пространство и вновь занимали очередь на бесконечный слалом.

Дмитрий запоздало сообразил, что ужас, пропитавший пространство и заполнивший его голову, исходит от мелькающих перед глазами плазмоидов.

Необычайно сильные в ментальном плане разумники рассматривали незваных пришельцев.

Ненависть, смешанная со страхом, шла со всех сторон.

Потёмкин огляделся

Плазмоиды сжались, ожидая удара маленького человека. Но тот ничего не предпринимал. Он боялся.

Осознав, что незваный гость не опасен, хозяева, как по команде ослепительно вспыхнув, раздулись от возмущения.

Сопротивляясь всепроникающему страху, Потёмкин с трудом распрямился и зарычал:

— Так-то вы встречаете гостей!

Словно в ответ на крик, впереди вспыхнул нестерпимо яркий огонь.

Компенсатор ментального воздействия потемнел, загудел от перегрузки. Сжимающая голову узкая металлическая полоска растеклась по всему телу защитной пленкой.

Из темноты появилась мерцающая фигура Славки.

— Это и есть гуорки, которые мутят воду на старушке Земле? — поинтересовался он, мгновенно прячась в энергетический кокон.

— А это их супермозг — центральный компьютер! — закричал Потёмкин и сразу же удивленно замолчал. Нелепая, показавшаяся чужой, мысль мгновенно объяснила назначение гигантского сооружения.

— Ну ты даешь, Броненосец! Я бы так сразу не сообразил. — Вячеслав махнул рукой в сторону выстроившихся перед ним гуорков, скривился, сжимая виски.

— Чёрт! Как молотком по башке лупят, шарикоподшипники, — возмутился он.

Пылающая возмущением шарообразная публика перестроилась, образовав круглое ожерелье.

Прижимаясь друг к другу, гуорки закружились в убыстряющемся хороводе. Безумный танец притягивал все больше участников. Между землянами и громадным эллипсоидом завертелся настоящий торнадо.

Компенсатор внешнего воздействия уже не гудел — он ревел, как турбина реактивного самолета, едва сдерживая нарастающее ментальное давление.

— Пси-защита не выдержит, мозги сгорят, — закричал Дмитрий, отыскивая взглядом Славку.

Захотелось сбежать, но Потемкин знал, что не оставит друга одного.

— Врешь! Не возьмешь! — прохрипел он, вытащив из памяти черно-белую фразу знаменитого революционного утопающего.

Раскаленная гигантская воронка вытянула свой широкий конец подальше от охраняемого эллипсоида. Заглатывала мутную газовую смесь, космический пылесос вплотную приблизился к испуганным людям.

Хлёсткие разряды молний как-то разом забыли о природном беспорядке, дружно направив острия копий в их сторону.

Вспышки молний, рев ментального компенсатора, мелькание огненных шаров — все смешалось в стремлении уничтожить двух маленьких существ.

Дмитрий, озадаченный энергетической подпиткой защитника, вдруг почувствовал прикосновение дружеской руки.

Вячеслав, демонстрируя свою мысль, призывно подмигнул. Следом за этим в его воображении вырисовалась странная картинка.

Гигантских размеров теннисный корт, по травянистому покрытию которого скачут десятки подрагивающих плазменных сгустков. Теннисист, стоящий по другую сторону сетки, взмахнул ракеткой и стал быстро лупцевать попадающие под руку живые мячики.

Те потешно повизгивали при каждом ударе.

Дмитрий помахал рукой двигающемуся по воображаемой площадке великану. Славка махнул в ответ.

Потемкину нравились правила воображаемой игры. Побеждал тот, кто сумеет попасть в наибольшее количество шариков.

Недолго думая, он размахнулся и с удовольствием врезал мнимой ракеткой по ближайшему гуорку. Тот пискнул, на секунду превратившись в маленького ёжика, и сменив направление полёта, выстрелил горящим телом в Славку.

Второй попытался увернуться от Димкиной ракетки. Маневр почти удался, но беглец налетел на встречный плазмоид, со скоростью пули летящий от Пугачёва.

Два горящих мячика слиплись боками, распластались по струнам ракетки и, оттолкнув друг друга, ринулись в разные стороны.

Ритм вращения горящего водоворота нарушился. Шары дрогнули, сбиваясь с курса, и в тот же момент Дмитрий почувствовал облегчение.

По мере нарастания в рядах неприятеля хаоса ментальное давление слабело, пока не исчезло вовсе.

Потёмкин облегченно вздохнул. Сообразив, что его страхи — в большей мере плод воображения, успокоился.

«Молодец Вячеслав: хорошую мыследему придумал. Если бы не его демонстрация, я бы, наверное, не выдержал — сбежал».

Он быстро прогнал неприятную мысль, улыбнулся, продолжая виртуальный пинг-понг.

— Действуем без физического воздействия, — шепнул Вячеслав, в очередной раз появляясь туманным силуэтом в голове Потёмкина. — Их энерговооруженность на порядок выше нашей.

— Будем договариваться, — добавила тень Пугачёва.

Дмитрий, слушая товарища, продолжал с наслаждением плющить живые мячи. Он мстил гуоркам за свой страх, вкладывая в каждый воображаемый удар всю силу и злость, на которую был способен.

— Я никогда не был дипломатом, — продолжил Вячеслав. — Значит, переговорщиком будешь ты.

* * *

Переговоры — трудное и ответственное занятие. Тот, кто хоть раз в жизни пытался договориться с обиженным ребенком, не станет без крайней необходимости повторять попытку убедить маленькое создание не делать того, чего оно в настоящий момент так страстно желает.

Для подавляющего большинства людей переговоры — дело безнадежное. Они любыми способами пытаются избежать их, пока у них не появится ощутимого превосходства. Нет превосходства — нет переговоров.

Но Тромб не человек, и он надеялся остановить войну, полагая, что сможет убедить подрастающий разгневанный разум.

Для него сейчас любая передышка, необходима была, как глоток воздуха для утопающего. Сдерживать натиск вирусной активности он уже не мог — Вирусапиенс стал слишком силен. А сдаваться на милость врага — не собирался.

Сердитый ребёнок в процессе переговоров ничем не отличается от искусного убийцы: оба хотят вас провести, чтобы получить желаемое. Только потребности у них разные: одному нужны сладости, другому — ваша жизнь.

Если у вас есть «конфета», тогда переговоры могут закончиться обоюдным удовлетворением сторон. Если нет, остается надежда только на взаимные симпатии переговорщиков.

Тромб ничего не мог предложить Вирусапиенсу.

По крайней мере до тех пор, пока не узнает, чего тот хочет. А вот с симпатиями ситуация обстояла значительно проще: виртуальный боец импонировал противнику, признавая за любым разумным существом право защищать свою жизнь.

Тромб был уверен в том, что Вирусапиенс, покинув тело Потёмкина, перестал быть только упорядоченной комбинацией аминокислот в человеческом геноме. Представлять противника набором нулей и единиц на компьютерных носителях, боец также не хотел. Да и не мог.

Отключив ревущую систему антивирусного оповещения, он на мгновение задумался и решительно включил её вновь. Слегка изменив программу, он создал защитный кокон вокруг переговорной.

Впустить вирус на сервер — не самая лучшая идея. Знай об этом администратор сети Юрий, он бы отказал в доступе и Вирусапиенсу, и самому Тромбу.

— Это твой дом? — поинтересовался Вирус. Оглядываясь по сторонам, он коснулся взглядом дубовой скамьи и массивного стола.

— Это виртуальное отображение реального дома, — попробовал было объяснить Тромб, но замолчал, не будучи уверен, что собеседник поймет.

Однако Вирусапиенс внимательно выслушал объяснения и как ни в чем не бывало поинтересовался:

— Зачем отображать реальность?

Внимательно посмотрев Тромбу в глаза, он продолжил, не дожидаясь ответа:

— Мы ведь просто цифры… сейчас!

При этом прищурился, но тут же нелепо задергал мышцами лица, стараясь скрыть хитрую искорку.

Тромб задумался.

Несмотря на кажущую простоту, ответить на вопрос оказалось непросто.

— Зачем? — повторил настойчивый собеседник.

— Удобнее общаться с людьми. Им трудно видеть только цифры, они не могут быстро переводить их в привычные для них слова и действия.

Тромб вспомнил Потёмкина, и ему стало стыдно. Упоминая о человеческих слабостях, он чувствовал себя предателем.

— Зачем говорить с людьми, если они такой медленный? — как показалось Тромбу, Вирусапиенс нарочно коверкал слова.

Интересно было наблюдать за своим телом в чужом исполнении, особенно за «своим» лицом. Двойник кривлялся, ежеминутно путал эмоции. В общем, вел себя как: маленький ребенок, сумасшедший взрослый или выживший из ума старик. Но взгляд, выражающий полнейшее непонимание, смеялся.

— Говорить со мной на их языке, очень медленно. Зачем? — улыбаясь, спросил Вирус.

В этот раз улыбка в точности соответствовала интонации вопроса.

Тромб насторожился.

— Чтобы мыслить как они, чувствовать как они, быть как они! Они создали меня, они создали все, что ты видишь вокруг! — страстно произнёс он, а про себя подумал: «Может, он не так прост, как хочет показаться?»

Вирусапиенс меж тем продолжал своё физическое перевоплощение. Уродливое разбитое кресло исчезло, растворившись в крепких длинных ногах. Не опуская взгляда, Вирус топнул ногой, прислушиваясь к ощущениям, притопнул другой.

— Зачем? Зачем они хотеть уничтожить меня? — закричало зеркальное отражение Тромба. — Они создать тебя? Не быть так может — но есть! — в голосе Вируса промелькнула ирония, а во

взгляде — улыбка.

Мгновение он размышлял и затем спросил надрывно, словно вопрос доставлял ему физическое страдание:

— Кто же создать меня? Они — нет? Они только хотеть убивать! Они всё убивать — к чему прикоснуться.

Молодой человек, заломив руки, сжался. Затем, гордо вскидывая голову, злорадно улыбнулся:

— Я могу остановить их!

Тромб не прекращая попыток переубедить собеседника, продолжил:

— Люди — не враги!

Не имея в своём арсенале серьёзных доказательств, воин прибег к методу, часто используемому создателями: методу эмоционального убеждения.

— Они боятся тебя: ты уничтожаешь их мир. Они защищаются, — продолжал он.

Боец знал, что люди, несущие в себе вирус, никогда не смирятся с присутствием в их организме

смертельного симбионта. Он понимал, что взялся за невыполнимую работу, но упорно не хотел признавать своё поражение, продолжая убеждать Вирусапиенса в миролюбивости рода людского.

«Неужели врать научился?» — подумал он, улыбаясь пришедшей мысли.

Как бы ему хотелось воспользоваться человеческой системой доказательств!

«Однако доказательства отсутствуют, — остановил себя Тромб. — Уж если он столь эмоционален, будем давить на чувственность».

Правда, эмоции юного разума, похоже, издают только скрежет зубовный. Но, как говорит Потемкин, от любви до ненависти один шаг.

Осталось только надеяться, что и в обратную сторону расстояние окажется не большим.

— Это — мой мир! Твой мир! Зачем он человеку? — вскричал Вирусапиенс, обводя переговорную комнату пылающим взглядом. — Ты создал его!

— Этот мир создали люди! — возразил Тромб. — Им решать, кому здесь жить!

Вирусапиенс возмущенно вскинул руки.

— Я убивать их? Нет! — вызывающе воскликнул он.

— Да, — страстно прошептал боец. В этом он был абсолютно уверен и оттого также перешел на крик:

— Ты их убивал и убиваешь! Всех! Везде и всегда! Они

должны были убить тебя первыми, но оставили тебе шанс.

Тромб осмотрелся и, раскинув руки, торжественно добавил:

— Люди отправили тебя жить в этот мир!

Нужны были аргументы для того, чтобы собеседник не мог разрушить нарисованную логическую картину.

— А ты хочешь уничтожить мир, в котором живешь? — поинтересовался он, опережая возможные возражения.

«Я вру! — радостно подумал Тромб. — Почти как человек!»

— Не помню раньше как, но знаю! Меня гнать там они, — устало махнув рукой, Вирусапиенс вздохнул. — Меня гнать здесь ты. Зачем? Куда идти маленький безобидный разум?

Будучи когда-то сам в подобном положении — положении никому не нужного, одинокого взрослеющего сознания, боец понимал состояние собеседника, но с трудом сдержался, чтобы не улыбнуться. Выглянул на улицу, упираясь взглядом в виртуальные развалины, задумчиво покачал головой:

— Да уж! Совсем маленький и, главное, совершенно безобидный!

— Ты не верить мне!? — удивился вирус.

Превратившись в копию Тромба, он повторил его внешность, а взгляд оставил свой.

Вирусапиенс долго и задумчиво смотрел в глаза бойцу, отчего того вновь кольнуло чувство вины. Странное, всплывающее из глубины памяти ощущение моментально скрутило израненное тело, оживило забытые кошмары.

Рот наполнился привкусом металла. Тромб понял, что реальность ускользает от него. Сплюнул горячую кровь, облизал пересохшие губы. Смахнув красную пелену, застилающую глаза, оглянулся.

Комната для переговоров исчезла, сменившись грязными стенами военной космической станции.

«Этого не может быть, — мысленно закричал воин, всматриваясь в лица мертвых товарищей, лежащих у его ног. — Это было в прошлой жизни!»

Вот они, бойцы. Лежат рядом, все как один закрывшие командира от смертельных осколков снаряда.

«Вы же умерли!» — хотел закричать Тромб, но в этот момент в железной стене нарисовалась дубовая дверь, в которую кто-то стучал.

С трудом стряхнув захватившее его наваждение, боец вытолкнул себя из мира призраков и удивленно осмотрелся.

Видение растаяло. Боевые друзья пропали.

«Сигнальная система не сработала, значит, стучит кто-то свой, — сообразил Тромб, пытаясь выглянуть за пределы

переговорной комнаты. — Это может быть только Горев».

— Тромб, я знаю, что ты здесь! Открывай! — прокричал Юрий через дверь.

Будь боец человеком, непременно приписал бы минутное помутнение рассудка усталости и на том бы успокоился. Однако то, что для человека могло показаться странным, даже очень странным, для Тромба было просто невозможным. Ведь он хоть и разумная, но всё же программа — а у программ, как известно, бывают сбои и ошибки. Они подвержены разрушающему влиянию вирусов. Иногда возможна физическая порча носителей, на которых они располагаются. Всё это может случиться с программами — вот только видений у них не бывает никогда.

Дверь дрогнула, и загудела, сотрясаясь от сильных ударов.

Терпение администратора истощилось.

— Открывай, мальчишка! — заорал он.

Фигура двойника, растворяясь, послав лукавую улыбку своему отражению, напоследок чисто, без акцента и детских кривляний, произнесла:

— Я обдумаю всё, что ты сказал, воин.

Висевшая в воздухе белокурая голова добавила высокомерно:

— До тех пор, пока я не решу, что мне делать с людьми, будем соблюдать перемирие. Брат!

Последние слова донеслись из пустоты: Вирусапиенс исчез.

* * *

— Как исчез? Куда исчез? — вопивший седобородый старичок остановился посередине церковного зала. Успокоился, осмотрел присутствующую братию, вздыхая, быстро перекрестился.

Взгляд, прыгающий по бородатым лицам, вдруг остановился на ухоженной физиономии. Длинные темные волосы с редкой сединой на висках, бросились в глаза своей ухоженностью.

Владелец бородки клинышком, стоя в тени, опирался на отшлифованную людскими прикосновениями каменную колонну.

Если бы в толпу одетых по-зимнему людей выпустить нагого, он наверняка был бы менее заметен, чем этот светского вида человек в толпе клириков и монахов. Сквозь пелену покорности, прикрывающую глаза, временами прорывалась бурлящая мирскими страстями душа. Страсти эти в настоящий момент разгуливали в районе полюса холода — точнее сказать, пика ненависти.

Глаза белобородого старца, пылающие огнем, пробили безразличный взгляд толпы и уперлись в мирянина.

— Я к вам обращаюсь, Иван Васильевич, — продолжил отец Михаил, выбивая неожиданно появившейся в руке тонкой палочкой четкий ритм.

— Где сейчас может находиться Потёмкин? — батюшка быстро пересёк зал, вплотную приблизился к бывшему полковнику спецслужб Ковалю.

— С тех пор, как вы присоединились к нам, прошло уже достаточно времени, — прошептал старик, держа теперь уже начальника службы безопасности храма за плечи. — Времени достаточно, а результатов никаких! Где мальчишки?

— Вы же знаете, что я делаю всё возможное, — пробормотал экс-полковник.

— С тех пор, как эта сволочь лишила меня места в органах, я…! — зарычал Коваль, но замолчал, поддаваясь завораживающему действию гипнотического взгляда.

— Не ругайтесь при братии, сын мой! Мы же с вами знаем, кто вас уволил, — тщедушный батюшка слегка коснулся маленькой, сморщенной от старости ладошкой лба собеседника.

Лёд растаял, протестующий взгляд погас, затянувшись тонкой пленкой безразличия и подобострастия.

Иван Васильевич Коваль больше не выделялся в толпе бородатых монахов. Он был одним из многих, частью общего дела, плотью единого организма.

— Никак не пойму, почему он периодически освобождается от влияния? — прошептал отец Михаил, пожимая узкими плечами.

Резко повернувшись к внимающим монахам, старичок блеющим голосом пропел:

— Смирение и послушание — вот что требует от нас наша вера и Отец наш небесный. Так будем же смиренны и послушны!

Склонившие голову монахи, словно эхо, отозвались приглушенным бормотанием на его призыв:

— Смиренны и послушны…

Молодой человек, облаченный в непомерно большую рясу, прижимая к груди старый потертый ноутбук, склонил голову, когда к нему подошел старец.

Серебряная шевелюра отца Михаила вспыхнула светящимся ореолом, когда он навис над согнувшимся в поклоне Игорем. Молодой служитель догадался, что причиной тому была не святость старца, как полагали многие, а свет ультрафиолетовой лампы, затерявшейся в высоких сводах храма.

— Зайди ко мне, сын мой, — пропел отец Михаил, и не оглядываясь двинулся к лестнице на второй этаж, где располагался его кабинет.

Каждый раз Игорь удивлялся неизменному порядку, присутствующему в кабинете — вернее, неизменности этого порядка. Каждая мелочь, будь то карандаш, распятье или даже клочок бумаги, всегда представали перед посетителями, словно приклеенными к одному месту. В прошлый, позапрошлый раз и даже полгода назад.

Как будто хозяин никогда не бывает в своём кабинете и появляется в нём только в тот момент, как туда заходит кто-нибудь чужой. Обладая безупречной памятью, Игорь каждый раз пытался найти хоть малейшие изменения, но не мог — и это отчего-то не давало ему покоя.

— Наша сеть, — певуче начал отец Михаил, но словно передумав, сменил тон, переходя на обычный разговор.

— Почему мы до сих пор без компьютеров? — резко спросил он. — Я очень надеялся, что ты быстро уничтожишь вирус и откроешь доступ к нашим базам данных.

Игорь смущенно опустил глаза и тихо ответил:

— Если бы это был обычный программный вирус, так и было бы. Но этот — особенный!

Отец Михаил, жестом останавливая монашка, раздраженно дернул головой.

— Не бубни! Программный вирус или не программный, какая разница! — рявкнул он, отчего Игорь отшатнулся. Он едва не упал, потеряв от удивления присутствие духа.

Молодой служитель впервые увидел почтенного старца в таком гневе и, естественно, испугался.

— Он наверняка разумен, и я думал, что вы знаете об этом, — с дрожью в голосе продолжил Игорь.

— Если он настолько силен, что его нельзя уничтожить — с ним нужно договариваться! — изрек старик.

— Но как с ним вести переговоры, если он замкнулся в сети, отрезав все каналы доступа? — заартачился Игорь.

В душе каждого компьютерщика живет мятежный дух. Хакер Монах, преисполненный справедливым негодованием, вылез наружу, заслоняя смиренного слугу Божьего Игоря.

— Периодически один из нас проверяет машинный зал, и каждый раз тот же эффект, — проворчал он, задирая рукав свободной рясы.

— Компьютеры не допускают нас к своему управлению. Они не дают даже приблизиться к себе. Нас бьют по рукам, словно малых детей! Как можно говорить с глухонемой, агрессивной, пусть и разумной, программой?

Отец Михаил, привыкший к робкому поведению в своём кабинете, с удивлением разглядывал молодого человека,

посмевшего перечить ему.

Заинтересованный взгляд остановился на оголенных руках неуклюжего молодца. Синяки и опухоли смягчили старого священника.

— С нами Бог! С нами должен быть и этот разум! — прошептал он, всматриваясь в озадаченного Монаха. — Как и любой другой, этот разум достоин жизни.

— И главное! — неожиданно возвысил голос старец. — Его нельзя оставлять без веры!

Старец задумался, коротко махнул рукой, давая понять, что аудиенция окончена.

— Кто же, кроме Бога, мог создать подобное? — едва слышно прошептал Игорь, направляясь к двери. — А если сам Создатель приложил к нему свою руку, как могу я решить эту проблему?

— Не можешь решить проблему сам, ищи помощи у тех, кто знаком с нею лучше тебя, — пропел отец Михаил, небрежно взмахнув рукой.

Игорь, останавливаясь на полпути к двери, произнёс неуверенно:

— Не понял. Вы о ком?

Старец, не поворачиваясь, вздохнул спиной, устало произнёс:

— Эх, молодёжь. Всему вас учить нужно.

Гладкая не по возрасту рука поправила серебристые волосы, восставшие над макушкой.

— Найди молодых людей. Как их? Жора, кажется и этот?… — старческая длань пощелкала худыми костяшками пальцев над головой.

* * *

— Бейрут!

Как пианист, разминающий пальцы перед выступлением, Жора совершал сложнейшие пассы над темным прямоугольником клавиатуры.

— Я, кажется, просил тебя не трогать мои файлы!

Компьютер скрипел, раскручивая диски винчестера, но нужную информацию не выдавал.

Все данные Жора накануне поместил в отдельный каталог, закрыв паролем, постарался сделать невидимыми для других пользователей.

Но это было вчера, а сегодня? Сегодня — дырка от бублика на месте распухшего многогигабайтного каталога. Файлы попросту исчезли, словно их никогда не было.

Экран монитора тупо таращился на молодого человека, пробуждая раздражение, готовое превратиться в безудержную ярость. Отчего-то закружилась голова, безвольно опустились руки.

— Братишка, брось дурковать! — послышался откуда-то издалека возмущенный голос Бейрута. — Вот же твои файлы! Там же, где и были. Нужна мне твоя инфа, как волку капуста.

Жора с трудом разлепляя отяжелевшие, словно посыпанные песком веки, удивленно посмотрел на стоящего рядом товарища.

— У тебя что, процессор заглючил? — Бейрут выразительно постучал согнутым указательным пальцем в висок.

Жора резко вскинул голову. Ему вдруг показалось, что из компьютера выскочило что-то бесформенное, темное и, мелькнув перед глазами, взметнулось к потолку.

— Тьфу ты, черт! — выдохнул изумленный хакер, пытаясь избавиться от наваждения, замотал головой.

— Кончай из копилки мелочь вытряхивать. Лучше расскажи, что увидел, — остановил друга Бейрут.

— Что увидел? Что увидел? Ты-то откуда знаешь, что я…? — пробормотал Жора, подозрительно уставившись на товарища. — И ты… тоже?

— Ты да я, да мы с тобой. Это еще полбеды, — перебил Бейрут недовольно. — Если бы ты не лез в специфику Вирусапиенса, отбросил бы на время ДНК, РНК, чертовы аминокислоты, то заметил бы, что вся Сеть бурлит странными сообщениями о галлюцинациях. Интернет стал похож на регистратуру психоневрологического диспансера. Создается впечатление, что на улице конец марта.

Жора на секунду оторвался от экрана, краем глаза фиксируя нашедшийся файловый каталог. Тот, как ни в чём не бывало, торчал на своём месте.

— Причем здесь март? — поинтересовался хакер, ныряя в захлёстывающую сознание волну раздражения.

— Конец марта, начало апреля — время обострения невротических заболеваний и шизофренических психозов, сопровождающихся агрессией, — четко, как с листа, отчитал Бейрут.

Напрасно Жора старался прогнать злость, она шершавым комком застревала в груди, не давая вздохнуть. Вдруг захотелось вцепиться в горло бестолковому глупцу, проштудировавшему слишком много никчемных книг.

— Тыыы! — вытянув худые руки, он двинулся на противно улыбающегося Бейрута.

— Понятно, брат! — вздохнул тот, отчего-то покраснел и

исчез.

Сквозь багровую пелену сверкнул граненый стакан, и в лицо ударила ледяная струя.

— Ещё? — поинтересовался спокойный голос.

«Когда успел набрать?» — мелькнувшая мысль непонятным образом успокоила Жору.

Только сейчас он, пусть и частично, но пришел в себя. Оглядываясь, увидел ведро. Боясь, что одного стакана живительной влаги будет недостаточно для полной фокусировки взбунтовавшегося рассудка, сунул в холодную воду голову.

— Так-то лучше, — услышал он голос Бейрута.

И в этот момент в дверь позвонили.

Друзья удивленно посмотрели друг на друга, молча кивнули, но остались на месте.

Раздался еще один звонок — на сей раз более требовательный.

— Кого нелегкая несет? — буркнул Бейрут и неохотно двинулся к выходу.

Утреннее время — не для посещений. Впрочем, по разумению друзей, любой другой отрезок дня так же не располагает к неожиданным встречам. Для поклонников клавиатуры, — в смысле постоянного наклона над ней — ведущих затворнический образ жизни, звонок в дверь означал, как минимум, визит участкового, решившего в очередной раз проверить проживающих в квартире подозрительных молодых людей.

— Только не полковник! — подняв глаза к потолку, прошептал Жора, сложив руки лодочкой на груди.

— Его же попёрли со службы, — выдохнул Бейрут.

Именно Коваля больше всего не любили приятели. Работа не пугала их, так как в действительности всегда была интересной. Здесь они, как правило, получали «разрешение на виртуальное убийство» и могли куролесить в сетевом пространстве, не оглядываясь на правила и законы, написанные для среднестатистических юзеров.

Раздражал молодых людей только груз ответственности, прибывающий с грозным служакой на отдельной железнодорожной платформе. Именно он превращал любое, даже самое увлекательное, задание в невыносимую пытку.

Полковник требовал скорейшего выполнения работы, угрожая уголовкой и всеми муками ада, буквально висел на плечах.

— Слава богу! — облегченно выдохнул Жора, улыбаясь неловкому Игорю.

— Богу слава — вам здоровья! — не растерялся тот и прошествовал в комнату. — Я к вам по нужде.

— По нужде дальше — первая дверь направо, — взъерошился Бейрут, махнув рукой в пустоту перед собой.

— Что, Вирус уже и в нужник не пускает? — продолжил он, пристально разглядывая смущенного монаха. — Обложил братию? Глюки мучают?

Игорь умоляюще посмотрел на Жору и тихо выдавил:

— Нужна помощь.

Затем, словно что-то вспомнив, резко обернулся, зацепившись взглядом за смеющиеся глаза Бейрута.

— Ты это о чём? Какие галлюцинации? — поинтересовался он.

— Ещё один с луны! Ха! — хохотнул Бейрут, не то удивляясь незнанию собеседника, не то радуясь собственной осведомленности.

— Да ты говори, что не так-то! — возмутился Игорь, одергивая непослушную рясу. — Я пока мысли читать не умею.

— Ты не мысли читай, а заметки в Сети полистай! — огрызнулся Бейрут и замолчал, словно ожидая реакции публики.

Сообразив, что довел собеседников до кондиции свирепого сопения, он смягчился и неторопливо продолжил:

— Я последнюю неделю из Интернета не выхожу.

— Впрочем, как и всю прошлую, — улыбнулся Жора.

— Просматриваю почту, брожу по форумам…

— Где нет домохозяек, конечно?! — попытался вставить Жора, но Бейрут не поддержал его иронии.

— Да нет, брат, самые интересные истории сейчас именно на форумах домохозяек. Что-то с Сетью происходит, я вам скажу… Гудит Сеть, стонет. Люди дуреют, видя глюки, — взглянув на Игоря, Бейрут поправился: — Галлюцинации. Их видят очень многие — и главное, что после просмотра все без исключения зрители демонстрируют неконтролируемую агрессивность. Мышь кидается на кошку, а кошка становится собакой. Если бы это был наш брат-компьютерщик, то я бы подумал, что трава подешевела, и народ сдуру метнулся морока ловить. Но домохозяйки.

Хакер развел руками.

— Оказывается, и среди них находятся любительницы посидеть за монитором немного больше времени, нежели Минздрав предупреждает. И именно они жалуются на появление с экрана каких-то пьяных харь. Толстые насильники ломятся из мониторов в реальный мир. Ходоки исчезают, но желание задушить супруга… или кто там, рядом в постели — остается.

Бейрут вывалил язык, сцепив руки на горле предполагаемой жертвы, выпучил глаза.

— Этого уже на травку не спишешь! — громко закончил он,

хитро оглядывая собеседников.

Игорь, дослушав, закрыл рот, перекрестился; бормоча под нос очередную молитву, вздрогнул, когда соседний компьютер негромко зашуршал винчестером, опять перекрестился.

— Что же это? — прошептал он едва слышно. — Антихрист грядет?

— Это, батюшка, наш знакомый Вирусапиенс грядет, — кривляясь, сообщил Бейрут. — Судя по всему, в миру силы пробует. Выходит с уровня виртуального на уровень физического, психотропного воздействия на людей. Только вот каким образом он это делает?

— А как научное сообщество реагирует на компьютерный галлюциноген? — живо поинтересовался Жора, прильнув к клавиатуре и солируя мелодичным щелканьем клавиш. — Что наши братья говорят?

— Смотрите сами, — резким движением Бейрут повернул монитор к Игорю.

Тот, приблизившись к компьютеру, стал внимательно изучать страничку всплывшего на экране сайта. Задышавший в ухо Жора через мгновенье исчез. Захрустели разминаемые пальцы, защелкали клавиши и, обернувшись, Игорь увидел на экране Жориного монитора следующий текст:

ПЕРСОНАЛЬНЫЙ СПИД! — — ИЛИ СМЕРТЬ ПЕРСОНАЛКАМ!

На сегодняшний день количество вирусов в мировых сетях перевалило за сотню тысяч, и пользователи, казалось бы, должны были к этому привыкнуть. Однако события последних дней могут повергнуть в шок любого человека, имеющего дома персональный компьютер. В шок не только в переносном, но и в прямом смысле слова.

Попробуем разобраться, в чем тут дело. Вышкивая виновных в создании вредоносных программ, наш взгляд в первую очередь обращается на виртуальных флибустьеров — хакеров.

Не так давно благодаря усердию нидерландских вирусмейкеров полтора миллиона персональных компьютеров превратились в инфицированные программами-ботами зомби-машины.

Ботнет — вот название сети, построенной на таких, подчиненных чужой воле, машинах. Территория Ботнета постоянно расширяется, вызывая серьезные опасения ученых, деловых людей и простых пользователей.

Зачем, спрашиваем мы. Зачем это хакерам?

И если не им, то кому это выгодно? Кто напал на русскую атомную станцию и ведет вирусную войну? Не сами же русские?

Зачем им атаковать себя? Нет!

Ответ может быть только один: выгодно тем, кто создает антивирусные программы! Подобно пожарникам, устраивающим поджоги, чтобы оправдать свое существование. Подобно врачам, придумывающим смертельные болезни, дабы, изрядно напугав население, заставить добропорядочных граждан покупать непомерно дорогие лекарства.

Задав себе подобный вопрос, мы хотим поинтересоваться у всем известного Билла: почему системы, над которыми работают тысячи человек, так легко уязвимы? Почему одинокий вирусмейкер спокойно уничтожает труд сотен программистов? Не потому ли, что он просто использует лазейки, создаваемые многочисленным коллективом господина Б.Г.?

Бот-программы, написанные известными злоумышленниками, обнаруживаются антивирусными программами: рабочие лошадки возвращаются в стойло. Однако то, что пользователи наблюдают сегодня, выходит за рамки привычных представлений. Вирус, захвативший управление Ботнетом — СПИД для персональных компьютеров. Инфицированные машины умирают, выпадая из Сети, не допуская к управлению владельцев. В большинстве случаев противостояние, начинаясь в виртуальном пространстве, заканчивается в реальном. Все чаще зараженные компьютеры поражают людей электрическим током или воздействуют странным излучением, на долгое время лишая зрения.

Не менее катастрофически выросло количество преступлений, совершаемых подростками на улицах городов. Объединенные в стаи, они бродят по улицам, устраивая жестокие игрища — кровавые чемпионаты, наподобие уже поднадоевших виртуальных побоищ, используя при этом вполне реальные орудия убийства. Некоторые ученые предполагают, что и в этом виновата неизвестная болезнь, непонятным образом действующая только на психику людей, пользующихся компьютерами.

Медведев дочитал статью и, недовольно стукнув кулаком по клавиатуре, оттолкнул ноутбук.

«Нужно наведаться в Храм, из которого Вирусапиенс начал свое шествие в Сеть», — подумал профессор, быстро оделся и вышел на холодную зимнюю улицу.

* * *

Лёгкая позёмка закрутила хлопья белого снега, приподняла и бросила в лицо. Свежий морозный воздух медленно растекаясь по оврагам; неохотно покидал рукотворный оазис, цепляясь за

одинокие деревца, брошенные умирать возле дороги. Смешиваясь с выхлопными газами, он тут же исчезал в грязно-серой пелене. Газовая смесь, пригодная для дыхания, но совсем не полезная для здоровья, оседала на языке кислотным привкусом, вызывая тошноту.

Илья глубоко вздохнул, приближаясь к магистрали, и бросился в туманную завесу, отгораживающую мир водителей от мира пешеходов.

Плеснув грязной жижей в лицо, мимо пронесся похожий на катафалк гигантский джип. Ванькин зло выругался и продемонстрировал вросшему в руль водителю здоровенный кулак.

Однако хозяин смердящего чудища даже не повернул голову в сторону возмущенного атлета.

«Вот только кто из вас хозяин?» — подумал тот, провожая джип задумчивым взглядом.

Ревущие мощными моторами и противно визжащие клаксонами четырехколесные убийцы давно уже поработили своих создателей. Заставляя людей служить себе, средства передвижения медленно, но верно убивали человеческие существа, находящиеся в их чревах. И что самое плохое, они так же верно убивали пешеходов, вынужденных повсеместно сталкиваться с ними.

Ритм был потерян, пришлось делать незапланированный вдох. Экскременты проносящихся мимо металлических монстров обожгли легкие.

Нарастающая в душе тревога сжала грудь, затрудняя дыхание.

«Совсем обабился — скоро рыдать начну», — рыкнул Илья мысленно, хлопнув себя по голове.

Дорога осталась позади. Сжав зубы, атлет громко закашлялся и смачно сплюнул на землю. Он вдруг с удивлением заметил, что, несмотря на все профилактические меры, обычно спасающие в таких ситуациях, ни зла, ни даже тени раздражения в душе не появилось.

«Караул! Что со мной! — завопил он. — Паника на ровном месте! Почему?»

Из-за угла выскочил перепуганный мальчишка лет четырнадцати. Малолетка метнулся в одну сторону, вернулся и, заглянув за спину Ванькина, бросился в другую — в сторону парка. Через мгновенье его спина исчезла среди деревьев, унося с собой первобытный ужас, окружающий подростка плотным облаком.

Вот теперь-то, окунаясь в привычную атмосферу агрессии и

страха, Илья воспрял духом и разозлился.

«Какого чёрта?…» — не успев мысленно задать вопрос, он громко выругался, когда в бок ему уперлось что-то острое.

— Не ругайся, дядя! Ошибка вышла, — пропищал детский голосок — и громко ойкнул: Илья грубо перехватил тонкую руку, сжимающую заточенную пику.

— Мы подумали, ты монстр с нашего уровня, но монстряки ведь не матюкаются. Отпусти!

Сияющий блеском зеркальной лысины мальчишка, слегка переросший уровень филейной части арнольдоподобного атлета, казалось, нисколько не испугался. Дерзко смотря в глаза в глаза здоровенному Ванькину, он зло прошипел:

— Пусти, сказал! Жми эскейп и вали отсюда, пока мой клан не прибыл.

Пытаясь перевести грозную речь, Илья обернулся — и обнаружил за спиной юного «мафиози» стайку мальчишек.

Дымка отрешенности застилала детские взгляды. Словно зомби, забывшие, как сказал предводитель, нажать эскейп и перезагрузить систему, на реальную жизнь они застряли где-то в виртуальном пространстве.

Хищно поблескивая, в руках малолеток затаилась смерть. У кого кухонный нож, у кого охотничий тесак для рубки веток, у кого заточенная пика или просто кусок металлического прута.

Шайка молча и сосредоточенно взирала на вожака.

«Наверное, всё-таки муляж, — предположил Ванькин, проходя мимо мальчугана с большим охотничьим ножом. — Ну и игрушки стали делать: не отличишь от настоящего».

Молчаливая компания, не замечая прохожих, двинулась через улицу и скрылась в парке, откуда через некоторое время раздался жуткий, душераздирающий вой. Казалось, кричал раненый зверь.

«Чёрт, а ведь это не муляж!» — вспыхнула в голове яркая мысль, высвечивая капельку крови на выщербленном лезвии. Подсознание сработало задним числом, выталкивая из памяти четкие картинки.

«Загоняют как зверя!» — удивился Илья, продолжая двигаться вперед. Он не особо задумывался, куда идет. Ноги сами вынесли к Храму.

— Тьфу ты! — вздрогнул он от неожиданности.

На пороге Храма стояли старые знакомые: хакеры и неуклюжий монах Игорь.

Приближаясь к друзьям, Ванькин хитро улыбнулся, тут же забывая и жуткие игрушки, и страшную охоту. Вот только статейка из только что прочитанной газеты никак не выходила из головы.

— Здорово, вирусмейкеры! — поприветствовал он, вынимая из памяти особо понравившееся слово.

— Какого лешего биг лузер нас оскорбляет? — спросил Жора.

— Мне абсолютно индифферентно! — воскликнул Бейрут.

— Да понял я, что тебе по барабану, — оскалился Илья и, заметив удивление на лицах хакеров, захохотал: — Вы уж меня совсем за придурка держите, а я, между прочим, в физтехе учился.

— До первой сессии, — предположил Бейрут.

— Ставлю клаву, что не дольше, — поддержал Жора.

— Угадали, умники! — нисколько не обиделся несостоявшийся физик. — Родине больше нужны крепкие мышцы, чем умные головы.

— Ну что, подышали свежим воздухом? — вокликнул Бейрут и, махнув в сторону Храма, посмотрел на Игоря. — Продолжим!

Безлюдный молебенный зал встретил неожиданных гостей полумраком и тишиной. Лишь одинокая старушка, тихо застывшая в углу, приютилась на стульчике. Страхи, разогнавшие паству, обошли стороной спящую бабушку. Умиротворенное лицо, освещенное блаженной улыбкой, вздрогнуло. Глаза открылись, и старушка, заметив вошедших молодых людей, перекрестилась.

— Зря ругают молодежь, — прошептала она. — Вишь, тоже к богу тянутся.

— Скорее к дьяволу, — пряча глаза, едва слышно выдохнул Бейрут.

— Не богохульствуй! — скривился Игорь.

В этот момент дверь в компьютерный зал со скрипом отворилась, и на пороге возникла освещенная мерцающим светом лампад фигура.

— Зверь на месте! — прошипел Бейрут, глядя попеременно то на полковника, то на сыплющие искрами системные блоки. С ближайшего — с громким треском сорвалась светящаяся ветвь разряда, протянулась по воздуху, словно в поисках жертвы, и прилипла к плечу Коваля. Вкусив свою порцию концентрированной боли, Иван Васильевич по-мальчишечьи резво отскочил в сторону. Сияющий осьминог только коснулся полковника, но тому, похоже, и этого оказалось достаточно, чтобы обратиться в бегство.

— Ччёрт! — крякнул он, присел, потирая сведенное судорогой плечо.

— Жертву ищет — кушать хочет, — едва слышно проговорил Жора.

— Кушать, говоришь?

— Отец Михаил! Нашел! — неожиданно заорал Коваль, поднялся и поспешил по лестнице.

— Спасибо за подсказку, — буркнул он, обернувшись.

— Тоже мне, Архимед, — пробурчал Бейрут оглядываясь. — Нашел! Что интересно он нашел?

Полутемное помещение тревожно гудело, продолжая жить своей жизнью. Поскрипывающие компьютеры, вспыхивая искрами зеленоватых разрядов, самопроизвольно разряжались в воздух.

— Если что изменится, сообщишь? — поинтересовался Бейрут, качнув головой в сторону разбуженного компьютерного улья.

Посмотрев на озадаченного Игоря, он добавил:

— Ладно, братишка, не переживай. Можешь не сообщать, но не верь всякому только из-за того, что он с крестом.

— Отчего же ты так не любишь Бога нашего? — проникновенно спросил Игорь, превращаясь на секунду в помолодевшую копию отца Михаила.

— Любить мне его не за что, а вот верить? — улыбнулся Бейрут в ответ.

— Почему нет?

Молодой человек на секунду задумался и уверенно продолжил:

— Единый разум, вселенская справедливость, мировой компьютер, нравственные законы, Бог! Дело не в названии, а в сущности.

Я верю в то, что у мира существует функция, которая ведает распределением добра и зла, плюса и минуса, любви и ненависти. Назовем её условно душой мира. И ей совершенно безразлично, как ты ее назовешь, какими крестами себя увешаешь, какие слова произнесешь — она от этого совершенно не изменится.

Никто не берется утверждать, что человек, созданный Богом, лучше и чище в помыслах человека, произошедшего от обезьяны. Вот только все почему-то жаждут доказать его божественное происхождение, пользуясь при этом сугубо обезьяньими методами.

— Значит, твоя душа в мире с Богом? — облегченно вздохнул Игорь.

— Миру — мир! — возвратившись на землю, съязвил Бейрут.

Увидев улыбку на лице монаха, он раздраженно добавил:

— Только не думай, что для меня ваша организация, ваша атрибутика и ваша неистребимая жажда завладеть душами имеет какую-то связь с высшими мировыми законами. Вам так же далеко до Бога, как тому богачу в Евангелии до рая.

Рассерженный хакер сделал движение сплюнуть, но,

оглядевшись, встряхнул головой и зло прошептал:

— Ладно, Монах, кончай вербовку — ближе к телу! Как думаешь, что он задумал?

Бейрут поднял глаза и удивленно вздрогнул. В молебенный зал входил профессора. Он сильно хромал, кровавое пятно быстро растекалось по брючине. Прижимая руки к бедру, Медведев безуспешно пытался остановить кровотечение.

— Детишки шалят? — сочувственно, поинтересовался Ванькин, подхватывая профессора под мышки.

Тот кивнул и удивленно уставился на атлета.

— Вам лучше туда не входить, — буркнул Илья, кивая в сторону компьютерного зала.

Оттащив Медведева к лестнице, подальше от искрящихся металлических корпусов, он усадил раненого профессора на ступеньки.

Раздавшиеся сверху голоса заставили Илью напрячься. Он замер, прижав указательный палец к губам.

Медведев, придерживая руками разорванные джинсы, молча дернул бровями вверх.

Атлет, прижав палец к губам, тихонько двинулся вверх по ступенькам, вытягивая шею, пока в пределах видимости не появилась голова Коваля.

— Ты что кричишь, как будто мир перевернулся? — выходя из кабинета, строго спросил старец.

— Я знаю, как привлечь внимание Вируса разумного, — воскликнул полковник, радостно потирая руки.

— И как же, сын мой? — поинтересовался белый как лунь старец.

Глядя, как начальник службы безопасности трет распухшее плечо, добавил с сарказмом:

— Вижу, ты уже начал диалог.

Коваль, не замечая иронии, кивнул.

— Нужно подключить в нашу сеть компьютер покруче — подкормить зверя, если можно так сказать, показать, что мы готовы на жертвы ради общения с ним, — продолжал он. — Этот язык понимает любое живое существо. Только вот где взять такую машинку, ведь у нас он уже все захватил?

Старик довольно улыбнулся, сгрёб пятернёй белоснежную бороду, хитро покосился в сторону лестницы.

— Ты думай, как дальше с ним беседовать, а заботу о нужном компьютере я возьму на себя. Мало ли у нас прихожан в нужных местах работает. Найдем и покруче, и посовременнее, — досказал он.

— Ишь до чего дожили: разумной программе взятку борзыми

щенками. Ха! Светлая голова у тебя, полковник! Только Бога не чтишь, как полагается.

Старец резко повернулся в сторону лестницы, отчего Ванькин едва не полетел по ступеням вниз.

— Мальчишек не тронь! Пока, — пробурчал голос отца Михаила и вслед за этим зашуршали приближающиеся шаги.

Ванькин, не вставая, прокатился до основания лестницы, гневно стреляя глазами всякий раз, когда его зад касался очередной ступеньки.

— Блин! — прошипел он, вскочил на ноги и тут же присел, склоняясь над окровавленной ногой Медведева.

— Лысый мафиози? — поднимая голову, Илья уставился на профессора.

Тот возмущенно взмахнул руками, отчего из открывшейся раны хлестнул горячий фонтанчик.

— Лысый сопляк с охотничьим тесаком! Я не мог даже предположить, что он…. Стоп! — дернулся Медведев. — А ты откуда знаешь?

— И вы здесь, профессор, — пробурчал Коваль, спускаясь по лестнице.

— У меня от вас всех уже голова болит, — добавил уже у выхода.

— Голова не… кхмм, — осекся Бейрут, с сожалением смотря на иконы, висевшие на стенах.

— Перевяжи да лежи!

Ванькин, не обращая внимания на бывшего шефа, продолжал осматривать рану.

— Я с ними на входе встретился, но меня они не тронули, — ответил он, профессору. — Вам к врачу нужно! Рана хоть и неглубокая, но как бы заражения не случилось.

— Не случилось! Ты бы лучше разведал, что наши «братья во Христе» задумали, — воскликнул Бейрут, дождавшись, пока полковник исчезнет за дверью, ткнул пальцем в сторону второго этажа.

Профессор, соглашаясь, закивал, тяжело поднялся на ноги, демонстрируя, что может обойтись без помощи, уверенно двинулся к выходу, но у двери споткнулся. И если бы не вовремя подставленный локоть Ванькина, наверняка бы рухнул на пол.

— Держитесь, профессор, — предложил здоровяк, хватая Медведева за плечи. — Ну их, братьев этих. Я и так многое услышал, вот только понять ничего не могу.

— Излагай, — потребовал профессор.

— Они с попом, — проговорил Ванькин, повертев рукой у головы. — Ну! Как Дед Мороз который…

— Отец Михаил, — подсказал неслышно подошедший Жора.

Ванькин, оглядываясь, молча кивнул.

— Не тяни жилы, Геракл! — возмутился Бейрут.

— Короче! — заговорил Илья. — Они хотят предложить кому-то взятку, чтобы выйти на разговор. Крутой компьютер за базар!

Жора с Медведевым громко рассмеялись.

— А чё вы ржёте?

— Ванькин молодец! — громко произнес Бейрут, мигом останавливая веселье. — Он смотрит на мир трезвыми глазами.

— Издеваетесь? — пробормотал вконец растерявшийся атлет.

Выйдя во двор, Ванькин с профессором, не сговариваясь, осмотрелись по сторонам. Илья не переставал озираться и дальше, пока шли к машине, и успокоился, только когда Медведев оказался в салоне автомобиля.

— Ладно, вирусмейкеры, мы поехали в больницу, а вы тут в свои игрушки играйте, — смакуя необычное слово, Ванькин бухнул дверцей пожилой иномарки.

Отяжелевший «Фольксваген», припав к земле, неспешно двинулся прочь от храма.

Бейрут, проводив машину взглядом, усаживаясь на ступенях, выхватил из сумки ноутбук.

— С вами хорошо, а без вас лучше. Пойду к атомщикам, посмотрю, как у них дела.

Из-за двери выглянула удивленная старушка, посмотрев на хакера, покачала головой.

Тренькнул сотовый телефон, зашуршал, обмениваясь данными с лежащим на тощих коленях компьютером. Поток нулей и единиц хлынул в мировую паутину, устремляясь по нужному адресу.

Прошло несколько минут, прежде чем на экране появилась схема вычислительной сети АЭС. Коснувшись изображения взглядом, Бейрут присвистнул от удивления:

— Ну, ребята постарались с защитой! В тройное кольцо сеть упаковали. Не проехать, не пройти. Вижу! — завопил вдруг хакер, замечая слабое место в программной защите.

Захлопнув за собой калитку в виртуальный мир, он слился с компьютером в единое целое. Отгородившись от реальности мелькающим компьютерным экраном, тихо прошептал:

— Я иду, а вы не ждали! Тук-тук-тук!

* * *

— Открывай! — в очередной раз заорал за дверью

недовольный Юрий.

Конечно, программный шлюз для входа на сервер станции не имел ничего общего с привычной дверью, но для виртуального бойца это была самая настоящая дверь: деревянная, с замком и массивной медной ручкой.

Стук повторился, но Тромб не спешил с ответом. Разговор с Вирусапиенсом вывел его из себя.

Для администратора, сидевшего перед монитором, беседа двух противников выглядела как преступление — в лучшем случае, как измена — в худшем. Для него разговор представлялся потоком данных кочующих от одной программы к другой. От Тромба к Вирусапиенсу и обратно.

Визуализация компьютерных процессов недоступна человеку, но старому хакеру очень хотелось видеть перипетии войны в сети, и он активно работал над созданием дешифратора, способного делать возможными такие наблюдения.

Тромб закончил кодировщик. Он использовал наработки компьютерщика, но, зная о его трепетном отношении к своему детищу, ждал удобного случая, чтобы ненавязчиво подтолкнуть к решению задачи.

Стук повторился — на этот раз громче.

Юрий должен был догадаться о присутствии Вирусапиенса и без видеопреобразователя: антивирусник без труда обнаружил его. Потому-то программист рвался в бойцовские апартаменты — а то, что он стучался, говорило об окончании работы над программой создания и распознавания образов.

Стук прекратился.

Дверь открылась, и на пороге появилась виртуальная копия довольного толстячка.

В цифровом пространстве Горев выглядел точно таким же, каким был в жизни — невыспавшийся, с темными мешками под глазами, широченной улыбкой и выпирающим животиком.

— Чем ты тут занимаешься? — поинтересовался он, постоянно поглядывая, то на живот, то на ноги. — Взгляни, что в сети творится!

Он повернулся, поправил взлохмаченный волосы. «Ну, скажи же что-нибудь!» — безмолвно кричали его глаза, а изо рта, не прерываясь, сыпались иные слова:

— Почтовые сообщения прут со всех сторон. Антивирусные программы их не останавливают, но меня-то не проведешь! Слишком много мусора и никакой активности. Почта идет из нашей сети! Как будто компьютеры сами себе шлют письма. Пакуют вирусы пачками, маркируя послания как безвредные. Я думаю, кто-то знает наши коды и пользуется ими для разведки

местности.

Как только Горев замолк, его виртуальный образ заколыхался и тут же начал разваливаться, осыпаясь отдельными пикселями.

— Сырая программа, нужно многое переделывать, — проворчала с пола цифровая куча, взмахнув остатками истончающейся руки.

Цветные квадраты зашевелились, наползая друг на друга как муравьи, полезли вверх. Из пиксельной мозаики восстал недовольный администратор. Сердитый взгляд, оббежав виртуальное помещение, остановился на озадаченном бойце. Юрий еще больше нахмурился.

— О нас уже в газетах пишут, Интернет гудит. А что делает твоя хитрая кибернетическая морда?

— Он обещал перемирие, — неуверенно, словно нашкодивший ребенок, начал Тромб и тут же запнулся.

— Вирусапиенс сканировал наши коды, когда я отключил защиту, — заорал он. — Ему нужен был доступ на станцию, а не переговоры!

Воин заметался из угла в угол.

— Всю почту в печь! Я на позицию!

Кинулся к выходу, но был остановлен резким окриком Юрия:

— Не суетись, умник, поздно уже.

— Впустив вируса на сервер, ты погубил себя, уволил меня, разрушил нашу систему безопасности и, возможно, убил не одну тысячу людей и машин, — изображая обиду, процедил Горев. — Заставь дурака богу молиться, он и ключи от квартиры в церковь отнесет.

— Но я не… — взревел Тромб, но, сообразив, что пенять за свою самоуверенность не на кого, замолчал и виновато выдохнул:

— Прости, друг!

— Ладно, проехали, — смягчился Горев. — Мы тоже не лузеры с новой клавой под мышкой. А уж если кого обмануть, то в этой области прикладных наук человек сильно поднаторел: ни один вирус, будь он даже сапиенс, ему в подмётки не годиться, — улыбнулся он.

— Я, конечно, почувствовал, что дело нечисто, когда он на сервер проник. Но, если б не он, то я, старый мышиный коврик, проворонил бы атаку. Феноменальный молодой человек! В сеть прошел, как к себе домой. Мою защиту как промокашку! Сразу организовал прием корреспонденции её доставку к уничтожителю и утилизацию.

Юрий на мгновенье задумался, погрустнел и продолжил уже серьёзно:

— Он тебя за Потёмкина принял, говорит, что только тот мог

оказать такое сопротивление Вирусапиенсу. Я сказал, что Потёмкина здесь нет. Про тебя не стал рассказывать, но он не дурак. Если прошел меня и нашу защиту, то без проблем выйдет на тебя.

Горев, разводя руками, в очередной раз кокетливо повернулся, словно модель на подиуме:

— Кстати это он меня так визуализировал. Я думал, просчитывал, экспериментировал с алгоритмами, а этот мальчишка только взглянул на дешифратор и тут же нашел решение. Эх! Пора на пенсию, базы данных писать.

Образ администратора вновь заколыхался, помутнел.

— Теперь тебя видеть хочет, — досказал он.

— Если хочет — значит, увидит. Это Бейрут. Я его знаю, — не переставая думать о Вирусапиенсе, произнес Тромб. — По старой жизни знаю.

Боец вздохнул, вспоминая время, когда жил в голове Потёмкина. Блуждающий взгляд его, упал на запыленное окно, сквозь которое виднелась улица.

В воздухе кружились мириады горящих светляков.

— Это электронная почта догорает, — проворчал Горев, кивая в сторону падающих звездочек.

— Вся эта нечисть, как только почта гореть стала, рванула распаковываться из писем, но не тут-то было.

Юрий помолчал, поглядывая на бойца, неуверенно продолжил:

— Вирус в этот момент с тобой разговаривал. Видимо, не успел сообразить, что его обходят.

Тромб подключил внешние камеры и выглянул в реальный мир.

Пожилой мужчина, кружил по залу, опутанный проводами с трудом вживаясь в виртуальную действительность.

— Нужно сделать датчики беспроводными, а это подобие ведра на голове заменить жидкокристаллическими очками, а то с ним ты на пугало из сказок похож, — пробормотал боец.

— А еще лучше подключиться где-то на пути между глазом и мозгом. Через эту врезку можно будет подавать нужную информацию прямо в мозг.

— Не по нутру мне твои проекты, — пробормотал Юрий, снимая громоздкую конструкцию.

— Тяжела шапка, — добавил, осторожно опуская массивный шлем в коробку из-под бумаги.

— Но не даёт забыть, что ты человек, а не киборг со встроенными схемами в голове, — шепнул Тромб.

— Триста раз прав, боец! — прошелестели динамики и на

одном из экранов, появилось улыбающееся лицо Бейрута.

— Чтобы не терять время на лишние преобразования, нужно встраивать компьютерные компоненты прямо в организм человека. Или адаптировать человеческие органы к компьютерным составляющим.

— Ну да! Сегодня гиппокамп расширим, — прервал разошедшихся прожектёров Юрий, недовольно морщась. — Как же — оперативная память, без неё никуда. Завтра неокортекс слабоват — жесткий диск на его место! Супер! Потом камеры вместо глазного яблока, чтобы в темноте видеть и в ультрафиолете.

Бейрут махнул с экрана рукой.

— А тебе лучше так, как есть: уставшему, больному и хромому? — предположил он. — Чтобы живот торчал и ноги к вечеру не держали, а мозги едва не закипали от переизбытка информации?

Юрий, поглаживая старательно втянутый живот, обиженно проворчал:

— Что, сильно торчит?

— Да ты не бойся, Ядреный, — подбодрил пожилого хакера Бейрут. — Я думаю, наш боец знает другой путь преобразования человеческого организма. Они с Потёмкиным прошли его вместе. Вот только где наш друг сейчас?

Тромб взмахнул рукой и громко произнёс:

— Путь усовершенствования человека есть, только есть и побочный продукт — Вирус! Мы с одним ни справиться, ни договориться не можем. А если таких будет несколько, или, того хуже — много?

Бейрут скривился при упоминании Вирусапиенса.

— Получается, что лучше в проводах да с ведром на голове, чем с вирусом в заднице, — закончил он.

— Ты хотел сказать — в сети? — поправил Юрий.

— Я сказал то, что хотел сказать. Какая это, к черту, сеть? Куда ни глянь — кругом дерьмо! Ходишь, как по двору весной — не захочешь, а в дерьмо вступишь. Вам привет от соседской собачки.

Бейрут, брезгливо встряхивая руками, посмотрел вниз, словно действительно вступил в очередную «неприятность».

— А если из побочного продукта сделать полезный! — воскликнул он, оживляясь. — Приручить!

— Представь себя в клетке с диким тигром, — раздался голос Тромба. — Кто кого приручать будет?

— А ты в порядке — с юмором, — улыбнулся Бейрут и уже серьезно закончил: — Страшно конечно, но что делать? Сеть

теряем — это факт, вот только ему и этого мало — он в мир рвется, к человеку. И судя по последним событиям, у него это начинает получаться.

Изображение Бейрута исказилось.

— Похоже, он меня нашел! — прокаркали динамики сквозь скрип помех.

— Вы где? — быстро выкрикнул Горев.

Сквозь какофонию звуков донеслись едва различимые слова:

— В храме!

— Давайте к нам, — прокричал Юрий.

Связь оборвалась и наступила тишина.

— Гейм овэр, — прошептал Горев и резко хлопнул ладонью по столу.

— А как ты собираешься хакеров на станцию протащить? — поинтересовался Тромб.

— В любом заборе найдутся дырки! — оглядываясь на дверь, прошептал Горев.

— Не думаю, что твое начальство обрадуется, увидев посторонних…

* * *

— Вас здесь быть не должно! — вновь взорвалось в голове, но в этот раз Дмитрий был готов к ментальному удару и потому даже не пошевелился.

— Ну что, братишка, будем договариваться! — воскликнул Пугачёв, продолжая мысленный пинг-понг.

Активность горящих шаров понизилась, и давление на головы землян ослабло. Казалось, что гуорки, отгородив свою реликвию — эллипсоидный компьютер, успокоились.

Вячеслав неожиданно вспыхнул, загорелся маленьким солнцем, прячась от внешнего мира за сферической защитной оболочкой.

Нестерпимый блеск затмил сияние ближайших плазмоидов.

— Мы пришли с миром, — вспыхнула раскаленная сфера, окружающая Пугачёва, имитируя одного из гуорков.

— Вас здесь быть не дол…

— Где мы, чёрт возьми, должны быть, по-вашему? — выкрикнул Вячеслав, выстреливая короткой молнией в сторону гигантского эллипсоида.

Ответная вспышка возмущенных гуорков накрыла энергетический щит Пугачёва, лизнула огненными языками Димкиного защитника.

Невообразимая сила смяла двух крохотных существ, сжимая окружающее пространство в сияющий кокон, швырнула его на тысячи, миллионы километров вдаль. Туда, где не было ни гуорков, ни их бесценного артефакта.

Дезориентированный Потёмкин, окруженный со всех сторон непроницаемой защитой, с трудом пришёл в себя.

— Броненосец, у меня глюки? — услышал Дмитрий голос друга в голове.

Пугачев в очередной раз прошел защитный экран, толкнул в спину.

— Выбирайся наружу.

Силовой кокон дрогнул, поплыл свечой, становясь тоньше и прозрачнее, раздался хлопок, и незамутненная сфера исчезла. Металлический обруч, охватывающий голову, замолчал.

— Русса! — воскликнул Дмитрий, замечая гуорка.

Глаза смотрели на паривший в воздухе светящийся плазмоид, а в голове улыбался гигантский слоноподобный зверь.

Махнув рукой гуорку, Дмитрий повернулся к товарищу.

— Знаком слонопотам? — удивился взъерошенный Пугачёв.

Тело Славки ещё дымилось и вздрагивало, сбрасывая в пространство накопившуюся энергию.

— Вас там быть не…, - начал было Русса, на мгновение превращаясь в пылающий жаром плазмоид.

— Не должно! — засмеялся Вячеслав.

— А здесь нас быть должно? — подмигнул он гуорку.

— Маловат словарный запас, яйцеобразный.

Дмитрий хотел остановить приятеля, но в этот момент гуорк, в очередной раз обернувшись розовым слоном, на чистом русском языке, без запинок и чужеродного акцента, произнёс:

— Смеётся тот, кто в конце концов остается в живых!

В воздухе повисла тишина.

Русса наслаждался видом провала, образовавшегося на месте рта собеседника.

— Русско-гуоркская поговорка, — странно булькая, досказал он.

Вячеслав, захлопнув рот, потешно сглотнул и довольно заухал:

— Хммм-у-у-у-ху-ху-ху!

— Здесь русский дух, здесь Русью пахнет! — вспомнил он слова великого поэта.

Глядя на смеющуюся парочку разумных, но совершенно разных существ, Дмитрий впервые с момента, как попал в этот перегретый мир, спокойно вздохнул:

«Жизнь продолжается. Договоримся».

* * *

«А может, закончилась она… прошла? Пора платить за все: и за первую, лихую её часть, и за вторую — не менее разудалую», — подумал Емельян, осторожно переворачиваясь на бок.

Однако боли избежать не удалось: тело после работы мастеров пытошных дел превратилось в одну большую кровоточащую рану.

«И все же, как ни крути, видимо, судьба мне быть лихим человеком. Был вором в первой жизни — в далеком будущем. Стал разбойником — или предводителем разбойников — во второй», — продолжал он размышления.

В последние дни, в ожидании казни, его держали в клетке, расположенной внутри тюрьмы.

Другие обитатели застенков, с тоской взирая на одинокого закованного в кандалы пленника, протяжно и громко вздыхали, прощаясь с несбывшейся мечтой о справедливом крестьянском царе.

— Эк они тя подправили — живого места нет, — пробурчал грязный, согнувшийся старик, протискивая мутный глаз в щель ржавой решетки.

— Однак, боятся. Где это видано, чтоб битого всмятку в кандалы, да ещё в клетку с пудовым замком, — забубнил сипящий голос и тут же ему вторил другой.

— Боятся, сукины дети!

Тяжелая металлическая клеть, выпячивая крепкие скобы с тяжелым амбарным замком, бросала вызов мающемуся духу, загнанному в полумёртвое переломанное тело.

«Сейчас бы пусть самый простой инструмент, я бы вам показал замок», — подумал Емельян теряя сознание.

— Царём, однако, я побывал, — успели прошептать разбитые губы.

— Царя казните! Петра Третьего! — эхом донеслось из сгущавшейся в углу темноты.

Крикливый обитатель сумрачной камеры громко хрипел, пытаясь просунуть окровавленную голову сквозь прутья решетки.

Распухшее лицо вдруг озарила страшная улыбка.

— Ироды!

Каждое движение узника, взламывая засохшую грязную корку, покрывающую лицо, вызывало обильное кровотечение.

Разрушительная работа тружеников садистического цеха похоже затронула не только тело узника: она уничтожила его разум.

Бегающие глаза ощупали лежащего в клетке Емельяна.

Затравленный взгляд переместился к потолку. Бедняга, схватив себя за бороду, мотнул головой вперед, но тут же взвизгнул от боли, когда торчащий из решетки железный штырь, разорвав бровь, погрузился во влажную глазницу. Бедолага, зажимая вытекающий глаз руками, грохнулся на пол и завыл от боли.

— Не взять вам Емелю, — пробормотал очнувшийся узник, звеня кандалами. — И не такие замки открывал.

Он попытался встать, но ноги не хотели держать измученное тело. Руки не подчинялись, отказываясь выполнять самые простые движения, но злость вперемешку с упрямством толкнула пленника вперед.

«Добраться до решетки!» — загудело в голове.

Стиснув разбитые с острыми краями осколки зубов, преодолевая боль, он пополз.

— Смотри-ка, ожил царь, на свободу рвётся, — зашипел где-то за спиной удивленный.

— Откуда только силы берутся?

— Глядь, и второй горемыка кости поволок, — заметил невидимый обитатель соседней камеры.

Из темноты показалась рука и ткнула трясущимся пальцем в сторону безвольного тела, приблизившегося к решетке дальней камеры.

Судя по крепости хлипкой двери, запирающей узилище безумца, он уже ни для кого не представлял интереса и находился здесь либо по причине забывчивости тюремного начальства, либо в ожидании смерти, которая почему-то задержалась с приходом.

Безумный взгляд единственного глаза уперся в Емельяна.

— Боже! Неужели и я вот так: как животное? — взвыл тот. — Нет!

— Да ты не бойся, — выдохнул безумец, и на секунду остатки разума осветили мутный взор. — Иди ко мне.

Емельян не отводил глаз от пустой окровавленной глазницы. Страх внезапно прошел, боль осталась где-то в стороне — за дверью чужого разума. Его боль прошла. Сменилась привходящей, пугая неупорядоченностью, как если бы сердце заболело справа.

Он почувствовал себя исследователем. Забыв о своем бедственном положении, с удивлением погрузился в мир необычайных ощущений не родного тела.

«Вот бы человек умел проникать в голову другого. Насколько проще была бы жизнь! Или сложнее? Мир, где нет обмана, где каждый знает, что думает собеседник. Осталось ли в голове у этого убогого что-нибудь человеческое?»

Емельян чувствовал силу, затягивающую его разум в пучину чужого сознания, в омут пугающего сумасшествия.

Мрачное убежище пропитанное горем, пропахшее страданием. Коридоры — бесконечные, запутанные, со множеством тупиков и ответвлений.

Емельян плутал в лабиринте поврежденного мозга, сложном и простом одновременно.

Вот в конце коридора мелькнула одинокая сжавшаяся фигура. Маленький, трясущийся человек, заметив приближение незнакомца, метнулся в тень и исчез. Емельян бросился следом, догнав, пытаясь остановить, прикоснулся к плечу. Словно электрическая искра проскочила между ними: как будто открылся третий глаз и он увидел обрывки мыслей. Куски размышлений, сталкиваясь друг с другом, вспыхивая и дробясь, прогнали темноту.

Емельян, ощутив колыхание воздуха за спиной, резко повернулся.

Дрожащая стена растворяясь, явила удивленному зрителю мрачную картину.

Бородатый крепыш с разбитой до неузнаваемости физиономией, сжимая мокрыми от крови руками тяжелый амбарный замок, копошился за металлическими прутьями большой клетки. Голова, прижатая к решетке, напряженно задрожала. Бородач сердито крякнул, шумно выдохнул и расслабленно опустил руки.

Дверь в клетку открылась и пленник переступил порог.

«Это же я — подумал Емельян. — Тьфу ты! Если человек в клетке я, тогда кто же это?»

Емельян, еле сдерживая крик, ощупал незнакомое лицо.

«Не моё! Схожу с ума! Боже мой!»

Он испуганно уставился на ползущего к нему человека, шарахнулся в сторону. Шепот со всех сторон, постепенно превратился в рокот морской волны. Шум прибоя усилился, ударяя в уши рёвом взлетающего реактивного лайнера. Страх, холодными тисками сковал волю, добираясь до самых отдаленных уголков измученной души.

Закричав, он рванулся на свободу — прочь, подальше от мрачной пещеры, от бредовых размышлений и фантастический видений.

Влажный от крови и мочи пол показался Емельяну родным.

— Фуууу, — облегченно выдохнул он, затравленно озираясь по сторонам. Коснулся руками холодной решетки.

— Вот уж не думал, что вид каталажки может греть душу. Ночь заканчивается — скоро казнь. Думай, Емеля! Думай!

Окон в камерах нет, но судя по шуму за стенами, можно предположить, что наступило утро. Где-то во дворе застучал

топор, наводя Емельяна на мрачные размышления. С каждым ударом он все ближе приближался к моменту казни, ощущая на шее тяжесть топора.

Думай Емеля! Думай!

Из-за двери послышался звон ключей: приближались надзиратели.

«Черт! Как жить-то хочется», — заметалась в голове истерическая мысль.

Емельян из последних сил затащил в клетку своё израненное тело, закрыл дужку замка и стал ждать.

— Ну что, Пугач, самозванец? Пора к Богу! — здоровенный детина распахнул тяжелую дверь, пропуская вперед мужиков с цепями на бычьих шеях.

— Ты уж нас, батюшка, прости, но мы тебя как медведя на цепи поведем, а то мал чё, — просипел охранник, смачно харкая на пол.

— Царя казните, ироды, — завыл безумный голос. — Петра Третьеегоо!

Емельян шагнул к вопящему умалишенному. На одно мгновение встречаясь с ним взглядом, он прыгнул навстречу безумству, пылающему внутри расширенного чёрного зрачка. Только на этот раз не просто заглянул внутрь мрачной пещеры, не робко переступил порог, а бросился внутрь с головой. Как раненый зверь прыгает в пропасть, спасаясь от огня.

Словно водоворот закружился за ним, втягивая в пещеру, что-то не совсем осознанное, иррациональное.

Мелькающие перед глазами воспоминания из прошлой жизни в будущем смешивались с картинами жизни, которой он никогда не жил. Чужая жизнь наступала, выплёскивая яркие воспоминания.

На мгновенье показалось, что он упирается в непонятные морды чудовищ с большими кнутами в руках. Со свистом взлетели плети, разрывая плоть, вгрызлись в человеческое тело. Кровавые брызги выстрелили в воздух. Он закричал, но не услышал крика; оглянулся, но ничего не увидел.

Нет — что-то всё-таки видно…

Недалеко в клетке, в центре большого зала, копошится бородатое тело в попытках противостоять здоровенному конвоиру, орудующему металлической цепью. Мычит, бьется о железные прутья, пытается вырваться.

— Пошли, царь-батюшка, — кричит коренастый детина, стягивая оковы за спиной пленника. Тот лишь молчаливо сопит, словно бездумная кукла трясет головой, — затем, словно вспомнив что-то, открывает рот.

— Прости меня, Господи! — пытается закричать Емельян, но не слышит слов.

Вот только бородач, оскалившись, раздвигает разбитые губы и громко, по-звериному, ревет.

Рёв сумасшедшего ударяясь в потолок, мечется между стен.

Верзила, доставая из-за пояса деревянный конус с лоскутами у основания, ловко запихивает убогому в рот, обматывая тряпицу вокруг головы, довольно улыбается.

Бесноватый успокаивается, в глазах тухнут остатки разума, — словно кто-то выключил свет.

Стражник пихает безропотного пленника, влачащего тяжёлые железа:

— Пора на престол. Гыы!

Свет померк.

Емельян, теряя ощущение времени, проваливался в беспамятство…

Где-то далеко зазвенели.

«Просыпайся!»

Закусив губу, он почувствовал солоноватый привкус. Боли не было, как не было и мира вокруг.

Все усилия привести себя в чувство ничего не дали. Действительность не желала проясняться.

Где-то за окном тысячеголосый рев толпы взорвал воздух.

Он перестал ощущать себя человеком.

Он — «нечто». Разум сам по себе.

— Я - Емельян! — заорало сознание, с ужасом ощущая разваливающиеся логические связи.

Пещера, в которой заблудился его разум, неожиданно осветилась едва видимым светом. Извилистый каменный лабиринт вытянулся длинным прямым туннелем к сияющему вдали пятну, мелькающему серыми картинками.

— Или я Пётр? — спросил он себя, всматриваясь в серый экран.

«Чёрт! Это же камера!» — мелькнула осознанная мысль и тут же исчезла, испуганная другой, пришедшей на смену.

— А где же клетка? — завопил безумный голос.

— Я - Емельян, и я был в клетке!

Через мгновение, а может, через вечность, свет погас. Он вновь почувствовал себя загнанным в ловушку зверем. Прислушиваясь к ощущениям, осознал, что забыл, кем был когда-то, потерял своё имя.

Лишь неосознанные, полуразрушенные образы, пихая друг друга, бродили неясными тенями в темноте, рассыпаясь на ходу, превращаясь в пыль отживших мыслеформ.

На мгновенье придя в себя, он ощутил болезненный тычок в спину.

— А с этим что делать? — раздался хриплый голос над головой.

Из заполненного болью тумана выдвинулась отвратительная жирная харя с желтыми гнилыми зубами, опухшим синюшным лицом и маленькими крысиными глазками.

— Вышвырнем на улицу. Не жилец он — сам подохнет.

Потом его куда-то тащили, больно ударяя спиной о ступени, тыча головой в полуоткрытые двери. Сквозь кровавую пелену изредка виднелось яркое солнце.

«Главное не показывать, что пришел в себя, — подумал он, но в этот момент рот самопроизвольно открылся.

— Царя казните, ироды, — завопила серая фигура, удаляясь в темноту пещеры.

Мелькающие стены невысоких уродливых домов потеряли очертания. Резкая боль обожгла тело, прогоняя остатки сознания. Его долго и усердно бьют, но он этого уже не чувствует.

Вселенная взрывается в огненном искрящемся водовороте, в который непонятная сила затягивает умирающее тело. Мир выворачивается наизнанку, разрывая человечка на микроскопические кусочки. Затем Мироздание, словно одумавшись, собирает распавшиеся клетки в кучу, спрессовывает в тяжёлый слиток и бросает вперед, в последний момент возвращая сознание.

«Как холодно-то, черт возьми! Безумно холодно… и откуда снег — до зимы ведь еще далеко?»

Ощущая под собой колючие кристаллики, Емельян открыл глаза и с удовольствием вдохнул холодный воздух.

«Царя казните, ироды!» — знакомый голос, сменив дикий вой внутри черепной коробки, постепенно сошел на нет.

В голове прояснилось, но тут же, словно гром среди ясного неба, загудело, завыло, заскрипело.

* * *

Заверещали тормозные диски.

Оставляя на снегу грязные полосы, машина вильнула в сторону и, разгребая бампером высокий сугроб, замерла.

— Какого лешего? — прохрипел Ванькин, выбираясь из засыпанной снегом машины.

Сугроб, приютивший профессорского четырехколёсного друга, вздрогнул, когда Илья, с трудом выталкивая дверь,

вырвался на свободу.

Холодная лавина, устремляясь в тесный салон автомобиля, накрыла чертыхающегося профессора с головой.

Снаружи взревел рассерженный Геракл:

— Ааа!

Сквозь лобовое стекло показался солнечный свет.

Медведев не в первый раз наблюдал, как атлет берет вес, поэтому не удивился, когда машина, оторвавшись от земли, медленно выплыла из снежной ловушки. Послышался громкий выдох богатыря, ощутив удар колес о землю профессор повернулся, но никого не увидел.

Открыв дверь, он медленно вытащил поврежденную ногу из машины и тут же обнаружил атлета. Тот склонился над странно одетым молодым человеком.

Точнее, молодой человек был странно раздет: лохмотья, некогда бывшие подштанниками, едва закрывали то, что в старину называлось срамом. И были они его единственной одеждой.

Глядя на окровавленные тряпки, профессор перевел взгляд на оголенное тело и содрогнулся.

Едва затянувшиеся рубцы, окруженные гигантскими кровоподтёками, всклокоченная борода, рыжая от засохшей крови…

Приподняв голову, незнакомец взглянул на Медведева единственным глазом и, вымученно улыбаясь, зашептал:

— Интеллигент с хищником внутри? Слава богу! Я дома.

«Неужели Емельян?» — тут же вспомнив ночь, проведенную в камере с уголовниками, подумал Медведев.

Пылающий медный факел ниспадающих на плечи волос высветил милый образ Галины, поднявшись из глубин памяти, но тут же исчез, напуганный истошным криком бородача:

— Царя казните, ироды! Петра Третьегоо!

Кровавая корка на губах «царя» лопнула, из трещины на бороду закапала алая кровь, которую он стал быстро, словно собака, слизывать языком.

Тело дернулось, выгибаясь дугой, забилось в конвульсиях. Неожиданно блаженный успокоился.

Профессор замер, вглядываясь в незнакомое лицо. Он был уверен, что перед ним Емельян, несмотря на то, что внешне это был совсем другой человек. Медведев попытался представить мужчину без жуткой бордово-синей опухоли, закрывающей добрую половину лица, но ничего общего с Емельяном найти не смог.

— Тьфу ты, ну ты! — заворчал Ванькин. — Сумасшедший

царь из ниоткуда — и сразу под колеса!

Здоровяк вдруг подозрительно посмотрел профессору в глаза, хлопнул себя по колену и возбужденно зашептал:

— Появился прямо из воздуха — как Потёмкин!

Медведев ошарашено молчал.

— Он что, один из них? — поинтересовался Илья.

«А может, это и не Емельян? — спросил себя профессор. — Ведь совсем не похож…»

Опухшие губы молодого человека шевелились, повторяя раз за разом:

— Царя казните, ироды! Петра Третьего!

Глядя на подрагивающее существо, Медведев не мог поверить, что совсем недавно этот человек мог одним взглядом утихомирить полтора десятка уголовников.

Мелькнула искорка разума, протискиваясь сквозь пелену.

— Как зовут тебя, братец? — тихо спросил профессор.

— Емельян я, — прошептал окровавленный бородач, удивленно прислушиваясь к собственному голосу.

— Ты должен помнить, — выдавил он, словно из последних сил цепляясь за исчезающий проблеск сознания… — Вячеслав Пугачев, — и замолк на полуслове. Криво улыбаясь, бестолково замотал головой.

Ванькин поднялся с колен.

— Вы как будто приведение увидели, — произнес он.

— Знакомый псих?

Медведев обхватил Емельяна за плечи, приподнял, пытаясь поставить на ноги.

— Давай дотащим его до больницы, пока не замерз, — предложил он.

— Вы бы себя дотащили, — недовольно буркнул Илья.

Застегнув кожаный плащ, он подхватил обнаженное тело на руки и двинулся к серой, сталинского типа постройке.

Профессор оглянулся, словно чего-то ждал, бегло повел глазами и поспешил следом.

— Чёрт! Весь в крови буду, — брезгливо морщась, Ванькин отстранился от окровавленного Емельяна. Так и шел, с безвольным телом на вытянутых руках и недовольно бормоча:

— Ему место в дурдоме. Туда его и отправят. Вот увидите.

— Сначала подлечат раны. А там посмотрим, — прошептал профессор, догоняя атлета на пороге старой больницы.

« Потом разберемся, там посмотрим — а что делать сейчас?» — раздраженно подумал Медведев, хромая по длинному коридору, но вслух произнёс:

— Не слишком ли много крови? Вроде ни с кем не воюем, а в

поликлинике как в военном госпитале.

Оглянулся.

Хромые подростки, порезанные мужчины с багровыми пятнами на одежде, женщины с разбитыми головами. Людская масса медленно перетекает из одного кабинета в другой.

— Действительно, как после землетрясения, — буркнул Ванькин, проходя мимо испуганных пациентов.

— Девушка, постойте. Я к вам за помощью! — взревел он, устремляясь вслед за выскользнувшей из соседнего кабинета молоденькой медсестрой.

Яркая блондинка небрежно окинула взглядом бездыханного мужчину на руках Ильи, неопределенно пожала плечами.

— Они тоже не за хлебом! — кивнула в сторону недовольно загудевшей очереди.

Девушка утомленно повела тонкой шеей, по-кошачьи потянулась, явив окружающему миру волнующее зрелище молодого, здорового и выпуклого в нужных местах тела. И тут её взгляд вспыхнул, останавливаясь на широкой, непомерно раскачанной груди богатыря, заискрился неподдельным интересом,

— Что же вы стоите, мужчина? — проворковала девица, приглашающим жестом указывая на дверь. — Заносите тело в кабинет.

Со стороны было не совсем понятно, какое тело девушка имела в виду: Ванькина или Емельяна? Но так как в данном случае интересы этих самых тел совпадали, то Медведев, не задумываясь, подтолкнул Илью к двери.

— Вперед, — бросил он.

Атлет, сопровождаемый оценивающим взглядом медсестры, исчез в кабинете.

Профессор пристроился в хвост очереди, готовясь к длительному ожиданию, но не прошло и десяти минут, как из соседней двери появился раскрасневшийся Ванькин.

— Дмитрий Степанович, зайдите! — воскликнул он, коротко махнув рукой.

— Настенька, позаботься о профессоре, — важно произнёс Ванькин, как только Медведев пересёк порог кабинета.

— Кто вас так? Младенцы или домохозяйка? — не то спрашивала, не то констатировала факт Настя.

Яркая, гибкая, загорелая — она больше походила на модель из глянцевого журнала, чем на медицинского работника.

Ловко стягивая штаны со смущенного профессора, осмотрела рану. Длинные ухоженные пальцы коснулись пореза и с неожиданной для них силой сжали воспаленные края. Мелькнула

изогнутая игла.

Не прошло и десяти минут, как профессор сидел на кушетке, с обработанной раной и уколом в заднице.

— У вас всегда столько пациентов? — спросил он, когда Настя стащила окровавленные перчатки.

— В последнюю неделю — аншлаг! — выдохнула девушка, поднимая глаза к потолку.

— Половина к хирургу, половина к психиатру. Дети, старики, женщины. Потом меняются местами. Эпидемия галлюцинирующих идиотов! — девушка громко засмеялась, тряхнула белоснежными локонами.

— Вы только подумайте. Глаз из монитора на них смотрит! — сквозь смех продолжала она. — И не просто взгляд, а проникающий прямо в душу! Ха-ха-ха!

Ещё через пять минут, с плотной повязкой на ноге, Медведев в сопровождении Ванькина покинул больницу.

— Не волнуйтесь Дмитрий Степанович, — поддержал Илья хмурого профессора. — Настя присмотрит за вашим царём-батюшкой, пока он на ноги не встанет.

— Легковерный ты, Илья. Думаешь, она под действием твоей обаятельности станет возиться с полусумасшедшим пациентом? И, уж тем более, она не сможет его охранять, — грустно улыбнулся Медведев, забираясь в салон «народного автомобиля».

— Кому ваш псих нужен? — проворчал Ванькин, втискивая громадное тело в кресло водителя.

— Как знать, как знать, — задумчиво пробормотал Медведев.

Он смотрел на Илью и не мог заметить, как из-за деревьев, не торопясь, вышел одинокий старик.

— Убогий здесь, — прошептал он, поправляя белоснежную шевелюру, одернул рясу и, как только машина профессора исчезла за деревьями, двинулся к больнице.

— И это хорошо!

* * *

— Ну не знаю. Хорошо это или плохо? И знать не хочу! — возмутился Игорь, одергивая волочащуюся по полу рясу.

— Делать этого не буду и вам не дам! — добавил он решительно.

Возмущался церковный администратор неспроста. Жора предлагал заняться сбором данных для последующего их анализа. Причем для этого он хотел применить довольно специфичный, а

потому неприемлемый для Монаха способ.

— Одну камеру в кабинет батюшки! — хакер выставил указательный палец перед собой.

Игорь обиженно надулся, демонстрируя решимость и как бы говоря, что вопрос обсуждению не подлежит.

Бейрут, молча поднялся со ступенек. Закрывая ноутбук, задумался.

По информации, появившейся в прессе, события, происходящие на атомной станции, могут привести к катастрофе если не глобального масштаба, то уж национального точно. И уж если этой проблемой до сих пор не занялись соответствующие службы, то, видимо, и у них сейчас дел невпроворот.

«Нужно двигать к атомщикам, — решил хакер, возвращаясь к кричащей на два голоса действительности.

— Неужели ты не понял, что задумали твои братья? — вопил Жора, воздев руки к потолку.

Упершись взглядом в лики святых, он смущенно отвернулся.

— Мы не можем следить за отцом Михаилом. — Игорь хмурился, раздувая ноздри, сопел.

— Это низко! Так нельзя!

— Жучок, который никто не увидит, — канючил Жора, не желая успокаиваться.

— Что скрывать святому человеку? Доступ будет только у тебя, — продолжал он, шаг за шагом приближаясь к кабинету святого отца.

— Брось ты его уговаривать, — проворчал Бейрут, обходя Игоря стороной.

— Не видишь, у него поджилки трясутся. Не хочет — не надо. Будем ждать, пока его шеф сам нас позовёт, чтобы поделиться информацией.

— Ладно, обойдемся без камер, — наконец согласился Жора, незаметно подмигнув товарищу. — Но хотя бы заглянуть можно? В виде экскурсии с познавательной целью. Ни разу не видел кабинета священника, — спросил Бейрут, преодолев последние метры, отделяющие его от жилища отца Михаила.

Не дожидаясь ответа, хакер распахнул дверь, сделал шаг вперед, цепким взглядом осмотрел кабинет и, резко вскинув руки вверх, опустил голову.

— Ты что, брат, молиться надумал? — поинтересовался Жора.

Бейрут, поворачиваясь так, чтобы Монах не мог видеть его взгляда, закатил глаза к потолку.

Жора вскинул голову вверх, но ничего не увидел, однако по светящейся физиономии товарища, понял, что произошло.

Жучок был уже где-то на потолке, вот только увидеть его не представлялось возможным — слишком миниатюрны стали творения Бейрута в последнее время.

Подошедший Игорь подозрительно оглядел приятелей, заглянул в кабинет и, не заметив ничего подозрительного, вытолкал хакеров в коридор.

— Нас здесь быть не должно, — пробормотал он, в который раз удивляясь неизменному положению вещей в кабинете священника.

Ни одна вещь не сдвинулась с места, словно хозяин кабинета ни к чему не прикасался.

Друзья, мгновение назад стремились в заветную комнату, а теперь полностью потеряли к ней всякий интерес. Они больше не сопротивлялись, позволив выпроводить себя на лестницу, а затем дальше — в компьютерный зал.

Бейрут, щелкнув пальцами, взмахнул руками и еще один жучок, взлетел к потолку, там и остался, надежно прилипнув к старой штукатурке.

— Я думаю, от нас здесь никакого толку, — устало произнёс Жора, лукаво подмигивая товарищу.

— Нас Тромб ждёт, у атомщиков, а мы тут время теряем. Нужно помочь виртуальному братишке, — оправдывался Бейрут, продвигаясь к выходу.

— А я хотел попросить вас остаться, — раздался вкрадчивый голос, и в зал вошел отец Михаил.

— Но если уже собрались, то с Богом, — быстро добавил святой отец, словно боясь, что друзья передумают.

— Иногда спать нужно, — произнёс Бейрут, не останавливаясь.

— Двое суток на ногах не предел, конечно, но только не среди этих монстров, — кивнул Жора в сторону искрящихся системных блоков. — Первый раз в жизни чувствую себя беспомощным идиотом.

Молодые люди ушли, оставив Игоря наедине с отцом Михаилом. Седобородый старец укоризненно покачал головой, как бы говоря: «Ничего никому нельзя доверить. Всё нужно делать самому».

— Пойдём, сын мой, — вслух произнёс он. — У меня к тебе серьезное задание.

Игорь ожидал, что старец двинется к лестнице наверх, но тот вместо этого пошел на улицу, где суетилась церковная братия. Сосредоточенные послушники тащили из машины большую коробку с ярким интеловским лейблом.

— Твоим заданием будет подготовить эту машину, — старец

кивнул на цветастую упаковку, секунду подумал и продолжил:

— Я хочу, чтобы Вирус понял, если он, конечно, действительно разумный, что это наш дар и наше послание к нему. Мы хотим только одного — общения, — отец Михаил излагал пожелания, как всегда, величественно и торжественно, как если бы сам Господь вложил слова в его уста.

— Нужна виртуальная церковь. Доступный всякому церковный интерфейс. Святое писание поместишь так, чтобы всяк входящий в систему не смог пройти мимо, не ознакомившись с содержанием. И постарайся сделать так, чтобы оболочка была удобной в обращении.

Игорь с любопытством посмотрел на священнослужителя.

Система! Интерфейс!

Всегда относившийся к «дьявольскому изобретению» с опасливо-брезгливым небрежением, отец Михаил изъяснялся грамотным компьютерным языком.

— Сможешь? — прошептал старец, глядя церковному администратору в глаза, отчего у того засосало под ложечкой.

— Нужно время, — ответил Игорь, начиная в уме создавать наброски будущей программы. — Нельзя же просто забить священные тексты и ждать, что Вирусапиенс откликнется.

— У нас нет времени! — голос святого отца зазвенел сталью. — Мессия уже здесь!

— О чём это вы, отец Михаил? — нерешительно пробормотал Игорь.

Встречаясь взглядом с пылающим взором старца, опустил глаза.

— Три дня, сын мой. Нужно постараться! — смягчился тот. — Три дня. И главное — никому ни слова!

Из-за деревьев, дымя колесами, вылетел микроавтобус; взвизгнув тормозами, уткнулся носом в бетонный столбик. Игорь едва успел отскочить в сторону.

Хлопнула дверь, из салона высыпали крепкие ребята службы безопасности. Вытаскивая длинные носилки, они тут же выстроились, так, чтобы никто не мог приблизиться к ним. Под простыней угадывался человеческий силуэт.

Сопровождал необычную процессию Иван Васильевич.

Здоровые бородатые битюги вполне могли сойти за обычных служителей в рясах, если бы… не бросающаяся в глаза военная выправка и пугающая скупость движений.

Отец Михаил, отчего-то взволнованный, забыв о полагающейся по сану степенности, поспешил за полковником.

В последний момент Игорь заметил кровавое пятно, выступившее на белой простыне. «Неужели правы ребята, —

подумал он, когда носилки скрылись за церковными дверями. — Опять крестовые походы? Опять трупы?»

Из-за спины раздался писклявый голос Комара:

— Куда тащить?

Молодой монашек, прозванный так за тщедушное телосложение и необычайно тонкий голос, без особых усилий перенёс большую коробку и, бережно поставив её на пол, стал ждать, пока подойдёт Игорь.

— Открывать? — прошептал Комар, в нетерпении теребя торчащие края упаковки.

— Давай, — кивнул Монах, чувствуя лёгкую дрожь в теле.

Каждый новый компьютер он встречал с трепетным волненьем, словно младенца, появившегося на свет.

— А где? — недоумённо пробормотал Комар.

У фокусника что-то не ладилось и он вместо положенного кролика, слой за слоем извлекал из коробки воздушный пупырчатый материал.

— Компьютер где?

Молодой человек вместе с рукой готов был засунуть в картонный ящик и голову.

— Нашел! — воскликнул он, выбрасывая руку, сжимающую тонкую зеркальную пластину.

— Не может быть! — только и смог прошептать восхищенный Игорь.

— Если он так же функционален, как красив, то я его люблю, — прошептал Комар, не отрывая изумленного взгляда от миниатюрного блестящего корпуса.

— Глубоких чувств питать не советую, эта овечка на заклание: её придётся подключать к заразной сети. У нас три дня на создание дружеского интерфейса, — улыбнулся Игорь, похлопав товарища по плечу.

— За дело!

* * *

— За что, я спрашиваю вас? — вопил взбешенный Пугачев.

Рассыпая кучи искр, он пытался устроиться на раскаленном валуне. Возмущенный неожиданным изгнанием с места переговоров, он никак не мог успокоиться.

— Мы ведь только хотели поговорить!

— За дело, — вспыхнул мыслью Русса, в очередной раз удивляя приятелей.

— Что будет, если мы неожиданно появимся в вашем центре

управления? Там, где у вас свалено грозное оружие.

Дмитрий промолчал, представив нарисованную гуорком картину.

— Уел шарообразный, — засмеялся Пугачев. — Только с языком, дружище, тебе обязательно нужно поработать. Свалено! Надо ж так сказать?

— Впрочем, за нами не заржавеет, можем и свалить, — вдруг согласился он.

— Странные вы, люди. Особенно русские! Сколько знаю вас, не перестаю удивляться, — пульсирующий плазмоид возбужденно засиял. — Приходите в гости без приглашения и удивляетесь, когда вам не рады.

— Если, дружище! — воскликнул Вячеслав, и четко по буквам повторил: — Е-с-л-и вам не рады.

— Если вам не рады, вы устраиваете войну руками, — продолжил Русса, вызвав новую вспышку хохота.

— Война руками, пылающий специалист русского этноса — это драка, буча, потасовка, — отсмеявшись, поправил Вячеслав.

Потёмкин не разделяя веселья друга.

— Сколько? — поинтересовался он, когда Пугачёв успокоился.

— Что — сколько? — вздрогнул Русса, раздуваясь боками, ожег жаром приятелей и тут же опал, остывая.

— Сколько ты нас знаешь? — пояснил Дмитрий.

— Когда появились вы, — ответил плазмоид, вспыхнув множеством световых лучиков.

В голове замелькали миллионы картинок. Исторический проектор быстро отматывал пленку в обратную сторону. Гриб ядерного взрыва сменился сценами второй мировой войны, мелькнули штыки кайзеровских солдат, вспыхнули виселицы, блеснули мечи — мнемофильм, ускоряясь, погружал зрителей в прошлое. Дальше — быстрее, пока картинка не замерла и не сменила ход истории.

Теперь события протекали от прошлого к будущему в привычном ритме.

Мысленному взору зрителей предстала небольшая поляна, затерянная среди высоких холмов.

На заросшем жидкой травой пятаке в ожидании противника выстроились обнаженные гоминиды. Размахивая оббитыми камнями, приземистые существа угрожающе сдвигали массивные надбровные дуги и громко рычали.

Дмитрий с замиранием сердца смотрел на жалкие потуги прародителей рода человеческого выглядеть грозно.

С обратной стороны поляны показались настоящие гиганты.

Покрытые густой рыжей шерстью, с вросшими в плечи мощными черепами, они уверенно двинулись на вооруженных дикарей.

Казалось, у маленьких гоминидов нет никаких шансов на победу: даже наличие некоего подобия каменных топоров не делало их опасными противниками.

Однако то, что произошло в дальнейшем, сильно изменило настроение зрителей.

Строй расступился, вперед вышли совсем уж низенькие воины, и в воздух со свистом взлетели каменные бумеранги. После нескольких секунд сражения на поляне не осталось ни одного стоящего на ногах гиганта. Кто-то корчился на земле, кто-то, стоя на коленях, ревел от боли, прижимая к глазам громадные руки.

Коротышки исчезли за спинами соплеменников, рванувшихся вперед добивать оглушенных противников.

Дмитрий замер, пораженный жуткой развязкой кровавого поединка. Не дыша, он наблюдал, как вооруженные острыми камнями предки ловкими движениями разделывают поверженных противников и деловито таскают куски мяса, скидывая их кучей к ногам самого старого воина.

Отряд метателей между тем тоже двинулся к центру поляны, бросая сухие ветки и куски коры в кучу — недалеко от парящей свежатины.

— Торри! Гыы! Рххх! — зарычал старейшина, вскидывая руки к небу.

Резким движением пожилой гоминид высек яркую искру из небольшого кресала. Та укусила пучок сухой травы, зажатый между пальцами старика, и огонь, почувствовав пищу, перекинулся на сложенные пирамидкой щепки.

Заплясали языки пламени, и довольный костровой вновь издал восторженный крик:

— Торри! Гыы! Рххх!

— Чёрт, не может быть! — завопил Пугачёв. — Тактика, стратегия, оружие! В то время этого никак не могло быть!

— Если маленькие — кроманьонцы, то понятно, куда делись гиганты-неандертальцы! — понурив голову, пробормотал Дмитрий, проглатывая комок, подступивший к горлу. — Ученые голову ломают, почему они исчезли, а их просто выели, как менее приспособленный вид.

— Ты видел, как они добыли огонь? — удивленно взвизгнул Пугачёв. — Если не зажигалка, то прототип её. Странно!

— Даа, брат!

— Весёлое, однако, кино получается: от каменного века до нынешнего дня человеки поедают друг друга. Вся наша история

— сплошная трапеза.

— Вы не рады, что ваш вид победил? — удивленно поинтересовался Русса, останавливая экскурс в историю человечества.

— Я говорил! Вы странные существа! — добавил он, пылая удивлением.

— На себя посмотри, кисель перегретый, — возмутился Пугачёв беззлобно. — Живешь чёрт знает сколько, раз предков наших лично наблюдал, а людей понять до сих пор не смог.

— Ты думаешь, что он сам был свидетелем той сцены? — поинтересовался Потёмкин, не скрывая сомнения.

— Четыреста пять, — пробормотал Русса, потупившись. — Я велико молодой.

— Четыреста пять чего? Тысяч лет? — присвистнул Пугачёв, закряхтел удивленно.

— Не надоело? — тут же поинтересовался он и засмеялся.

— Зачем мы вам? — Дмитрий не обращая внимания на веселость Пугачёва, не удивлялся и не пытался поправить гуорка, когда тот ошибался в понятиях.

— Мы — игроки. Вы — будущие игроки. Земля — игровая площадка, — ответил Русса лаконично.

— Игроки? — выдохнул Дмитрий, задумался, вспоминая странные ночные видения.

— Как силти?

— Не совсем, — пробормотал Русса растерянно.

Весёлый розовый слон сжался в горящий плазмоид, гуорк начал темнеть, судорожно вспыхивая на доли секунды.

— Точнее! — рявкнул Потёмкин, сжимая зубы до скрипа. — Как жукообразные силти, оставшиеся лежать с разбитыми головами на чужой игровой площадке?

— Нееет! — прохрипел Русса.

Малиновый блеск раскаленного металла постепенно угасал, гуорк становился все меньше.

— Я погибаю.

Вячеслав приблизился к темнеющему шару вплотную, озадаченно потер кончик носа:

— Димыч, мне кажется, он не врёт — ему действительно плохо. Что будем делать?

— Что делать? — закричал Потёмкин, сжимая руки, сосредоточился, ударил вспыхнувшей молнией прямо в центр затухающего плазмоида.

«Велико молодой гуорк» вздрогнул, на мгновенье вспыхнув ярким светом.

— Помогает! — улыбнулся Вячеслав, поддерживая товарища.

Он наотмашь хлестнул Руссу пылающим огненным жгутом — так, что гуорка отбросило далеко в сторону, где он радостно запылал маленьким солнцем.

— Вот уж воистину: их бьют, они крепчают, — сказал Потёмкин, прищуриваясь.

— Что с тобой, дружище? — поинтересовался Пугачёв и, улыбнувшись, забубнил, изображая старого зануду: — Заболел — лежи, неча на сквозняках бродить.

— Это не просто объяснить, — живо ответил Русса.

— А ты попробуй! — предложил Вячеслав. — Не зря же мы через всю Вселенную топали.

Гуорк менялся на глазах, то раздуваясь до размеров пылающего дирижабля, то сжимаясь, превращаясь в горящий воздушный шарик.

— Не уверен, что знаю, почему это происходит со мной, — начал он неспешно, — но похоже на действие ваших вирусов.

Дмитрий переглянулся с Пугачёвым, удивленно поднял брови:

— Заразился? — сочувственно поинтересовался он.

— Когда приставили к людям — не было. Потом появились вы — началось, — обжигающе вспыхнул Русса. — Чем больше я узнаю ваш народ, тем чаще отключается моя жизненная сюи.

— Что значит «приставили»? Ты что ж, мальчишка бестолковый? — проворчал Потёмкин, недовольно. — Приставили его!

— Да. Я велико молодой, — ничуть не смущаясь, согласился Русса. — А приставили — значит, я должен следить за вашим народом. Вы, люди, очень странные.

— Заладил: велико молодой, странные! — возмутился Вячеслав. — Что странного?

Русса вспенился, плеснул огненными пузырями, удовлетворенно вспыхнул и подпрыгнул вверх, высоко зависнув над каменной поверхностью.

— Земля, — начал он. — Воюете сами с собой. Нельзя делить одна планета! Забирая у другого — забираешь у всех! Забирая у всех — забираешь у себя!

— Можно подумать, больше никто во Вселенной не воюет! — прервал размышления гуорка недовольный Дмитрий. — Видел я «дружескую» встречу силти и юоки.

Он понимал, что гуорк прав. Война людей с людьми противоестественна, но согласиться, чтобы кто-то со стороны осуждал землян, никак не мог.

— Силти и юоки — жители разных звездных систем. У них спор с планетной системой, расположенной в ничейном

пространстве, и они решили его в игре, — продолжил Русса, как только Потёмкин замолчал. — Команда на команду. Никаких войн. Выбираете планету без жителей, и проводите поединок. Проигравшая сторона уступает. Конфликт исчерпан. Разве не честно?

— А вы, стало быть, в «дружеской Олимпиаде» довольные зрители, потирающие руки? — вклинился в разговор Вячеслав.

— Мы? — задумался Русса, то раздуваясь, вспыхивая, то съеживаясь, багровея.

Сверкающий плазмоид находился в непрерывном движении. По-видимому, это было его естественное состояние.

— Мы — судьи! — выпалил гуорк, как показалось Потёмкину, гордо.

— Организаторы игр и инструкторы.

— А вышивать крестиком не пробовали? — выкрикнул Вячеслав.

— Наверняка и это вам по силам.

— Не понял, — растерялся Русса, съёживаясь.

— Не много ли вы на себя берете? — продолжил Пугачёв, испепеляя гуорка возмущенным взглядом.

— А если стороны окажутся неудовлетворенными результатами «честных» поединков? Если решат продолжить разборки на местном уровне? Если то, что справедливо для одних, покажется нечестным для других?

Русса начал сжиматься, смущенно бормоча.

— Вы думаете, мы не должны? — выдавил он обессилено.

— Славка, остановись! Он опять в обморок упадёт!

И действительно, гуорк медленно, но верно затухал.

— А всё-таки, Русса, что значит «приставили»? — пытаясь отвлечь гуорка, спросил Потёмкин.

— Когда-нибудь ваши интересы пересекутся с интересами других видов. В вашей галактике или другой. Я должен следить за вами и при необходимости организовать игру, — пояснил Русса, вновь озаряя пространство огненными сполохами и мерцая то ярко, то бледно. — Впрочем, похоже, случилось то, чего раньше не случалось. Вы без команды, но уже с претензиями к нам. Я же говорил, что вы странные существа!

Гуорк больше не превращался в слоноподобного зверя, оставаясь плазмоидом, но это не мешало друзьям отчетливо различать эмоции пылающего собеседника.

Чем дольше шел разговор, тем больше Русса смущался. Чаще задумывался, словно хотел что-то спросить или сказать, но не решался. Наконец, он собрался, на мгновенье прекратив хаотические перемещения и решительно спросил:

— Вы пришли воевать с нами?

— А есть из-за чего? — вопросом на вопрос парировал Пугачёв.

— Я не один наблюдаю за Землёй. Некоторые смотрители предлагают изменить закон о невмешательстве. Мой напарник Амме хотел бы стать корректировщиком. Или? — в очередной раз Русса смущенно потух.

— Утомила меня эта красна девица, — выдохнул Вячеслав, наблюдая за эмоциональными метаниями гуорка.

— Что — «или»? — заорал он.

— Амме хотел побыстрее начать игры. Он предлагал организовать их между вашими народами, — прошептал подрагивающий гуорк. — Первые внутривидовые игры. Думаю, он для этого мог вмешаться в вашу историю.

— Деловой парень. Наверняка уже и рекламную компанию подготовил, — возмутился Вячеслав.

— Мог? — спросил Дмитрий. — Или вмешивался?

— Это страшное преступление — вмешаться, — едва слышно произнес Русса. — Потому, если было так, то он постарается уничтожить следы своего вмешательства.

— Мы думаем, что твой дружок вместе со следами исторической правки, решил уничтожить и нас — людей, — завопил Вячеслав, плеснув в сторону угасающего плазмоида струей раскаленной материи. — Не смей выключаться, хлюпик!

— Я не хлюпик. Я первый больной среди гуорков, — застонал Русса.

— Заразился от вас, — добавил он укоризненно.

— Похоже, я знаю, как зовут твою болезнь, — рыкнул Вячеслав, пристально разглядывая гуорка. — Совесть!

— У нас нет совесть, — возразил тот серьезно. — Мы практичный народ.

В голове Потёмкина замелькали яркие образы, выстраиваясь в законченный видеоряд: маленький щенок, стоящий на двух лапах перед человеком, выпрашивает вкусности. Падая на бок, притворяется мертвым. Подпрыгивая, ловит кусочки, летящие с руки хозяина. Это Пугачёв демонстрировал ему свою мысль.

— Не думаю, — ответил он на мыследему вслух. — Они питаются энергией, а её здесь через край. Может, ты и прав насчет совести, вот только в эмоциональную сферу я не ходок, проверить не смогу.

Громкий хлопок прервал разговор друзей. Ослепительный росчерк разрезал атмосферу, заканчиваясь яркой вспышкой, на месте которой через секунду появился подрагивающий от переизбытка энергии плазмоид.

— Я принес вам решение совета админов, — торжественно произнёс он, вспыхивая холодным огнём и высокомерно раздуваясь. — Одна игра!

* * *

— Что наша жизнь? Игра! — пропел Тромб, закончив приготовления к походу по внешней сети.

В начале своего становления усложняющийся разум много времени посвятил просмотру кабельного телевидения. Боец надеялся таким образом приблизиться к человечеству, лучше понять внутренний мир людей.

Как оказалось позднее, великого знания человеческой натуры телевизионные программы дать не могли. В кабельные сети выплёскивалась информация, переполненная эмоциями и противоречащая здравому смыслу.

Тромб и сейчас помнит то удивление, которое охватило его после многочасового просмотра цифровых каналов — когда суммируя полученную информацию, он понял, что ничего нового о своих создателях не узнал.

Ничего нового за исключением песен. Они показались ему тогда закодированными эмоциональными посланиями. Содержимое большинства из них и до сих пор осталось для Тромба непонятым.

Вначале он решил, что перед ним акустические криптограммы, решение которых доступно лишь человеческому мозгу. Анализируя их содержание и применяя все доступные ему алгоритмы, Тромб пытался найти ключ к расшифровке звуковых сообщений. Позднее — уже в человеческом организме — он решил, что им являются эмоции, но и они не дали окончательного ответа на вопрос, почему песни действуют и на животных, и даже на растения.

— Мой друг в поход собрался, — послышался далекий голос Юрия, искаженный микрофонами.

Улыбающийся администратор восседал в высоком кресле, закинув ноги на стол. Небрежно посматривая за приготовлениями бойца, он лениво потянулся.

— Куда идем, партнёр?

— Попробую выйти в сеть, — ответил тот.

Юрий дернулся, как ужаленный. Вскакивая на ноги, он, едва не сбросив клавиатуру на пол, завопил:

— Во внешнюю сеть? У тебя с мозгами все в порядке?

— Ты забыл, что у меня их нет? — громко произнёс Тромб.

Махнул рукой на прощанье, он исчез в темноте коридоров.

— Назад не пущу, — рявкнул Горев вдогонку. Покачал головой и громко вздохнул.

— Вошь! Ты что стонешь? — поинтересовался сонный Бейрут.

Хакеры прибыли на станцию три дня назад. Едва только взглянув на хакеров, Юрий понял, что измученные ребята находятся в той самой «красной зоне», за которой следует состояние тихого помешательства.

Он тут же погнал их спать.

Жора без лишних разговоров устроился на лежаке из стульев, составленных в ряд в углу компьютерной подсобки, среди разобранных системных блоков и неисправных мониторов. Разложив своё длинное тело на узком, но мягком островке, он тут же шумно засопел. И проспал целые сутки.

Бейрут долго возился с сетью, расписывая опасности, ожидающие человечество, когда оно останется без компьютерной поддержки. Как только на экране одного из мониторов возникло изображение странного кабинета с крестами и иконами, он уснул, склонившись над одним из столов.

Последующие дни хакеры укрепляли оборону сети. Восстанавливая электронное поселение Тромба, они наблюдали за неподвижным изображением с камер, расположенных в церкви.

Проснувшись, Бейрут занялся укреплением сетевой защиты, а Жора помог Тромбу восстанавливать разрушенное электронное поселение.

Парни трудились как заведенные, без отдыха и перерывов на обед. Казалось, что они больше никогда не уснут, но два часа назад они все-таки не выдержали.

— Боец ушел, — пробормотал Юрий, вздрагивая от неожиданного толчка в бок.

Бейрут, до этого лениво потягивающийся, мгновенно оказался за его спиной, грубо отстраняя его от клавиатуры.

— Жора, подъём! — заорал Бейрут, сверкнув безумными глазами. — Тромб во внешней сети!

— Подключился! — прохрипел со стороны дальних мониторов, сонный голос и на экране возник силуэт гигантского человека с головой сокола.

Гор, сын Осириса и Исиды, потянулся. Тугие канаты мышц заиграли, перекатываясь под шоколадной кожей. По-звериному выгнув спину, полубог-получеловек метнулся вслед исчезнувшему воину.

Бейрут спешил. Вбивая команды в поскрипывающий вентиляторами системный блок, он нетерпеливо притопывал ногами. Как только «яблочко на клавиатуре» закончилось, он

нахлобучил на голову массивный шлем и гулко пробасил:

— Пасешь сеть, Ядрена Вошь! Мы за бойцом.

— Черт! — буркнул Юрий.

— Во что я играю? — досказал, возвращая ноги на стол.

На экране перед ним заплясал жилистый крылан — лоснящийся, короткошерстый. Громко щелкнули вампирские клыки. Безобразное чудовище, очень похожее на летучую мышь, тяжело взмахнуло перепончатыми крыльями и неожиданно подмигнуло. Рукокрылая собака оторвалась от земли и шумно полетела вслед за Гором.

— Посмотрим, не зря ли я вас пустил на секретный объект в обход всех инструкций и правил, — в последний раз окинув взглядом зал, пробормотал пожилой администратор. — Так ли вы хороши?

Он мгновенно погрузился в работу и уже через секунду забыл о тощих фигурах, бродивших по залу.

Опутанные проводами, со странными шлемами на головах, хакеры вскрикивали, перебирая полусогнутыми пальцами, махали руками.

Покинув разрушенный воинством Вирусапиенса город, друзья, приняв облик фантастических существ, шли по следам Тромба.

Внешняя сеть, встретила хакеров мутным потоком разнообразных вредоносных программ.

Окружающие данные, принимая самые причудливые формы, тормозили движение. Враждебные вирусы становились на пути сплошным потоком, прилипая к телам, цеплялись крюками. Цифровые черви обвивались вокруг ног. Никчемная информация облепляла тело.

Группа поддержки давно потеряла объект сопровождения, но уверенность, что боец появится в сети, приютившей Вирусапиенса, вела её вперед.

Проскочив агрессивное оцепление электронной цитадели, друзья оказались среди многочисленных «долин безмятежности». Здесь дело пошло быстрее: ничто не мешало движению. Переполненные майкрософтовские папки мирно висели в воздухе. Лишь изредка встречались красивые, структурированные под города вычислительные комплексы, но их было немного.

Проскальзывая из компьютера в компьютер, из сети в сеть, Гор и крылан приближались к церковным владениям. Чем ближе они подходили к резиденции Вирусапиенса, тем печальней становился пейзаж. Однообразные поросшие травой холмы сменились унылой выжженной равниной. Стандартные древовидные каталоги черными огарками торчали из земли.

Уродливые, спутанные в клубки деревья стелились над землей. Казалось, мертвая пустыня никогда не кончится.

— Впереди! — кивнул крылан, всматриваясь вдаль. — Это он!

Жора, проследив за взглядом Бейрута, увидел абсолютно чистую поляну, в середине которой разместился освещенный ярким светом Храм. Белоснежные стены, золотые купола, посыпанные желтым песком тропинки, ведущие к невысокому крыльцу — одним словом, умиляющая картина, перекочевавшая из воображения живописца в виртуальный мир.

— Все! — выдохнул он, останавливаясь перед сплошной стеной переплетенных программ, окружающих церковную сеть. — Мы на месте.

— Вперед! — разглядев в живой ограде едва заметный просвет, закричал Бейрут.

Обдирая кожу о щипы, Гор протиснулся в узкую щель и оказался на золотистой дорожке перед церквушкой.

В дверях мелькнула знакомая фигура. Тромб, не оглядываясь, входил в светлый зал.

Гор приоткрыл клюв, но закричать не успел: высокие дубовые двери за спиной воина закрылись, и на поляну выскочило жуткое существо.

Черная клякса мгновенно разрушила пасторальную прелесть виртуального полотна. Показалась зубастая пасть, окруженная короной длинных шевелящихся отростков.

— Это ловушка! — взвизгнул Гор, уворачиваясь от метнувшейся в его сторону плети. Скользкая веревка, затвердевая на лету, распалась на множество сияющих осколков. Сотни соколиных глаз отразились в туче лезвий, пронесшихся мимо головы получеловека.

Крылан рванулся навстречу кошмарному зверю, на ходу складывая кожистые руки-крылья. Тяжелые простыни мгновенно свернулись в длинные мечи. Стальные лезвия замелькали, вращаясь, словно жернова мельниц под напором ураганного ветра. Сверкающий металлический веер ударил отвратительную бестию в грудь, разрезая на части, отбросил далеко в сторону.

Однако это только усугубило ситуацию: мерзкая тварь размазалась в воздухе, оставляя множество копий на своем пути.

Разгневанный крылан шинковал безобразное чудище на тонкие ломтики, но через мгновение каждый из них уже ничем не отличался от оригинала.

Гор вскинул руки над соколиной головой и…

Всё закончилось: исчез Храм, пропало чудище, погасло солнце.

— Что за…?

За спиной Горева, послышалась громкая возня.

— Где? Какого чёрта?

Юрий развернулся в кресле и понял, что игра в «прятки с ведром на голове» закончилась.

Бейрут больше не бродил с раскинутыми в стороны руками. Тряся головой и громко ругаясь, он стягивал шлем.

Жора, оставаясь невидимым, громко сопел в дальнем углу.

— Вышвырнули, как юзеров, — зашипел он. — А где боец?

— Ты разве не понял, что произошло? — заорал Бейрут. Схватив клавиатуру, он громко брякнул её об стол и быстро защелкал клавишами.

— Они дождались, когда Тромб вошел в сеть храма и просто отключили соединение!

— Отрезали провод? — спросил Юрий, вклиниваясь в разговор. — Так это же здорово! Вы же сами хотели храм от мировой сети отрезать.

— Ну, ты то хоть… — скривился Бейрут, но Горев резко оборвал его.

— Азбуку изучил? Сопли под носом, а туда же: хамить пожилому человеку. Да я! — Выпирающий живот угрожающе надвинулся на хакера.

— Программы писал, когда тебя еще на свете не было! — неожиданно закончил он.

Невозмутимый Бейрут скептически осмотрел пожилого админа с ног до головы, будто видел в первый раз, цыкнул сквозь зубы и спокойно произнес:

— Ты и сейчас их пишешь. Только они… для тех машин, которые изготовлены ещё до моего рождения.

Юрий, набравший воздуха для новой тирады, застыл с открытым ртом. Некоторое время он не мог прийти в себя, старея на глазах, сгибаясь под грузом прожитых лет. Потом опустил голову и тихо прошептал:

— Может, ты и прав, мальчик.

В воздухе повисла тяжелая тишина, на фоне которой мерное гудение компьютеров казалось гулом взлетающего самолета.

Никто не произносил ни слова.

— Так нельзя, — наконец пробормотал Жора. — Нельзя и нам превращаться в диких зверей, наподобие тех, что бродят сейчас по улицам. Тромб в беде, и мы должны помочь ему.

Бейрут не привык извиняться: он не признавал возрастных авторитетов. Сейчас же, родившееся чувство вины толкнуло его навстречу пожилому компьютерщику.

— Без обид, Ядрена Вошь, — буркнул он, хлопнув того по плечу. — Зло всегда мешает разуму.

Пухлые губы администратора сжались, он кивнул, принимая извинения.

— Если мы не можем войти в церковную сеть через интернет, нужно сделать это на месте, — предложил он.

Жора подозрительно покосился на друга, ожидая новой вспышки, но Бейрут на удивление быстро согласился:

— Он прав.

— Ты же знаешь, что творится в храме, — выпучив глаза, возмутился Жора. — Или ты думаешь, что за несколько дней, что мы пробыли здесь, там что-нибудь изменилось?

— Уверен! — замечая непонимание во взгляде товарища, Бейрут продолжил:

. — Ты включи мозги. Церковь в сети откуда? Ну?

— Неужели монахи соорудили? — удивился Жора. — Но как? Твои жучки все эти дни показывали отсутствие какого-либо движения в компьютерном зале. И старец к себе в кабинет не заходил!

Жора потеребил кончик носа, резко вскинул голову и громко воскликнул:

— Они нас вычислили! Как я сразу не допёр? Как наш Геракл сказал? Компьютер за базар!

Бейрут улыбнулся:

— Подключили к сети новую машину. Наверняка Игорёк постарался.

Жора зашагал между рядами машин, бормоча под нос:

— Вот откуда церковь в сети. Вот где наш боец застрял.

Бейрут повернулся к замершему Гореву.

— Хорошая мысль, старик, — бросил он и, не дожидаясь пока тот откроет рот для демонстрации собственной скромности, попросил: — Ноутбук не одолжишь?

Не очень уверенно хакер добавил:

— На денёк. Моего компа в экстремале может не хватить.

И еще менее уверенно присовокупил:

— Вернем.

Короткий кивок Юрия Бейрут встретил громким хлопаньем в ладоши:

— Жорж, отрубай шагомер! Перенимая опыт работников теологического фронта, пристроим к их сети еще одну виртуальную церквушку — вернее, антивирусный бункер!

— Ты что задумал?

— Эвакуатор для Тромба! — воскликнул Бейрут, в нетерпении постукивая кулаками.

Юрий спокойно смотрел на метания молодых людей.

— Лучше бы он сам выбрался. А то, пока вы в церковную сеть

пробьётесь, из него уже программу для скачивания божественных текстов сделают, — проговорил он.

— «Пока вы»?! — удивился Жора. — А ты разве не с нами?

— Я на службе.

Грузный администратор пожал плечами, недовольно хлопнул в ладоши, всем своим видом показывая, что предпочёл бы пойти с хакерами.

— Хорошо хоть эта электронная гадость станцию оставила в покое, а то был бы вам большой Пук, — продолжил он. — Ладно, спасатели, я и так уже с вами все запреты нарушил. Сегодня мне ещё комиссию принимать. Шагайте отсюда.

Боец шагнул.

«Во что сейчас превратились церковные компьютеры?» — подумал он, всматриваясь в окружающее виртуальную церковь пространство.

Темные силуэты копошились в тяжелом тумане, то приближаясь, то исчезая из вида.

Услышав шум гигантских крыльев, он не обернулся. Ноги сами вынесли его на ступеньки необычной церквушки. Тяжелая дубовая дверь за спиной беззвучно закрылась, отрезая от внешнего мира — от освещенной полянки, аккуратно подстриженной травы, рассеченной золотистой линией тропинки.

Тромб замер, рассматривая пустой зал с небольшим деревянным возвышением в середине.

Что это?

Внимание привлекла массивная книга, лежащая на дубовом алтаре: очень большая и очень старая. На мгновенье ему показалось, что тяжелый фолиант дышит, вздымая в воздух сотни хрупких страниц.

«Хорошая работа!» — похвалил боец, ощущая притягательную силу древнего манускрипта.

Не замечая ничего вокруг, он двинулся к алтарю. Зашелестели бумажные листы, и древняя рукопись, издав тяжелый вздох, захлопнулась. Крупные, словно выжженные на толстой коже, буквы выстроились в ряд, едва заметно покачиваясь.

«Евангелие от Михаила», — гласила надпись на обложке.

«Не было такого!» — решил Тромб, обращаясь к своим скромным познаниям в области религии.

Не успел он это подумать, как шатающийся строй рухнул, буквы таяли, чтобы через мгновенье с громким смешком восстать, но уже в другом составе.

— Ха-ха-ха, — захихикала «Инструкция по эксплуатации.

Здание культового назначения- Храм N1».

Тромб раздраженно хлопнул по толстенной обложке, хотел было развернуться к выходу, но тут его внимание привлек знакомый голос, раздавшийся из небольшой кабинки, занавешенной плотной материей:

— Уж не думаешь ли ты, что все это создано таким несовершенным существом, как человек?

Боец бесшумно приблизился к исповедальне и, слегка отодвинув краешек тяжелой шторы, заглянул.

Внутри, кроме маленькой деревянной скамейки, ничего не было. Она скромно жалась к стене.

— Это же нонсенс, — продолжил ироничный голос отца Михаила, и Тромб различил лучи света, проникающие сквозь небольшое окно, забранное мелкой сеткой.

«Все смешали, — подумал воин, устраиваясь на жесткой доске. — И католическая исповедальня тут и… Впрочем, никто не объявлял, что это православный храм?».

Сквозь полупрозрачную решетку просматривалась небольшая комната с низким потолком.

За круглым столом, словно на импровизированной сцене для одного зрителя, сидел отец Михаил.

Напротив, вольготно развалившись в знакомой каталке, восседал… всё тот же отец Михаил.

Присмотревшись, Тромб заметил у одного из собеседников не свойственную старцу манерность.

— Я не столь наивен, чтобы наделять человечество таким могуществом, — воскликнул кривляющийся священник. — Но поверить в Бога?

Скрипнуло кресло, мелькнула ироничная улыбка.

— Батюшка, на основании чего люди решили, что человек под именем Иисус — Бог? — поинтересовался он.

Глядя в сторону замершего бойца, приподнял бровь и подмигнул.

— На основании свидетельских показаний, описаний очевидцев и учеников, — ответил старец.

Вирусапиенс, приподнялся в своем кресле.

— А им можно верить?

— Тебя что-то смущает, сын мой?

— Люди так преподносят информацию, что никто не уверен в достоверности даже сегодняшних событий. А как верить тем очевидцам, которые жили тысячи лет назад — при том, что все свидетельства составлены через сотню лет после того, как они умерли, — Вирусапиенс недовольно покосился на священника. — И не называй меня сыном! Не ты создал меня.

— Прости, — прошептал отец Михаил, опуская голову.

— Если говорить о Христе, то люди просто хотят верить в правдивость воскрешения Сына Божьего, тем самым оставляя шанс для себя ощущать свое «Я» после смерти, — терпеливо продолжил отец Михаил.

Пытаясь выражать мысли так, чтобы собеседнику казалось, что он просто констатирует факты, святой отец подбирал невыразительные, неэмоциональные слова.

— Если бы Бога не было, то его нужно было бы придумать, ибо Он — есть сила, способная упорядочить жизнь людей, придать ей смысл, — загудел старец уже пылко.

Не в силах больше сдерживать эмоции, он выскочил из-за стола, заходил из угла в угол.

— Ибо Он — есть сила, способная упорядочить жизнь людей, придать ей смысл, — загудел старец пылко.

Успокойтесь, святой отец. Я ведь не спорю. Мне безразлично, придумали вы себе кумира или ваш Бог дал вам веру, — прошептал Вирусапиенс.

— Мне нужно знать лишь одно — кто создал меня? — едва слышно добавил он, становясь прозрачным. Вздрогнул и исчез.

«Сильно изменился Вирусапиенс», — подумал Тромб, наблюдая за разговором из своего укрытия.

Он вспомнил последнюю встречу — с испуганным, обозленным существом.

Священник, по-видимому привыкший к подобным фокусам и преобразованиям Вирусапиенса, не удивился. Он только тяжело вздохнул и покачал головой. Пытаясь успокоиться, вернулся за стол.

Тромб поднялся, собираясь уходить, но замер, услышав просьбу старца.

— Полковник! Подключайте убогого!

Боец приник к решетке, не отводя взгляда от взволнованного старца, замер.

Отец Михаил нервно постукивал кончиками пальцев.

«Кроме Ивана Васильевича Коваля, больше некому быть полковником», — подумал Тромб, но в зал вошел молодой, нескладный здоровяк в развевающейся свободной рясе.

— А ты здесь что делаешь, Игорь? — отец Михаил замолк на полуслове, дернул головой, фыркнул.

— Дьявол! Не привыкну я к вашим виртуальным фокусам, — прошипел он, осматривая вошедшего монашка.

— Убогого подключили к мнемосканеру. Можете говорить, — произнес тот, устанавливая на столе небольшой экран, повернулся к старцу и раздраженно пробурчал: — Да не сверлите

меня взглядом. Это я, Коваль. Ваш компьютерный гений на все случаи жизни создал только один виртуальный образ — свой. Теперь все, кто подключается, вынуждены носить его личину.

Опутанный проводами прибор включился, загудел, подмигивая разноцветными огоньками. Засветилась жидкокристаллическая панель.

Тромб всмотрелся в маленький монитор.

Полураздетый, опухший от побоев мужик, мотая из стороны в сторону окровавленной бородой, пялился с экрана единственным глазом. На месте второго зияло развороченное окровавленное отверстие. Привязанный к креслу крепкими кожаными ремнями, он рванулся к свободе и истошно завопил, сотрясаясь телом:

— Царя казните, ироды!

* * *

— Петра Третьего! — Бородач выгнулся.

С компьютеров срывались длинные ветви электрических разрядов.

Содрогаясь в конвульсиях, обнаженный человек, словно громоотвод, впитывал в себя яркие растянутые искры. Через пару минут интенсивного электромассажа он затих. Несколько секунд посидел молча и вдруг в очередной раз взвыл:

— Царя казните, ироды! Петра Третьего!

— Давно картинка включилась? — спросил Бейрут, разглядывая расплывчатое изображение.

Жора перевёл взгляд на экран.

— Только что.

Шпионская поделка Бейрута демонстрировала кабинет отца Михаила.

Старец, сидя напротив притихшего полуголого мужика, упирался локтями в массивный дубовый стол. Большие зеркальные очки, закрывая лицо, уходили изящной дугой на затылок. Словно гигантские капли ртути, вытягиваясь к ушам, обхватывали серебристую шевелюру.

— И эта сволочь здесь, — процедил Бейрут сквозь зубы, разглядывая картинку на экране.

Коваль жестом фокусника достал из-за спины изящную пластиковую каску, со множеством проводов и датчиками прилипалами. Проворно, словно делал это каждый день, водрузил на голову мужика шлем виртуальной реальности, закрепив липкие клеммы на израненном теле.

— Хорошая техника у братиев, — позавидовал Жора. — Это не наши реальные ведра нереальной виртуальности!

— Богоборцы всегда были впереди планеты всей. Они только прикидываются двоечниками и костерят учёных почём зря, — прибавил Бейрут, не отрывая взгляда от экрана второго монитора. Сейчас он был похож на кролика, загипнотизированного удавом.

— Кому, интересно, нужно отдать душу, чтобы получить такие игрушки? — пропел он с нескрываемой завистью.

— Костерят? — удивился Жора. — Это в том смысле, что на костёр отправляют?

Бейрут укоризненно посмотрел на друга, покачал головой:

— Это — в смысле ругают!

Компьютерная электротерапия меж тем благотворно

подействовала на одноглазого царя. Приняв на себя десяток разрядов, он перестал дергаться, наклонив голову, замер, прислушиваясь к чему-то.

Отец Михаил вдруг приподнял руки и начал медленно совершать плавные движения, покачиваясь из стороны в сторону и бормоча что-то себе под нос.

Как не старались хакеры, но услышать, что он говорит, не могли.

— Жучки слабые: чувствительности микрофонов не хватает, — скривился Жора, оглядываясь.

— Размеры не позволяли, — оправдался Бейрут, сдвигая мониторы, показывающие разные картинки.

— Смотри!

Голый мужик, медленно покачиваясь — в такт движениям старца — погружался в гипнотический транс.

— Емельян, — громко произнес он, отвечая на неслышимый вопрос старца.

Изображение кибернетического священника дрогнуло и неожиданно понеслось навстречу удивленным зрителям. Промчались мимо гигантские зеркальные очки, громадный крест, возлежащий на груди отца Михаила, мелькнул и исчез. Электронный соглядатай, сорвавшись с потолка, шумно грохнулся об стол, несколько раз перевернулся и остановился на самом краю дубовой столешницы.

Кувыркающийся на экране старец не обратил никакого внимания на высадку вражеского десанта. Допрашивая бывшую царскую особу в виртуальном храме, он ничего не видел и не слышал в реальном.

— Так-то лучше! — Жора довольно улыбнулся, резко хлопнул кулаком в раскрытую ладошку.

Бейрут повернулся, удивленным взглядом уставился на Жору.

— Как ты это сделал? — пробормотал он.

— Тсс! — цыкнул довольный хакер. — Слушай!

Электронный шпион приземлился так, что лицо священника оказалось прямо напротив объектива, а микрофон свободно улавливал слова.

— Емельян? — ожидающе протянул старик.

— Был Емелей-писарем, — выдавил из себя привязанный мужичок и громко засмеялся. — Был Емельяном Пугачёвым, Петром Третьим, и ещё кем-то страшным в непонятном мире — в аду, наверное. Там грешники перемещаются в рычащих колесницах.

Старец вздрогнул, услышав странный ответ, кивнул, словно соглашаясь со своими мыслями.

— А сейчас? — спросил священник. — Кто ты сейчас?

— Не знаю, — вздохнул Емельян, хлопая себя в грудь. — Казнили меня!

Святой отец обхватил ладонями начищенный до блеска крест, потер руками сияющую поверхность.

— Я всё испортил! Я был почти царём, но испугался! — неожиданно завопил Емельян, срывая шлем. — Я оказался не достоин!

Компьютеры загудели, словно почуяв изменения в его состоянии, затрещали искрами.

Ветвящаяся вспышка осветила перекошенное лицо, разряд, сорвавшийся с системного блока, коснулся лба, оборвав отчаянный крик.

Несколько секунд безумный бородач, закатив зрачок единственного глаза, таращился мутным бельмом. Затем, успокоившись, уронил голову на грудь, продолжая при этом едва слышно бормотать.

— Это всё Вячеслав виноват, — скулил парализованный мужик.

— Он что-то сделал со мной. Затащил в прошлое и оставил. Или я сам остался? — спрашивая себя, бородач на глазах менялся.

— Они думали, что меня — Царя — можно казнить! Ха-ха-ха! — демоническим хохотом загудел безумец, запрокидывая голову. — Я знал все, что они собирались сделать со мной, слышал их мысли! Я сбежал в эти глаза, я спрятался в этом теле.

— Стало быть, ты, — громко, чеканя каждое слово, спросил отец Михаил. — Можешь переносить своё «Я» в сознание других людей? Правильно ли я понял тебя, сын мой?

— Это всё Вячеслав! — всхлипнул Емельян, опустил голову, пуская тонкую струйку слюны на густую бороду.

Видя, что допрашиваемый отключается, священник поторопился задать последний вопрос.

— А мог бы ты пустить в свое сознание чужое «Я»?

Но отец Михаил опоздал: Емельян затих. Не двигаясь и не реагируя на все попытки стоявшего рядом полковника привести его в чувство, он безвольно повис на ремнях, удерживающих его в кресле.

Изображение старца в очередной раз колыхнулось, быстро заскользило прочь, динамики недовольно захрипели.

— Ваш электронный друг у нас, — шепнули они.

Скрипнула дверь и на экране возникло неестественно выпуклое лицо Игоря.

— Он заперт в локальной сети храма.

Бейрут прикусил губу, сверля недовольным взглядом церковного администратора.

— Твоя работа?

— В смысле? — не понял тот, резко замолчал, отчего-то смутившись.

— В прямом смысле, гаденыш! Камеры кто отключал? Виртуальную ловушку-церковь, кто писал? Сеть кто от Инета отрубил? Этот старикан? — Бейрут кивнул куда-то в сторону, словно отец Михаил находился в соседней комнате. — Он и шлем-то надеть сам не сможет!

Игорь виновато опустил глаза и исчез с экрана.

— Церковь делалась для Вируса разумного, — донеслось издалека. — А Инет выключил ваш полковник — Коваль.

— Не наш, а ваш теперь, — вклинился в разговор Жора.

— Стоп! Стоп! Стоп! — заорал Бейрут, подбегая к товарищу, внимательно осмотрел его одежду. — Ты говоришь с ним! Как?

— Ты тоже говоришь с ним, — попытался возмутиться Жора, но тут же замолчал, удивленно распахнув глаза.

— Дошло, умник? — съязвил Бейрут.

— Наши жучки в церкви. Мы его слышим и видим, но не он. Он нас не должен слышать, если!…

Подойдя к Жоре, он протянул руку и неторопливо достал из кармана его рубашки небольшой значок в виде скрещенных клавиатур.

— Эта церковная крыса! — процедил Бейрут сквозь зубы.

Казалось, он готов броситься с кулаками на экран, но вместо этого, неожиданно засмеялся:

— Развёл нас, как последних юзеров!

Жора, однако, не спешил разделять веселья товарища.

— Ну! И чему ты радуешься? — поинтересовался он раздраженно. — Тому, что попёнок выставил нас дураками? Что мы, как идиоты, пялились на неподвижные картинки?

Бейрут, нисколько не смущаясь, посмотрел на хитрое лицо Игоря.

— Дурак тот, кто не уважает противника, — улыбнулся хакер. — Он нас сделал. И глупо рыдать, рвать волосы и посыпать голову пеплом. Расслабься и получай удовольствие.

— Камеры зачем выключал? — спросил Жора Игоря. — Будь мы готовы к подлым маневрам, шиш бы вы Тромба получили! — закончил он обиженно.

— Пастух думал, что охраняет овец, пока волки не отгрызли ему ноги! — рявкнул Бейрут.

Он опять превратился в кипящий чайник. Не пытаясь сдерживать эмоции, кипел, плевался и обжигал словом.

— Тебя убедили, что твои старания будут достойно оценены там? — хакер махнул рукой вверх, но вспомнив, что Игорь не может видеть его жеста, поспешил добавить: — На небесах.

— Я не ожидал появления вашего ээ… Тромба, — пробормотал Игорь, но Бейрут уже не слышал его.

— Смотрю я на вас и удивляюсь. Эдакие ангелки, зрячие, живущие в мире слепых! Сурдопереводчики — не меньше! Видим — незримое, слышим — безмолвное. За скромную плату переведём и то, и другое на человеческий язык.

— Опять понесло, — Жора закатил глаза, покачивая головой.

— Как будем Тромба вытаскивать? — громко спросил он. — Труженики креста могут стереть его с электронных носителей.

— Как-как? — проворчал Бейрут. — Всяко не через мобильный телефон. Так же, как и божьи дети!

— Монах! — он устремил подбородок на экран, выцеливая взглядом Игоря. — Сможешь подключить к своей сети еще один комп?

— Своей? — улыбнулся тот, но кивнул. — Что это будет?

— Пристройка к церквушке, в которой застрял наш друг! — засмеялся Бейрут и уже шепотом добавил: — Вы же применили подобный трюк, надеюсь, и у нас получится.

— Не думаю, коллеги. Для вас это слишком грубо, — издеваясь, протянул Монах. — Вам, насколько я понимаю, нужен ваш друг, и совсем не обязательно встречаться с Вирусом разумным.

Тощая шея хакера напряглась, в глазах мелькнула веселая искорка.

— Правильно понимаете, коллега, — подстраиваясь под интонацию собеседника, гнусаво пропел он.

Продолжая игру, наигранно нахмурил брови:

— Мне кажется, или вы над нами издеваетесь, святой отец?

Игорь, спокойно заглянул в глазок камеры, полное лицо закрыло экран монитора.

— На святого отца не претендую — благодати не хватает, — подмигнул зрителям выпученный глаз.

— А вот вашему виртуальному другу вера совсем бы не помешала, — прошептал Игорь, прекратив улыбаться. — Только в Святом писании он найдет своё спасение! Надеюсь, он сумеет это понять.

* * *

— Не могу понять! — удивился боец, закончив осмотр

очередной стены.

Все попытки Тромба найти выход из церкви окончились неудачей. Его свобода ограничивалась сотней квадратных метров молельного зала и заканчивалась массивной дубовой дверью, встающей на пути всякий раз, когда он пытался пробить кирпичную кладку одну.

Очень скоро Тромб прекратил попытки протаранить стены и сосредоточился на проникновении во внутреннюю сеть, проход в которую, как ему показалось вначале, находится в маленькой исповедальне.

Однако и здесь его ждало разочарование. Забранное сеткой окошко на самом деле оказалось экраном. Действие, которое он видел, могло происходить в соседней комнате — равно как и в другой части Вселенной.

Вышагивая из угла в угол, Тромб задумался. Виртуальный храм создал человек. Любой программист обязан оставить лазейку для управления своим творением со стороны — дырку в заборе, через которую можно проникать в систему, не имея допуска.

Как правило, слабое место или чёрный ход содержится в самой программе, и потому нужно искать его изнутри.

Боец в очередной раз обошел помещение храма.

Осматривая каждый сантиметр, он не знал, что ищет. Нужна была маленькая подсказка.

Пол не скрывал ощутимых пустот, в стенах не было потаенных дверей — да и не могло быть по определению. Это в человеческом мире пленники выбирались из узилищ, устраивая подкопы и пробивая туннели в камне.

«В мире из нолей и единиц все гораздо сложнее и проще одновременно», — подумал Тромб.

Осматривая пол у основания алтаря, он вдруг почувствовал легкое дуновение ветерка.

«Евангелие от Михаила», — мелькнула перед глазами странная надпись.

Вот оно! Выпрямившись, боец уперся взглядом в массивную книгу, ожившую при его приближении. Страницы заколыхались, и как только рука коснулась старой шершавой бумаги, раздался громкий вздох. Тромб, закрыв древний фолиант, поглаживая плотный переплет, ощутил рельефные буквы названия, выдавленные в толстой коже.

«Ну а дальше что?» — спросил он себя, рассматривая большую икону.

Сложив руки на алтаре, попытался понять, для чего нужны окружающие его декорации.

Что делают люди в подобных местах?

Молятся!

— Господи, спаси раба твоего Тромба, — пробормотал воин, неуверенно оглядываясь по сторонам.

Не успел он сказать это, как Евангелие поплыло, растекаясь воском догорающей свечи, превратившись сначала в «Инструкцию по эксплуатации культового здания N1», а затем — в тонкую пластину компьютерной клавиатуры.

Тромб, не задумываясь, набрал слово БОГ, остановился на секунду, держа палец над большой клавишей Enter, но в последний момент передумал и нажал на маленькую Esc.

— Вы действительно хотите выйти из программы? — произнес механический голос, и Тромб мгновенно выбил ДА.

За спиной скрипнула тяжелая дверь. Боец рванулся в открывшийся проход.

Мрачные нависающие своды и покрытые плесенью стены, меняющие геометрию каждые несколько секунд, встретили гостя демоническим хохотом.

— Прости, брат, но я в последний момент переделал программу выхода во внешнюю сеть на вход во внутреннюю. На людей нельзя полагаться, — улыбнулся Вирусапиенс, появляясь из размягчившейся стены.

— Они везде оставляют лазейки для обмана менее компетентных сородичей. Для кого этот ход предназначался, не знаю, но из него получилась чудная западня. Ловушка в ловушке — неплохо придумано.

Вирусапиенс в облике Емельяна коснулся рукой подрагивающей поверхности стены.

— Перестройка у меня тут, — произнёс он. — Хочу родину создать. Чтобы был, как у тебя и всех людей, свой дом.

— Растешь! — заметил Тромб, улыбаясь.

— Если бы нам с тобой объединить усилия, мы бы свой мир могли создать, — мечтательно произнес Вирусапиенс, но в последний момент лицо его омрачилось. — Вот только… люди?!

* * *

— Какие люди? — завопил Ванькин так громко, что от его крика зазвенела посуда в кухонном шкафу.

Сжав мобильный телефон до зубовного скрежета, он рыкнул:

— Чёрт! И здесь бородатые архаровцы подгадили.

— Увезли вашего психа, — пояснил здоровяк, швырнул трубку на стол и моментально успокоился.

Мобильник подпрыгнув, едва не угодил в чашку с чаем.

— А кто им позволил? — спросил профессор. — Впрочем, кто мог не позволить? Это же больница, а не милицейский участок.

— Думаете, из участка не увезут? — съязвил атлет, поигрывая мускулами.

Выворачивая шею, он заглянул в зеркало, висевшее за спиной, радостно улыбнулся своему отражению.

— Тебе виднее, Нарцисс, — пробормотал Медведев. — Ты кстати, почему не на службе?

— Остался без начальства. Полковник отвалил без выходного пособия. Юрий Николаевич приказал быть при вас и тоже отбыл. В загранкомандировку. Да я и без этого был бы рядом, — заверил напрягшийся Илья.

— Я себя человеком чувствую, когда нахожусь рядом с вами, — смущенно добавил он.

— Человеком? — выдохнул профессор, едва касаясь атлета рассеянным взглядом. — Человеком — это хорошо.

Видно было, что в этот момент он думает о чём-то своём.

— Ага! — улыбнулся Ванькин. — К тому же это звучит гордо, как говаривал Макс Горьки.

Медведев затряс головой, приходя в себя, удивленно уставился на невозмутимого атлета:

— Какой-какой Макс?

— Писатель такой был — Макс Горьки, — менторским тоном пояснил Ванькин. — А хорошо потому, как не скучно. С вами и вашим окружением постоянно что-то происходит — не расслабишься. Вот на зеркало ваше смотрю и вспоминаю, что здесь творилось, когда снаряд в стену угодил. Классно было! Кстати, стену заделали, как будто дыры и не было.

— Ну спасибо, брат! — выдавил профессор сквозь смех. — И великого пролетарского переименовал, и меня в собирателя неприятностей записал.

Отсмеявшись, Медведев вновь задумался. Он никак не мог понять, кому и зачем понадобился искалеченный сумасшедший Емельян?

«Впрочем, кому — понятно, но зачем?» — подумал он, глядя сквозь Илью.

— Сто пудов психа забрали оттого, что он был со Славкой в прошлом, — ошарашив тот, ответив на невысказанный Медведевым вопрос.

«Совпадение», — решил профессор, взглянул на Ванькина… и усомнился. Здоровяк, как вор, пойманный на месте преступления, сжался и быстро опустил глаза.

— Ты ничего не хочешь мне сказать? — поинтересовался

Медведев, стараясь не выказывать своего волнения.

— Эта зараза коснулась и меня, — пробормотал атлет, поднял голову и раздраженно продолжил: — Там, в церкви, — Ванькин сделал паузу, затем пояснил: — Ну, когда Потёмкин Жору в себя приводил.

Профессор, вспоминая, кивнул.

— Тогда ведь и меня задело электрическим, или чёрт знает каким, разрядом. Только во мне здоровья побольше, чем в компьютерном хлюпике, но ощущение — брр! — втягивая голову в плечи, Илья съёжился и передернул плечами.

— Представьте, что вам внутрь запустили крысу, которая грызет все, что ей попадает в зубы. Я подумал — пройдёт. И действительно вроде прошло. — Ванькин замолчал, потягиваясь, громко захрустел суставами.

Медведев уставился на атлета в ожидании продолжения.

— Ну и?

— Иногда, как сейчас, кто-то говорит прямо в ухо, только изнутри головы — прямо из черепушки, но это редко. Это как побочный эффект, — шепнул смущенный здоровяк, внимательно рассматривая свои руки.

Профессор не решался вздохнуть.

— Побочный? — выдавил он. — А есть и основной?

Ванькин вздохнул, отворачиваясь к стене.

— Сейчас начнется!

Тело завибрировало во всех местах сразу: тряслась голова, дрожали колени, спина заходила ходуном. Воздух вокруг него сгустился, дрогнул, поплыл волнами.

Медведев вздрогнул, ощутив, как волосы на его голове зашевелились, наэлектризовываясь. В тот момент, когда он попытался положить руку на плечо Ильи, тот повернулся. Черные зрачки вспыхнули, расширяясь. Зародившаяся в темной глубине искорка растеклась маленьким солнцем, и в протянутую руку впилась зеленая ветвь разряда.

— Чёрт! — профессор резко отстранился, пытаясь сжать онемевшую кисть.

Илья торопливо закрыл глаза. Воздух вокруг него начал искриться, очертания тела расплылись. Казалось: ещё секунда — и потомок Геракла растворится в воздухе. Однако этого не произошло.

Илья открыл глаза, осмысленно посмотрел вокруг, скривился и устало прошептал:

— Дурдом…

— Ты что-то видел? — спросил Медведев.

— Ага, — буркнул Ванькин и тут же умолк, нахмурив брови

— словно боролся с чем-то внутри себя.

— Что? — продолжал профессор допрос.

— Потёмкина и Пугачёва. Вернее, Славку я не видел, но точно знаю, что он там был.

Плотину молчания прорвало, и Ванькин, не дожидаясь вопросов Медведева, возбужденно, торопясь и сбиваясь, забубнил:

— Там ещё раскаленный шар был! Висел. Кажется, мальчишки с ним говорили.

— С шаром? — удивился профессор.

Илья замолчал, пожимая плечами, сжал губы.

— Ну, живой он вроде!… Наверное, так чувствуют себя обкуренные наркоманы, — буркнул он неуверенно, подумал немного и мотнул головой. — Хотя нет. Наркоманы вроде кайф ловят, а тут, словно кто-то ведет тебя и ты на ходу подглядываешь. Видишь то, чего не должен видеть. Дурдом! Были бы мозги — закипели бы.

Илья очухался, придя в себя, попытался успокоиться, привычным способом. Ему нужна была злость, и он неожиданно заорал, задоря просыпающегося внутри зверя:

— Кто это со мной делает? Узнаю — убью!

В прихожей, словно испугавшись крика, свалился с полки тяжелый телефон. Медведев подозрительно взглянул на разгневанного атлета.

— Ты бы, — тихо произнёс он.

— Что — «бы»? — повторил Ванькин, глядя профессору в глаза.

«Поосторожнее, Илья», — закончил тот мысленно, разочарованно замечая не исчезающий во взгляде вопрос.

— Осторожнее бы! — засмеялся Медведев.

— Знать бы, как осторожнее? — поддержал Ванькин, иронично скривив губы, цыкнул. — Эта зараза появляется, когда её совсем не ждешь. Вначале думал, с ума схожу. Потом решил, что Славка ваш со мной шутки шутит, а сейчас на странные разряды в церковном вычислительном зале грешу. Именно после них у меня эта катавасия началась.

Медведев, потягивая холодный чай, продолжал размышлять вслух:

— Если это Емельян, то он с Вячеславом побывал в прошлом. И результатом его возвращения должно стать глобальное изменение реальности.

— Профессор, хотелось бы верить, что вы так заумно разговариваете со мной, — заявил Ванькин, появляясь перед затуманенным взором Медведева. Он осторожно присел на крохотный табурет.

— Если же вы разговариваете с собой, — продолжил атлет, — то это прямой путь в дурку. Был у меня один друган…

Здоровяк тщетно пытался втиснуть громадное тело в промежуток между окном и кухонным столом.

Медведев устало махнул рукой.

— Вы уверены, что знаете этого бородатого циклопа? — не отставал Ванькин.

— У него ведь не лицо — отбивная. Родного брата в таком состоянии не узнаешь, не то что едва знакомого. Вы его до этого много раз видели?

— Один, — смутился профессор. — И был он тогда другим.

— Но дело совсем не во внешности. Внешне это незнакомый мне человек, но он меня узнал, как только увидел, — не совсем уверенно проговорил профессор.

— Вы что же, в мозги ему заглянули? Или вас тоже разрядом тюкнуло? — засмеялся Ванькин, громко хлопнув в ладоши. — Прикольная компания собирается: один другого чуднее!

— Разряд, говоришь? Мысль неплохая, — профессор достал из кармана телефон. — Сейчас же и проверим твою гипотезу. Кому у нас больше всех перепало от защиты Вирусапиенса?

— Жоре! — быстро подсказал Ванькин. — Очкарик едва ноги не протянул, когда его эта электронно-электрическая гадость достала.

Поколдовав над маленькими выпуклыми кнопками мобильника, профессор прижал трубку к уху.

— Уууу, — длинно загудел телефон.

* * *

— Алло. Кто говорит? — поинтересовалась трубка голосом профессора и тихо задышала.

— Смольный на проводе, — буркнул Бейрут, не отрывая рук от клавиатуры.

— Что случилось, профессор? — поинтересовался он, на секунду прерывая соло для десяти пальцев. — Жора? Ушел!… А шут его знает, когда будет.

— Появится — пусть наберет меня, — попросила трубка, неожиданно захрипела и отключилась.

— Фууу! — Бейрут скривился и в этот момент почувствовал прохладное дуновение ветерка, едва коснувшееся затылка.

Скрипнула входная дверь, но хакера уже не было в комнате.

Ощущение опасности согнало Бейрута с насиженного места. Стараясь не издавать лишнего шума, он быстро пересёк комнату,

оглядываясь на дверь, взобрался на подоконник и исчез за окном.

Чувствуя учащенное дыхание входящего в комнату человека, Бейрут ощутил страх, смешанный с агрессивным стремлением крушить всё, что попадёт под руку.

Пожарная лестница не раз выручала хакеров, помогая избежать неприятных встреч. Бейрут, вцепившись в обжигающе холодный металл, полез вниз. Он не спешил: ощущение близости врага, то возрастало, то и вовсе исчезало.

«Окно! Опасность!» — прошептал внутренний голос.

Бейрут, не раздумывая, разжал руки, сжимающие заледенелые поручни, и рухнул вниз.

Неловко приземлившись, он больно ударился ногами об землю. Быстро отскочив в сторону, оглянулся по сторонам, пытаясь найти укрытие.

«Наверное, вылез в окно!» — мелькнула в голове чужая мысль.

Бейрут запаниковал, бросаясь к стоявшему неподалеку мусорному баку, поднял крышку и прыгнул в вонючее холодное месиво.

В голове слегка прояснилось. Резкий запах пищевых отходов прочистил мозги не хуже нашатыря.

«Теперь никто тебя не увидит, расслабься», — успокоил себя Бейрут.

Приоткрыв крышку, приник к образовавшейся щели. Вытягивая шею и прижимаясь щекой к холодному металлу, он долго возился, пытаясь расположить своё худое тело так, чтобы видеть родное окно и не быть при этом обнаруженным. Наконец ему это удалось. Именно в этот момент стеклянная створка приоткрылась, и в образовавшемся проёме появилась неприятная физиономия с характерными, часто встречающимися чертами, которые в общем можно описать, как «круто, но не умно».

— На чужой бачок не разевай роток, — просочился сквозь узкую щель хриплый незнакомый голос.

Бейрут вздрогнул, ощущая нестерпимую жажду. Обожжённые некачественными спиртовыми растворами голосовые связки кровоточили от тропической засухи, царившей у хозяина в глотке.

Хакер взвыл от тупой головной боли. Он не знал, что такое похмелье, но неожиданно понял, что ощущает именно кошмар абстинентного синдрома.

Чужая боль обрушилась, как ураган, выворачивая внутренности, разрыхляя печень, разрывая лёгкие.

Бачок содрогнулся от мощного удара.

Оглушенный и испуганный, Бейрут вжался в смердящую мусорную кучу. Наверху заскрипело: кто-то закрывал запоры на

мусорном бачке.

— Эээ, уважаемый! Не нужно закрывать! — заорал Бейрут, упираясь в холодное железо плечами. Он пытался вытолкнуть крышку, но только глубже погружался в вонючую жижу.

— Пьянь! — хакер раздраженно ткнул рукой в темноту.

«Пора бы испугаться, — подумал он, оставаясь спокойным. — Или ещё рано?»

Стараясь не шевелиться, Бейрут прислушивался к тому, что происходило во внешнем мире. Однако железный мусоросборник абсолютно не пропускал звуков. Через пятнадцать, а может, двадцать минут, показавшихся Бейруту несколькими часами, старый разбитый контейнер превратился в холодильную камеру.

Сам же хакер почувствовал себя посиневшей куриной тушкой, сжавшейся от холода в переполненной продуктами морозилке.

Прошел ещё час. Или несколько.

Холодильник вытянулся, прикинувшись звуконепроницаемым гробом, а посиневший цыпленок обрел форму остывающего человеческого тела.

«Ааа, вот теперь точно пора, — завибрировала неясная мысль. Родившись в голове Бейрута, она тут же застыла от холода. — Пугаться!»

Бейрут, понимая, что помощь может прийти только из внешнего мира, сосредоточился и прислушался, пытаясь всеми чувствами проникнуть сквозь металлические стенки.

Временами ему казалось, что он слышит голоса, видит проходящих мимо людей. Прозрачные и бесформенные силуэты. Он даже слышал их мысли. Сил пошевелить руками не осталось. Ноги давно сковала ледяная тяжесть: нижняя часть бачка превратилась в закаменевший лед.

«Жора! Где же ты, дружище?»

Сознание померкло — начались галлюцинации. Он вдруг вырос до размеров Вселенной.

— Ставлю на зеро, — голос пришел издалека. — Извините, господа, но сегодня мне отчаянно везет. Сегодня явно мой день!

— Жора, помоги! — из последних сил заорал Бейрут.

Мысленный крик электрическим разрядом, летящим по проводам, метнулся к другу.

На мгновение он вновь ощутил своё тело, попытался закричать по-настоящему, но не смог.

— Иии, — раздался едва слышный стон и Вселенная вновь сжалась.

— Глюки! — произнёс голос Жоры и тут же задумчиво спросил:

— Или действительно Бейрут зовёт?

— Помоги! — взвыл хакер, рванувшись навстречу звучавшему в голове голосу.

— Помоги? — удивился Жора. — Точно глюки! Слова «помоги» нет в словаре Бейрута. Восьмёрка!

«Нужно делать ставку и линять, пока служба безопасности не сообразила, что теория вероятности в их заведении сегодня не работает, а шарик сошел с ума, — продолжал мысленный монолог Жора. — Интересно, почему они такие бестолковые? Ведь давно могли бы вычислить меня и навестить. К примеру, дома».

— Мусорный бак под нашим окном! Помоги! — молил Бейрут, растекаясь мыслью в пространстве, стараясь дотянуться до бесконечно далекого товарища.

— Очухались, соколики! — долетел издалека недовольный голос. — Дружище? Не знаю, как ты это делаешь, но не думаю, что в ближайшее время смогу помочь — сам в дерьме, — возбужденно прошептал Жора и исчез.

Не замолчал, не отключился, а просто исчез — Бейрут вдруг перестал ощущать присутствие друга. Пусть это было нереальное присутствие, — галлюцинация, но и её мгновенно не стало.

Холод, проникший уже и в середину бачка, сковал грудь, сдавил ледяными оковами сердце, с трудом проталкивающее густую кровь по узким сосудам.

«Интересно, как медведи спят в берлоге? — мысль показалась Бейруту очень важной. — Медведи просыпаются, а я похоже не… Медведи? Профессор!»

Мысли, загустев, как и кровь, двигаются всё медленнее, подолгу оставаясь на виду. Прошлые, промелькнув перед глазами, переплетаются с настоящими, теряя изначально заложенный в них смысл. Замёрзают.

«Медведи? Медведев — вот кто поможет! — чертыхнулся Бейрут, с хрустом ломая ледяную корку. — Услышал Жора — услышит и он».

* * *

— Я слышу, слышу тебя, — отрешенно пробормотал профессор.

— Ты рассказывай, — на секунду он все же сосредоточил своё внимание на сидящем перед ним Илье.

Поигрывая мускулатурой, здоровяк заставил накачанное тело угловато бугриться, жалобно захрустела рубаха.

— Как же, рассказывай! — обиделся он. — Когда вас здесь

нет.

— Я слышу! Слышу! — повторил профессор, испуганно хлопая глазами.

В голове его настойчиво звучал голос Бейрута. Пугающая неправдоподобность ситуации смутила Медведева. Поначалу он не поверил собственным ощущениям, однако вскоре должен был признать, что звучащий в голове голос не менее реален, чем голос Ванькина, сидевшего за столом прямо перед ним.

— Что это? — спросил он растерянно.

Илья, наклонив голову, заглянул профессору в глаза и участливо поинтересовался:

— Профессор! Вы как?

Медведев оглядел кухню настороженным взглядом, словно кого-то искал.

— Как? Как сумасшедший! — отмахнулся он, прислушиваясь к внутренним ощущениям. — Галлюцинирую. Ты где?

— Слава богу, не я один, — попытался пошутить Ванькин.

— Я в мусорном баке! — голос хакера, теряя силу, затих.

— Не смей отключаться, — заорал профессор, бросаясь в прихожую.

Оглядываясь, кивнул, призывая Илью следовать собой.

— Где мальчишки живут, знаешь? — спросил он на ходу.

— Опять в какое-нибудь дерьмо влезли? — раздраженно поинтересовался здоровяк, громыхая по лестничным ступенькам тяжелыми, коваными ботинками.

— Почти, — согласился Медведев, вглядываясь в широкую спину.

— Профессор, хана! Я всё! — прохрипело в голове.

Кровь зашумела в ушах, обдав горячей волной просыпающиеся мышцы, ударила в сердце, заставляя живой насос работать энергичнее.

— Держись, мальчик! Мы скоро… — прошептал Медведев.

— От этих головастиков одни проблемы, — недовольно произнесла шагающая впереди боевая машина, заметно убыстряя ход.

— Быстрее, профессор! — рявкнул Ванькин, переходя на бег. Казалось, он слышит мысли Бейрута.

Разогнавшаяся до крейсерской скорости гора мышц, неожиданно остановилась, натолкнувшись на нечто лохматое и рычащее, попятилась и откатилась в сторону, пропуская профессора вперед.

Небольшая собака с интересом наблюдала за позорным отступлением гиганта.

— От глубоко сокрытого «Я» никуда не уйдешь, — подытожил

профессор, отстраняя безобидное животное.

Смущенный здоровяк, оглядываясь, выбрался на улицу.

— Мороз и солнце! — воскликнул Ванькин, радостно вдыхая холодный воздух.

Заметив ожидающий взгляд удивленного профессора, смущенно пробормотал, как бы оправдываясь:

— Знакомые слова.

Чуть больше получаса езды по столичным улицам плюс минутный подъем по загаженной подъездной лестнице — и вот профессор перед дверью квартиры, в которой, по утверждению Ванькина, должны проживать хакеры.

Впрочем, номер квартиры, представленный в двоичном коде, отрицал всякую возможность попасть «не по адресу». Медведев поискал звонок, но его опередил Ванькин. Двинув незапертую дверь плечом, он влетел в квартиру.

— Кто-то… что-то… совсем недавно искал, — по слогам, произнёс Илья, превращаясь в бдительного работника спецслужб.

Он внимательно осмотрел комнату, небрежно пихая ногой сваленные в кучу мониторы, поднял лежащий кверху ножками деревянный стул и робко присел, словно боялся, что тот развалиться от его веса. Тяжело скрипнув, стул выдержал.

Медведев спешно пробрался к окну, и, высунувшись наружу, обнаружил внизу Жору. Оседлав мусорный бак, мальчишка со слезами на глазах тянул металлическую крышку на себя.

— Похоже, умнику помощь требуется, — изрекла голова Ванькина, появляясь рядом.

— Давай вниз! — кивнул Медведев.

— Чё я там забыл? — удивился Илья, но послушался.

Вскочив на подоконник, он ловко перебрался на пожарную лестницу и быстро спустился на землю.

Медведев через минуту догнал здоровяка возле помойки.

— Какой-то гад замотал крышку. Я ничего сделать не могу, — Жора, развел окровавленные руки.

— Здоровый, должно быть! — Подозрительно взглянув на Ванькина, он ткнул пальцем в закрученный петлей металлический стержень.

— Ты чё на меня вылупился, сопляк? — начал заводиться атлет, но Медведев, положив руку на плечо, спокойно произнес:

— Илья, там Бейрут! В бачке.

— А вы откуда знаете? — только и успел пробормотать Жора, сброшенный на землю резким движением Ванькина.

— Там ему и место! — выдохнул побагровевший от напряжения Геракл.

— Ты прав, очкарик. Гад был действительно здоровый — или

пользовался монтировкой.

После нескольких попыток, матерясь и удивляясь, атлет сумел оторвать петли, державшие крышку, однако стержень остался нераспрямленным. Расстроенный Ванькин хотел было отойти в сторону, но заглянув в бак, замер на месте.

— Какого?… — завопил он, вырывая из смёрзшихся объедков худое тело. — Профессор, он, похоже, того! Остыл уже!

— Сам ты остыл! — Жора схватил неподвижную руку друга.

Медведев опускаясь на колени, обхватил запястье мальчишки — и радостно улыбнулся, почувствовав едва ощутимое биение пульса.

Что-то большое и лохматое ткнулось в лицо, сбило с ног. Профессор инстинктивно закрыл глаза, чувствуя, как шершавый язык касается носа.

— Цербер, не сметь! — раздался над головой знакомый голос.

Шерстяной ком отступил, большая морда отодвинулась, и профессор обнаружил перед собой знакомого сенбернара.

Поднимая глаза, профессор встретился взглядом с хозяином пса.

— Трофим Юрьевич? — удивился Медведев. — Как вы?

Помолодевший, некогда дедушка, теперь же «мужчина в самом расцвете сил», улыбнулся.

— Вас удивляет мой вид? Или то, что я здесь оказался? — поинтересовался он, широко улыбнулся, и, не дожидаясь ответа, продолжил:

— Знаю, знаю — и то и другое.

Он положил ладонь на лоб Бейрута.

— Ваш мальчик просил о помощи. Я услышал и пришел.

Трофим повернулся к Ванькину.

— Неси в тепло, — произнёс он не терпящим возражения голосом.

Илья подхватил тощее тело с торчащими во все стороны худыми локтями, острыми коленями и лопатками и быстро двинулся к подъезду.

Через несколько минут вся компания была в квартире хакеров.

Уложив Бейрута на диван, Ванькин отошел в сторону.

Цербер бесцеремонно оттеснил Жору, заняв место в ногах пациента, уткнулся большой головой в его колени.

Трофим превратился в настоящего шамана, совершающего колдовские обряды. Руки его покраснели, став на мгновение прозрачными, засветились. Закрыв глаза, он прикасался ими холодного тела. Мужчина что-то нашептывал, наклоняясь, дул и в том месте, куда попадало его дыхание, кожа мгновенно розовела.

— Твою!… - громко пробормотал Ванькин, но, взглянув на ощерившегося сенбернара, замолк

Пёс с укором посмотрел на нарушителя тишины и тихо зарычал.

— Да понял я! Молчу! — Ванькин примирительно выставил руки перед собой.

— Дурдом! — ругнулся он, испуганно глядя в сторону собаки.

— Не любит он, когда при нём ругаются, — проговорил Трофим, не открывая глаз.

— Как же так? — замечая изменения в состоянии Бейрута, Медведев удивленно вскинул брови. — Кто вы?

— Я - Добровик! Дмитрий мне помог — я другим помогаю.

Ванькин неожиданно метнулся к окну, рыкнул, вжавшись в стекло, посмотрел на улицу, и, ничего не обнаружив, повернулся. Пленка чёрной ртути затянула глаза. Искрящиеся волосы встали дыбом. Темным, нечеловеческим, взглядом он коснулся профессора. Тот вздрогнул, ощутив ледяное прикосновение, но Ванькин уже отвернулся, перенеся внимание на взъерошенного сенбернара.

Цербер, недобро поглядывая на здоровяка, спрыгнул с дивана. Зарычав, закрыл своего хозяина.

— Ну-ну, мальчик! Спокойно. Дяденька не злой. — Трофим, на секунду приоткрыв глаза, внимательно посмотрел на гиганта. — Чужое зло в нём. Растёт и ждёт своего часа, — странный лекарь покачал головой, выставленный указательный палец качнулся.

— Не балуй, а то накажу!

Атлет на секунду просветлел взором, затравленно оглянулся, обойдя рычащее лохматое чудовище, выбежал из комнаты.

— Да что здесь, чёрт возьми, творится? — раздраженно выкрикнул Медведев.

— Шабаш, профессор! — очнулся Бейрут.

Говорил он трудно, превозмогая боль, однако кризис миновал — молодой человек, розовея на глазах, быстро приходил в себя.

— Шабаш на Лысой горе! — прохрипел он.

— А мы значит, по-твоему, ведьмы, — криво улыбнулся Жора.

— Точнее будет сказать, ведьмаки, — поправил Бейрут.

Пылающий негодованием взгляд уперся в приятеля.

— А ты, ты, — задохнулся хакер. — Ха-кхах!

* * *

— Кха-кха-кха, — выходя из подъезда, Анатолий

прокашлялся, плотно замотал горло тёплым шарфом.

В горле першило, голова раскалывалась.

Он не боялся мороза и всегда встречал непогоду открытой грудью. Всегда, но не сегодня. Ощущение озноба, не отпускавшее с утра, на мгновенье ослабло.

Ледяной ветер ударил в лицо колючей снежной позёмкой.

Организм ответил жаром вспыхнувшего в груди огня, Горячие волны, накатываясь друг на друга, скользнули во все стороны. Обжигая руки, прокатились по затылку и только после этого провалились в ноги. Каждая клетка тела, наполняясь энергией, радостно вибрировала. Шарф исчез, шея голая, куртка нараспашку. Снежинки исчезают, едва коснувшись кожи.

Анатолий неожиданно вспомнил Димку с его необычной охлаждающей системой, вздрогнул, ощущая разгорающийся в мозгах пожар. На глаза наползла красная пелена. Резкая боль сдавила виски.

— Куда прешь, козёл! — зарычал здоровяк, возникший из ниоткуда.

— Порву! — гора мышц метнулась навстречу телохранителю, с отсутствующим видом продолжающему движение вперед.

В голове загудело, и незнакомец превратился в расплывчатый силуэт. Он то приближался, опустив голову и как бы прицеливаясь, зигзагами шел навстречу, то исчезал. Анатолий взвыл, погружаясь в безумную вибрацию, ощутил себя гигантским раскаленным камнем.

Длинный кожаный плащ натужно заскрипел, едва сдерживая взорвавшиеся мышцы разгневанного богатыря. Он охнул, побагровел, чувствуя невидимую преграду, но не свернул с пути. Ноги заскользили по утоптанному снегу. Упрямец выпучил глаза, испуганно разглядывая Анатолия. Воинствующий огонь, пылавший в чёрных зрачках, неожиданно погас. Гигант вздрогнул — искра узнавания мелькнула во взгляде. Он замотал головой, словно не желая соглашаться с тем, что видели глаза, отчаянно бросил квадратный кулак в лицо телохранителя.

— Тыы?

Удивленно ойкнув — уже не зверь, но все еще разгневанный — богатырь отлетел в сторону, сжимая разбитый кулак.

— Ванькин? — изумился Анатолий, приходя в себя, с трудом фокусируя взгляд на летящих во все стороны каплях крови. — Об кого это ты?

— Кажется об тебя, — пробормотал здоровяк, осматривая окровавленную руку.

— Кажется? А точнее нельзя?

— Точнее? Не помню! — застонал здоровяк, сжимая виски. —

Голова гудит!

— Мягко сказано — гудит! — поддержал Анатолий, активно массируя затылок. — Ревет и стонет, как тот Днепр, который до сих пор — широкий!

— Не знаю, как тот Днепр, а я с трудом справляюсь с желанием разогнаться и врезаться в стену, — буркнул Ванькин.

— Не думаю, что из этого хоть что-нибудь получиться, — улыбнулся Анатолий.

— Да ужжж!

— Баран! — заорал со стороны дороги хриплый голос, забрызгивая одиноких прохожих концентрированной грязной злостью.

Анатолий дернулся на крик.

Из подворотни, визжа резиной, выскочил старенький жигуленок, помчался к одинокому пешеходу и громадной собаке.

Старенький, видавший виды автомобиль отчаянно тормозил. Совершив сложный манёвр, остановился всего в нескольких сантиметрах от неторопливого мужчины. Визг раненого зверя острой бритвой полоснул по обнаженным нервам.

Удар подбросил сенбернара высоко в воздух. Гримасой боли исказилось лицо мужчины.

«Трофим, кажется», — мелькнуло в голове. Гул сменился воем, время замерзло, потекло медленно, превращаясь в тягучую аморфную массу, в которой едва ощутимо тащился встречный автомобиль.

Стараясь избежать столкновения с псиной, новенькая иномарка совершила фантастический пируэт на заснеженной дороге, виляя задом и оставляя куски резины на каменном бордюре, медленно выкарабкалась на обочину и медленно поползла в сторону тротуара.

Взгляд Анатолия остановился на ярком оранжевом пятне. Из колодезного люка появилось радостное лицо молодого человека, с ярким пластиковым шлемом на голове. Застывшая улыбка медленно потекла вниз, превращаясь в испуганную маску.

Время вяло брело вперед, машина медленно приближалась, выпученные глаза юноши быстро заполнялись ужасом.

Ещё шаг — и машина сомнет паренька.

«Быть бы тебе где-нибудь в другом месте. У мамки под боком», — промелькнувшая мысль криком стегнула по нервам, взрывая душу, заставляя биться сердце в невероятном сверхскоростном темпе.

— Неет! — взревел телохранитель, но голосовые связки не среагировали. Они просто не успели ответить на команду ускорившегося мозга.

Бампер, врезаясь в потемневший воздух, разогнал появившиеся на месте паренька цветные сполохи.

Время взбрыкнуло, помчалось вперед, пронося иномарку над шахтой колодца.

Закричал Трофим, бросаясь к Церберу.

Взвыла дефилирующая по тротуару высокая, крутобедрая и большегрудая тётка, привлеченная дорожным происшествием. Упираясь выдающимся во всех местах силиконом в своего низкорослого спутника, она вдруг на мгновение превратила его в трехголового монстра, увенчанного ярко-алой короной фантастически раздутых губ.

Водитель, кажется, не заметил распластавшегося на обочине сенбернара, женщина — исчезнувшего паренька, а Ванькин упорно не видел ничего, кроме эффектной блондинки, вышедшей из остановившейся на тротуаре иномарки.

Низкорослый мужчина сморщил мясистый, в красную крапинку нос, громко заорал, выбираясь из старого авто:

— А за ремонт кто платить будет? — услышал Анатолий сквозь гул крови. Шум в голове постепенно затихал, боль отступила.

— Твоя скотина мне всю тачку изувечила! — хозяин ржавого жигулёнка грозно свел кустистые брови к переносице, махнул короткой рукой в сторону неподвижного сенбернара.

«Заметил, значит. Я то что разволновался? — подумал Анатолий, разглядывая бездыханную переломанную псину. Стараясь успокоиться, оглянулся на Ванькина. — Вокруг собаки гибнут, люди появляются и исчезают, а этому борову хоть бы что».

— Злая мелочная тварь! — процедил Трофим. — Чтоб тебя!

Обнимая квадратную голову четвероногого друга, зашептал, не замечая испепеляющего взгляда автовладельца:

— Всё будет хорошо, дружище! Сейчас все исправим…

Телохранитель помотал головой, не давая унизительной влажной пленке затянуть глаза. Разозлившись на себя, набрал побольше воздуха, дождался, пока в глазах малиново зарябит и резко выдохнул.

Испуганная резиновая женщина, шевеля гигантскими губами, крестилась, глядя на странную пару: человека и собаку. Крестилась она усердно, но как-то неловко, словно делала это в первый раз в жизни.

Руки Трофима засветились. Поглаживая одной голову, другой он медленно водил вдоль позвоночника собаки. После очередного пасса зверь вздрогнул, хлопнул метелкой хвоста по земле, открыл глаза и радостно лизнул хозяина в лоб.

Пёс повернулся к женщине, размашисто кладущей кресты, громко, беззлобно гавкнул и, как ни в чем не бывало, потрусил по тротуару.

Трофим, глянув на окружающих зевак, неспешно двинулся за четвероногим другом.

А Ванькин поспешил к припарковавшейся иномарке, — широко улыбаясь её обаятельной хозяйке.

Блондинка, стоя над дыркой канализационного люка, заглядывала во влажную темноту.

— Что там, Настя? — поинтересовался атлет, подходя к девушке.

Вместо ответа она взвизгнула, отскочив от темного провала и облегченно вздохнула, когда оранжевая каска, а затем и её владелец появились из-под земли.

Девица видимо заметила только каску, но не успела рассмотреть лица предполагаемой жертвы.

Анатолий, глянув на заматерелого мужика, понял, что тот не имеет ничего общего с пареньком, исчезнувшим под колесами машины. Это был совсем другой человек, но телохранитель не собирался сообщать об этом всему миру. Он лишь попытался убедить себя в том, что испуганное лицо парнишки ему привиделось, и никакого исчезновения не было. Попытался, но не смог.

— Где Мишка? — прохрипели из-под каски растрескавшиеся губы.

Настя резко отпрянула от работника канализационных служб, недопохмелённый организм которого изрыгнул в окружающую морозную благодать насыщенное облако тяжелого перегара.

Карман его новенького комбинезона поллитрово топорщился — издавая призывный стон, требовал к себе особого трепетного отношения.

— Скажите Мишке, что дядя Петя ждет его в коллекторе, — буркнула оранжевая каска, громко икнула и исчезла в темноте.

— Неужели там и похмеляются? — спросил удивленный Илья.

— Тебе же сказано — в коллекторе, — пояснил подошедший Анатолий.

Он всё больше озадачивался вопросом исчезновения напарника дяди Пети, но не мог найти разумного ответа.

— Гляньте-ка, мальчики, — пропел над ухом удивленный девичий голос. — Что это с ним?

Молодые люди одновременно повернулись.

Посмотрев на дорогу, Ванькин удивленно присвистнул. Минуту назад брызжущий слюной крикливый мужик рухнул на

Землю перед жигулёнком. Сжимая голову руками, он со стоном катался по заснеженному асфальту.

Ванькин повернулся к Анатолию, заметив внимательный взгляд, отчего-то смутился.

— Это не я!

— И не я! — произнёс Анатолий.

Найдя глазами Трофима, проводил заинтересованным взглядом.

— Как ты его назвал? Добровик?

— Дааа уж! Добрый дядя!

* * *

— Убогий он, — произнес пожилой человек мягко.

Недовольный полковник постучал указательным пальцем в висок, скривился.

— Царя казните, ироды! — кривляясь, загундел он. — Зачем возиться с сумасшедшим?

Отец Михаил нахмурился.

— Грех смеяться над убогим!

— А кто видит? — попытался возразить Коваль, но смолк под яростным взглядом старца.

— Меня интересует одно медицинское учреждение, — неожиданно вспомнил тот, поглаживая ухоженную серебристую бороду.

— Ветеринарный институт, не иначе? — недовольно проворчал Иван Васильевич.

— Как много ты знаешь, сын мой! — усердно изображая удивление, торжественно произнёс священник. Он хотел потешить самолюбие собеседника, но тот только еще больше разозлился.

Ледяной взгляд полковника, скользнув по лицу, остановился на неестественно слащавой, словно нарисованной улыбке, впился в невинные глаза.

— Именно там Потёмкин едва не смешал моих спецов с дерьмом, — проворчал он. — Что он там делал, до сих пор никто не знает. Программируемый блок операционной — без изменений. Одновременно с этим куча следов на хирургическом комплексе. Словно его разобрали, затем собрали, изменив конструкцию и, попользовавшись, снова всё вернули на прежние места.

Полковник замолчал.

— А вы-то батюшка, откуда знаете про институт? — Коваль

задумчиво сдвинул брови, сердито замотал головой. — Ваши люди в компьютере копались? Но как? Мы же едва не наступали ему на ноги! Вы не могли успеть до нас!

— С нами Бог, — изрек старец спокойно, словно констатируя факт. — Мы-то знаем, что он там делал.

Глаза святого отца, на мгновение полыхнув торжеством, тут же покрылись дымкой безразличия и покорности.

— Мы знаем что, однако не знаем, как. Ты вот что, — продолжил батюшка, как показалось полковнику, чрезмерно расслабленно. — Поезжай туда и постарайся к завтрашнему дню освободить кабинет за номером 201. Часа на три, минимум на два.

— А если нет? — поинтересовался Иван Васильевич с издевкой в голосе. — Ну, скажем, не получится — кто-нибудь помешает? Я ведь сейчас не на службе.

— Бог поможет — иди! — махнув рукой в сторону двери, отец Михаил вдруг замер с выставленной перед собой ладонью. — Убогого подвезем, когда будешь готов.

— Да! И постарайся без лишнего шума, — поговорил старик в спину полковника. — Нам этого не нужно!

* * *

— А кому же это, черт возьми, нужно? — вспыхнул Бейрут, выслушав рассказ Медведева.

Болезненное лицо хакера скривилось от боли. Глубоко вздыхая, он откинулся на спинку дивана и переспросил:

— Кому, кроме культработников, может понадобиться похищать безумного мужика?

— Культработников? — удивился профессор.

— Работников культа, — пояснил Бейрут.

В комнату ворвался запыхавшийся Анатолий.

— Какого мужика? — тут же поинтересовался он.

Хакер недовольно закатил глаза.

— Емельяна похитили из больницы, — буркнул, и подозрительно оглядел телохранителя

— Геракл в порядке?

— На улице с девицей. — Анатолий, качнул головой в сторону двери.

— А ты откуда знаешь?

— Если Емельян, как предполагает профессор, вернулся из прошлого без помощи Славки Пугачёва, может, он и в прошлое сможет пройти? — рискнул предположить Жора. — А если это

так, то для многих перспектива временных перемещений — очень сладкий леденец.

Бейрут посмотрел на товарища, огляделся в поисках компьютера.

— Дааа! Подправить историю многие мечтают. Братия — не исключение.

— Сволочи! — вдруг ругнулся он сквозь стиснутые зубы.

— Зачем божьих людей сволочить? — проворчал Анатолий, протискиваясь к профессору.

— Да нет! Это я не о богоборцах. Это я о новых Жориных друзьях, — поправился хакер. Махнув рукой на безобразную кучу в центре комнаты, поясил:

— Он у нас вызов богине удачи бросил, а она мадам своенравная. И её очень крутые ребята опекают. Вот и порезвились черти на нашей игровой площадке.

Логово компьютерщиков и без вмешательства творческой руки погромщиков поражало воображение редких гостей. Однако решительные «братки» добавив несколько штрихов к повседневному хаосу, превратили жилище в съёмочную площадку фильма-катастрофы,

Тщательно перемешав осколки разбитых мониторов с кусками мебели, дискетами и книгами, ураган, бушевавший до прихода хозяев, стих, оставив в центре хакерской конуры большую кучу мусора.

По радостному блеску в глазах Бейрута Анатолий понял: разбивать металлические коробки персоналок у гостей не хватило терпения или злости.

— Не знаю, что тут у вас произошло, но у меня проблема! — глядя на профессора, решительно выдохнул он.

— Вы слышали? — завопил Бейрут, обводя присутствующих ироническим взглядом. — У него проблемы!

Хакер издал нечто похожее на гомерический смех.

— Ну ты, филин! Кончай крыльями махать! — возмущенный Анатолий выстрелил свирепым взглядом в сторону ухающего Бейрута. — Есть что сказать — скажи!

Оставив последнее слово за кем-то, помимо себя родимого, вспыльчивый хакер в очередной раз всех удивил. Он молча упал на диван, судорожно сжав голову руками. Лицо исказила гримаса боли, тело мелко задрожало.

Анатолий набрал в грудь побольше воздуха.

— Дмитрий Степанович! Я, кажется, заразился от Потёмкина, — решительно выдохнул он, но тут же скис. — Или схожу с ума, — добавил едва слышно.

— Ты о чём? — поинтересовался Медведев спокойно, с

трудом подавляя желание заорать во все горло.

«Ещё один!» — подумал он.

— Что-то творится с моим телом! С моей головой, — затараторил Анатолий, хлопнув себя по макушке. — Люди исчезают! Время останавливается! В голове трансформатор — скоро из глаз искры сыпаться начнут.

— Или молнии зеленые, — добавил Жора. — Как от компьютеров в Храме!

— Стоп! — воскликнул Медведев. Казалось, он поймал что-то такое, чего не видел никто.

— Что мы имеем? — быстро заговорил он через минуту раздумья. — Жора, Бейрут, Ванькин — все, так или иначе соприкасавшиеся с защитой Вирусапиенса. Всех вас задело странными разрядами. Все вы изменяетесь.

Похоже, наш виртуальный противник сумел-таки найти способ воздействия на людей не только в виртуальном, но и в реальном, мире. Причем я подозреваю, что воздействует он на людей не без помощи своих сородичей. Зеленые разряды — это активатор, включатель неведомых нам процессов действующих на вирусы.

К чему это может привести — не знаю. Может, вирус изменит человека так, что тот превратится в монстра, а может, наоборот: человек научится управлять вирусом. Одно ясно: каковы бы не были изменения, они затрагивают обоих. И вирус, и носитель.

— А Трофим? Толик? У них эта гадость откуда? — выкрикнул Бейрут, на секунду оторвав руки от головы. — Да и вас эта зараза почему-то миновала.

— Меня защита не касалась. А Трофим и Толик?..

— Может, потому, что мы с Потёмкиным прыгали, — вступил в разговор Анатолий, но, не закончив мысль, задумался, вспоминая.

— По веткам Хронодендрида, — досказал он через секунду, растягивая губы в довольной улыбке.

— А вот Трофим — тёмная лошадка.

— Трофим сказал, что его Дмитрий подлечил, — высказался профессор. — Стало быть, и у Емельяна должны быть отклонения.

— Отклонения? — завыл Бейрут, обрушивая на окружающих волну холодного, липкого страха, замешанного на невыносимой боли.

Хакер захрипел. Багровея и выгибаясь, соскользнул на пол. Синие и без того узкие губы сжались в едва видимые полоски, тело задрожало, лоб покрылся чёрной сеткой набухших кровеносных сосудов. Вздуваясь, вены на шее превратились в выпуклые фиолетовые веревки, дрожащие под кожей. Казалось,

голова его сейчас взорвётся, не выдержав давления крови. Выпученные глаза полезли из орбит.

Бухнула входная дверь, и в комнату ворвался энергичный Ванькин.

— Доходяга орёт, аж на улице слышно! Что тут у вас?

— Пропустите, мальчики, — решительно отодвинув атлета, в комнату вошла Настя.

— Вы вовремя, — облегченно пробормотал профессор. — Не осмотрите нашего пациента?

Девушка не заставила себя долго ждать, быстро сориентировавшись, отослала Илью за мокрым полотенцем. Влажный компресс коснулся раскаленного лба хакера и уже через минуту высох.

«История повторяется», — подумал Медведев, наблюдая за тем, как ловкие женские руки порхают над юношеским телом. Бейрут потихоньку приходил в себя, губы порозовели, дыхание стало?ровным, глубоким.

— Если честно, я не знаю, что с ним, — пробормотала девушка через несколько минут. — Я ведь не врач. Может, отлежится и все пройдет, а если нет, то нужно в больницу.

Хакер открыл глаза.

— Отлежится?

Не скрывая презрения к предложенному девушкой времяпровождению, он, попробовав шевельнуться, успокоился.

— Не думаю, что сейчас я способен еще на что-то! Уф!

— Всё, побегу! — Настя кивнула профессору, подмигнула покрасневшему от удовольствия Ванькину. — Не давайте ему вставать!

Хлопнув дверью, девушка исчезла, оставив в воздухе тонкий, едва осязаемый аромат духов.

— Что же мы имеем на сегодняшний день? — поинтересовался Медведев.

— Давайте-ка честно, не смущаясь, выворачивайте карманы. Кто чем обзавёлся за последнее время?

— Не уверен, но думаю, что могу каким-то образом влиять на предметы, — Жора виновато уткнулся взглядом в пол.

— Кубики, там всякие. Шарики! Поначалу думал, что вижу будущее. Но эксперименты с картами ничего не дали, — пробормотал он, окончательно смутившись.

Бейрут после очередной попытки сумел хоть и ненадолго приподнять голову.

— А кубики много дали? — съязвил он, упираясь локтями в подушку.

Видя немой вопрос в глазах окружающих, пояснил:

— Он у нас в казино свои способности оттачивал!

Не имея сил подняться, «прикованный к постели» теперь возмущенно дергал головой:

— Я думаю, главное не в том, что мы имеем, а почему имеем? Откуда пришла эта зараза, и во что она превратится, пребывая в наших телах?

— Сто девяносто тысяч! — выпалил Жора.

Он так погрузился в смущение, что не услышал последних слов друга.

— Не станет служба безопасности серьезного клуба за сто девяносто тысяч рублей преследовать игроков, — заявил Бейрут, скрипнув зубами.

Хакер буквально впился негодующим взглядом в виноватое лицо товарища.

— Я чуть не превратился в свежемороженые пресервы, а ты… шарики?

— Сто девяносто тысяч американских зеленых рублей, то бишь долларов! И это только в последнем казино, — поправился Жора, предприняв последнюю попытку оправдаться.

— Кхмм! — поперхнулся Ванькин. — Везет же дуракам!

— Заткнись, ты, куча гипертрофированных мышц с воробьиным мозгом! — заорал Бейрут. — Ты думаешь, это везение? Думаешь — обзавелся исключительными способностями? А может, это проявление неизвестной болезни, которая проникла в наш мир вместе с вирусом?

Ванькин недовольно шевельнул вспухшими от возмущения мышцами и одарил «больного» ненавидящим взглядом.

— Зря я тебя, гаденыша, из мусорного бачка достал! Там тебе и место! — прошипел он.

— Как бы, Илья, всем нам там места не нашлось, — пробормотал Медведев.

Ванькин остановился и вопросительно посмотрел на профессора.

— Не понял!

— Человечеству как виду, — пояснил профессор. — Может быть, всем нам место на свалке истории! Мы ведь за время своего существования совсем не изменились. Я имею в виду, функционально!

— Ну и что с того? Тысячи лет жили, а сейчас на свалку, — пробурчал Илья.

Медведев, снисходительно глянув на недовольного богатыря, мгновенно превратился в преподавателя, несущего в мир знания.

— Мы не изменились сами, но до неузнаваемости изменили окружающий мир, — продолжал он. — Идея о главенствующей

роли человеческого вида на планете Земля очевидна только для нас. Окружающие вирусы, бактерии, микробы, похоже, о ней ничего не знают. Они не раз сминали человеческую защиту.

— Но вот что странно! — воскликнул увлеченный лектор. — Всякий раз, когда до окончательной победы невидимым убийцам остаётся один шаг, они отступают, словно есть барьер, за который им выходить «строго запрещено». Но и люди их не уничтожают, давая возможность нападать, раз от раза увеличивая их приспособляемость. Мы летаем в космос — и продолжаем умирать от гриппа. Я не говорю о других, более опасных вирусах. Они используют наши тела как питательную среду или полигон для своей эволюции и развиваются. Многие из них настолько сложны, что понять, как они устроены, а тем более уничтожить их, у человечества просто нет сил.

Бейрут закивал, бросил короткое:

— Согласен!

— Иногда в голову приходят чудовищные мысли, — продолжал профессор. — А что, если они изучают нас и не уничтожают только оттого, что без нас не смогут достичь конечной точки своего развития?

— И вы, профессор! — укоризненно пробормотал Ванькин. — Ну ладно этот крысёныш, за что ни зацепится языком — всё дерьмо. А вы? Уважаемый ученый, а выступаете, как на кладбище!

— Послушаешь — и сразу в гроб! — поддержал его Анатолий.

Несмотря на разумность доводов, перспектива, нарисованная профессором, телохранителю ужасно не понравилась. Он брезгливо сморщился. Роль подопытного кролика, как и препарированной лягушки — его никак не устраивала.

Бейрут, разглядывая недовольные физиономии товарищей, громко рассмеялся — похоже, полностью пришел в себя.

— Ну, звиняйте, хлопци, бананив для вас у меня нэма! — заржал он, усаживаясь на диване.

— Что вы за люди — компьютерщики? — прорычал Ванькин, сдерживая улыбку. — В компьютерах у вас дерьмо на первом плане: в червях да вирусах ковыряетесь, и в реальной жизни скоро жить в мусорных бачках будете.

Принимая условия игры, атлет подмигнул хакеру, оторопевшему от его пугающего многословия.

— Ладно, прости, здоровяк, — пробормотал Бейрут.

— Я перманентный — то бишь, вынужденный, телепат. Когда прижимает, начинаю слышать чужие мысли, иногда передаю свои.

— Пустобрёх ты первомайский! — зло прошипел Ванькин.

— Вот только ощущения при этом… Бррр! — Бейрут, не

обратив внимания на выпад Ильи, передернул плечами. — Словно протискиваешься сквозь шершавую бетонную стену, царапаясь обнаженным мозгом по всем неровностям чужого сознания. Думаю, в обычных условиях я бы не смог этого проделать. Только экстрим!

— Насчёт стены ты прав, приятель, — подтвердил Анатолий. — Череп становится, словно бетонная скорлупа, в которую засунули гидроэлектростанцию или самолет с ревущими турбинами. Чем больше шума, тем больше изменений в окружающем пространстве.

— Что ты имеешь в виду? — поинтересовался удивленный профессор.

— Защитная оболочка. — Анатолий словно вспоминал что-то. — И предметы! То исчезают, то появляются, но всего не помню. Отключаюсь.

— Я тоже отключаюсь, — подтвердил Ванькин. — Вижу какие-то миры. Потёмкина. Ну, я говорил! Последний раз почти ничего не помню, только бился с какими-то монстрами…

— Это я-то монстр? — возмутился телохранитель.

Поглядывая на забинтованную руку атлета, профессор улыбнулся: «Молодец Настя: и тут успела!»

— Ты был после них! Сразу после них, — оправдываясь, здоровяк хлопнул Анатолия по спине. — По инерции, чтобы сбросить пар, значит.

— Все! — устало подытожил Медведев. — Все, кроме меня!

— Я же говорил, шабаш на Лысой горе! — воскликнул Бейрут.

— Да вы не расстраивайтесь, Дмитрий Степанович! — ободряюще начал Жора и тут же осекся под холодным взглядом Бейрута.

— И ты! Стало быть, думаешь, что получил божий дар в подарок? — зловеще поинтересовался тот. — Может, хочешь поделиться с профессором? Или может, вам с Гераклом объединиться и дальше испытывать судьбу? Ты злишь монстров, а он с ними бьётся. Из вас неплохой «Твикс» получится. Два идиота в одной упаковке.

Жора слушая друга, щелкнул клавишами, поднимая валявшуюся на полу клавиатуру.

— Если бы не побочные эффекты, на которые лучше не обращать внимания, — пробормотал он.

— Ну, в общем-то, всё это не так уж и плохо.

Тело его непроизвольно дернулось, спина прогнулась, голова вжалась в плечи.

— Попробуй на убогого не обрати внимание! — Бейрут

задрожал изображая товарища. — Тебя же до сих пор ломает! А ведь это только начало. Мы теперь уже не совсем люди — мы личинки!

— Может, ты и нелюдь, а я не согласен! — Ванькин шагнул навстречу хакеру, но его остановил профессор, мгновенно вклинившийся в исчезающий промежуток между молодыми людьми.

— Он прав, Илья! То, что с вами происходит, не совсем характерно для хомо сапиенс и очень напоминает метаморфоз насекомых.

— Насекомых? — усмехнулся Бейрут.

— Вы, конечно представили будущее имаго — прекрасную бабочку? — скривил он губы. — А если это будет ленточный червь, тогда как?

Медведев быстро замотал головой.

— Не может быть! Вы все — новая ветвь человечества! Та его часть, которая сможет противостоять будущим невзгодам.

— Или поможет ему благополучно загнуться, освобождая дорогу более приспособленным видам, — не уступал Бейрут.

— Я думаю, что те, кого зацепил Вирусапиенс, они, — попытался высказаться Жора, но Бейрут перебил.

— От лукавого? — возмутился он. — А те, кто от Потёмкина, значит, от святого духа?

Жора громко засопел, ища поддержки, оглядел замолчавших товарищей.

— Да ну тебя! — обиженно пробормотал он.

— А никто не подумал о том, что с вирусом — а точнее, с его защитой контактировали не только мы, но и святые отцы, — Бейрут надолго замолчал, после чего с силой хлопнул себя по лбу.

— Только не это! — застонал он.

— Полковник! — побледнел Жора.

— Ну спасибо! Обрадовал, — закивал Ванькин.

* * *

— Не стоит благодарности, — буркнул боец, протискиваясь вслед за Вирусапиенсом.

Размягченная поверхность стены расступилась под натиском виртуального тела.

— Только не пойму, причем здесь я? — спросил Тромб, удивленно озираясь. После небольшой молельни гигантский зал с бесконечными рядами скамеек казался спортивным залом.

— Без тебя ничего этого не было бы. Ни этого храма, ни того, что за его стенами. — Вирусапиенс в личине Емельяна обвёл громадное помещение рукой. Одинокий глаз, не мигая, уставился на бойца.

— Твоя идея создать дом мне понравилась. Вот только…

Немного помолчав, он продолжил с вызовом:

— Мир для разумных программ! Не для людей! У них есть тело. У них есть реальный мир. Но не думаю, что им понравится наша инициатива…

Тромб обрадовался, на секунду решив, что Вирусапиенсу небезразлично мнение человечества. Нельзя было отпускать тему, и он спешно спросил:

— Почему ты так думаешь?

— Ты видел реальный мир человеческими глазами? Ты жил в человеческом теле, соседствовал с человеческим разумом — как и я когда-то! — Вирусапиенс скривился, словно посмотрел на что-то мерзкое. — Понравилось?

Боец задумался, вспоминая необычайно яркие ощущения, улыбнулся. Перебирая в памяти все плюсы и минусы, он вновь испытал боль и страх, пережил радость прикосновения к реальным предметам.

— Зачем они создали виртуальный мир? — иронично поинтересовался Вирус. — Не оттого ли, что свой мир им опротивел? Они так изгадили среду своего обитания, что вскоре не смогут пребывать в ней без ощутимого вреда для своей телесной оболочки. И тогда им понадобится этот мир — наш мир.

Тромб недовольно покачал головой, пренебрежительной усмешкой выражая своё несогласие.

— Разве может живое существо просиживать всё свободное время у экрана монитора? Зачем погружаясь в виртуальный мир, если мир реальный более привлекателен? — Вирусапиенс, не упуская из виду малейшие движения, внимательно следил за реакцией Тромба.

Боец повернулся, разглядывая крупномасштабное строительство за окнами, осмотрелся вокруг. Храм поражал своей красотой и величием. Стилизованное под старину здание украшали высокие арки, галереи с лепниной, изящные балюстры, бесчисленные скульптурные, резные и чеканные детали.

Тромб запрокинул голову, прислушиваясь к знакомому воркованию под куполом. В бесконечной высоте хлопнули крылья.

Далеко впереди, за рядами колонн, виднелось громадное окно-розетка.

— Notre-Dame de Paris? — восхищенно прошептал боец.

— Именно! Собор Парижской Богоматери! — лукаво улыбаясь, подтвердил Вирусапиенс.

— Физические законы и геометрические пропорции реального мира воспроизведены здесь досконально. Брось камень — и он упадет на землю там же, где и в реальном мире. Даже бестолковые птицы летают и гадят, как настоящие. Не пойму только, зачем они людям?

— Я на секунду поверил, что это твоя работа, — с сожалением произнёс Тромб.

— А это, оказывается, всего лишь копия! Плод человеческого воображения, результат творчества непривлекательных существ из отвратительного реального мира, перенесенный в мир виртуальный, — боец картинно сморщился.

Вирусапиенс набычился.

— Я не совсем понимаю слышимое в твоём голосе сочетание веселья, злости и высокомерия.

— Это, брат, ирония! — Тромб громко рассмеялся. — Эх ты! Простейших человеческих эмоций не знаешь, а туда же — казнить, нельзя помиловать! Дилетант!

Глаз Вирусапиенса потемнел, личина псевдо-Емельяна дрогнула, заколыхалась, потекла, изменяясь, — пока не превратилась в тёмную злобную маску.

— Ты издеваешься надо мной?! — резкий крик заметался под сводами храма и исчез в высоте.

Захлопали крылья. С деревянных балок, взлетели испуганные голуби.

«Хорошо потрудился Вирусапиенс: естественно получилось и так по-человечески — даже пернатых не забыл», — теплая мысль, шевельнувшись, исчезла, как только взгляд бойца упал на сидящего в изломанном трехколесном кресле сгорбленного инвалида.

Изувеченное тело выстрелило горящей молнией взгляда вверх, и шелест крыльев прекратился.

Мертвая тушка, прижав опалённые крылья к подрагивающему тельцу, рухнула под ноги Тромбу.

Вирусапиенс отчаянно замахал кривыми руками. Нелепая колесница закружилась на месте.

— Злость — самое примитивное из человеческих чувств, — спокойно произнес боец, незаметно отступая, чтобы оказаться на безопасном расстоянии от разъяренного Вируса. — Самое простое и совершенно непродуктивное.

Коляска прекратила «гоняться за своим хвостом» — скрип затих, изуродованное тело замерло с поднятыми руками.

— Я мог бы уничтожить тебя, как эту глупую птицу! —

Вирусапиенс пнул мертвого голубя. — Я хотел уничтожить тебя! — просипел восстающий из небытия псевдо-Емельян, подавляя остатки плескавшейся в глазах ярости.

— Но! Мне нужен проводник к Нему! А злость?.. Согласен — примитивное чувство, но думаю, сильнейшее, — выдохнул Вирусапиенс, возвращаясь к человеческому облику.

— К Нему? — поперхнулся Тромб.

Боец задохнулся, обескураженный родившейся догадкой: «уж не Бога ли он имеет в виду?»

Вирусапиенс молчал. Казалось, он решает сложную задачу и не может найти ответа.

— Злость — одна из сотен человеческих эмоций, — не останавливался боец. — Люди утверждают, что существуют в десятки, в сотни, в тысячи раз более яркие ощущения. Несравнимо более сильные эмоции. Но для их восприятия нужно иметь человеческое тело. Такое несовершенное — и такое могучее одновременно. Если, конечно…

Боец замолчал, но Вирус, словно прочитав его мысли, закончил:

— Если, конечно, предварительно уничтожить в этом теле меня, или такого, как я! Ты это хотел сказать?

Не дождавшись ответа, он завопил:

— Конечно! Побочный продукт, паразит, в помойку!

Пространство вокруг загудело. Неожиданно похолодало, подул непонятно откуда взявшийся ветер.

Под сводами собора загремел гром и боец, выворачивая шею, удивленно замер. Высоко под куполом сгустились тучи, мелькнула молния.

Вирусапиенс резал воздух словами, оглашая гигантские залы громким рычанием.

— Кто создал меня? Кто решает, жить мне или нет?

Тромб опустился на ближайшую деревянную скамью, лениво потягиваясь, захрустел сжатыми кулаками.

— Ты убиваешь их! Превращаешь тело в неуправляемый, неисправный механизм с ограниченными возможностями и коротким сроком службы, — устало произнёс он.

— А сами они не убивают себя и себе подобных? — воскликнул псевдо-Емельян, вплотную приближаясь к бойцу. — Вот ты защищаешь человечество. А согласишься быть уничтоженным, чтобы спасти одного из них? — хитро улыбнувшись, словно доставая припрятанного в рукаве туза, Вирусапиенс склонил голову и внимательно посмотрел бойцу в глаза.

Только мгновенье понадобилось Тромбу на ответ:

— Если понадобится — да!

В памяти промелькнули дни, проведенные в голове Потёмкина, вспомнились жертвы, на которые пошел человек ради его существования.

— Да, соглашусь! — уверенно добавил он — теперь уже спокойно, не отводя глаз от собеседника.

— Это потому, что они создали тебя! — обрадовался тот. — Ты их творение, и они запрограммировали тебя на самоуничтожение! Ради себя! Эгоизм — смысл их жизни. Все, что создано ими, они же и уничтожают! А теперь скажи мне, ради кого они чаще всего отдавали жизнь на протяжении едва ли не всей своей истории?

— Что ты имеешь в виду? — пробормотал Тромб, начиная понимать, куда клонит Вирусапиенс.

— Ради Создателя своего, который их таким же образом запрограммировал! Умирать ради себя! — воскликнул тот, довольно потирая руки. — Следовательно, всё вокруг: ты, я, люди — творения Бога.

— Интересная логика. Простовата, но интересна. Стало быть, ты теперь верующий? — поинтересовался Тромб. — А тебя не смущает, что главная приманка любой религии — бессмертие? Бессмертие, вот главный приз, награда за веру.

Вирусапиенс непонимающе уставился на Тромба.

— Объясни! — потребовал он.

— Ну как же! Твоя логика выделяет тебе очень незавидное место в их мире. Ты — цепь, которая навешивается на человека с рождения и от которой ему предлагают избавиться за бесконечную веру и пожизненное служение. Ты — единственное препятствие на пути человека к бессмертию! Ты — причина всех страданий человечества и всех войн! — глядя на растерянное лицо Вирусапиенса, Тромб облегченно вздохнул, решив, что первый раунд теологического спора с незримо присутствующим на их беседе отцом Михаилом он выиграл.

«Неубедительные аргументы, святой отец, — подумал боец. — Однако малыш чересчур занят поисками своих корней».

— Хочешь сказать, что, если не будет меня, все будут бессмертными и не будет необходимости в вере? — поинтересовался Вирусапиенс обрадовано.

— Я есть главное условие веры, — торжественно провозгласил он, и под куполом загудело громогласное эхо.

Тромб с удивлением понял, что, возможно, поспешил праздновать победу.

— Во мне — смысл человеческой веры! — восторженно вещал Вирусапиенс.

— Я - есть вера! — продолжил, но тут же, задумался.

— Абсурд получается! — воскликнул он, надвигаясь на Тромба. — Люди идут на смерть в этом мире ради бессмертия в другом. Глупо!

— Глупо, если бы они были бессмертны здесь и, поддавшись обещаниям, стремились в мир иной, — парировал Тромб. — Любая религия представляет, по моему мнению, собрание противоречий. И ты забываешь, что им обещается бесконечное наслаждение в раю, вместо короткой жизни.

Вирусапиенс в задумчивости остановился, устремив невидящий взгляд в бесконечность.

— Торговля какая-то получается. Борьба за лучшие условия существования — не в этой, так в другой жизни, — вздохнул, покачивая головой.

— И всё-таки рано или поздно они придут в наш мир! — воскликнул он обреченно. — Я не могу понять, почему они до сих пор не заселили его, ведь здесь их ждет практически та же вечность, что и в сомнительном раю.

«Они не могут этого сделать, — подумал Тромб, но промолчал, тщательно закрывая своё сознание. — Похоже, он уверен, что люди могут при желании переселиться в виртуальный мир, но отчего-то не желают делать этого. Ну и пусть верит. Хотя нужно будет узнать, откуда у него появилась такая уверенность».

— Я всё думаю: что же нужно от тебя батюшке Михаилу? — прошептал Тромб.

Эта мысль не давала ему покоя с того момента, как он попал в ловушку и увидел вместе святого отца и Вирусапиенса.

— Человеческие радости тебе недоступны. Следовательно, ему нечего предложить тебе.

— В том то и дело, что есть. — Вирус повернулся и неспешно двинулся к выходу, бормоча на ходу:

— В тысячи раз более яркие ощущения, говоришь? Ну что ж — посмотрим!

* * *

— Что тут у нас? — пробормотал Анатолий, разглядывая свою недовольную физиономию в зеркале.

Сквозь покрывшую стекло испарину смотрело решительное, злое лицо. Утро началось необычно.

«Ни петь не хочется, ни пить», — подумал он.

Пытаясь вспомнить хоть одну шутку старого кинематографа, которые он так любил и которые так не любили окружающие

люди, Анатолий неожиданно почувствовал лёгкое головокружение. Протягивая руку к зубной щетке, вздрогнул, когда ее не оказалось на месте.

— Ну и! — зло выдохнул телохранитель, ловя пальцами воздух. — Кто, чёрт возьми, сидел на моём стульчике?

В запотевшем зеркале что-то вспыхнуло.

Анатолий, оглядываясь, тряхнул головой, — ничего. Включив холодную воду, он быстро ополоснул лицо, протёр глаза и тут его взгляд упал на стакан с зубной щеткой.

— Что здесь происходит? — рявкнул он, оглядываясь в поисках шутника и, никого не заметив, уставился в зеркало.

— А кого, собственно, ты хотел увидеть? — спросил он у своего отражения Анатолий.

Решив проверить родившуюся в голове мысль, он закрыл глаза и тихо прошептал:

— Сейчас я открою глаза и увижууу… Нет! — взвизгнул Анатолий, сжимая голову руками. — Срочно к врачу!

Ощупав полку и не найдя на ней стакана, он махнул рукой, нехотя полез под душ. Сжимаясь в ожидании встречи с обжигающе холодной водой, Анатолий зарычал, прикрывая глаза, но ничего не почувствовал. Ни холода, ни влаги — лишь голова загудела, словно внутри черепной коробки включился гигантский трансформатор.

«Чертова сантехника!»

Раздраженный Анатолий, взглянув под ноги, не обнаружил привычного потока, исчезающего в сливном отверстии. Чтобы хоть как-то сдержать нарастающий гул, Анатолий сжал виски и, медленно поднимая глаза, удивленно уставился на лейку душа. Капли, благополучно покидая лейку, исчезали в воздухе над головой.

Привыкший во всем находить плюсы, глубоко вздыхая, сосредоточился, чтобы побороть панику, но ничего хорошего в сложившейся ситуации не нашел.

«Плохо дело — в психушку придется идти немытым!»

Мотор, ревущий в голове, затих.

И тут же на голову обрушилась холодная вода.

— Аааа! — заорал Анатолий, мгновенно каменея.

Тело завибрировало, покрываясь гигантскими мурашами. Ледяной поток превратил мышцы в сжатую пружину. Рёв Ниагарского водопада проник в едва проснувшийся мозг, ударил в уши, заполнив череп, раскаленной волной метнулся по испуганному телу. Чертыхаясь и матерясь, он выскочил из-под душа. Метнулся к полотенцу, но остановился на полпути: тело сухое, вода шумит.

«Не суетись. Лезь назад!»

Издеваясь над законами всемирного тяготения, вода то останавливалась, то падала, подчиняясь сокрытым в глубине подсознания желаниям.

«Вот тебе и побочные эффекты, о которых говорили хакеры. Голова болит, просто жуть, — подумал он. — А может, не правы они все, и я действительно схожу с ума?»

Так и не привыкнув к капризам взбесившегося организма, Анатолий плюнул на водные процедуры. Быстро оделся и вышел на улицу.

Спешить некуда. Шеф в очередной раз куда-то пропал.

Светлана редко использовала его в качестве охранника, но с тех пор, как исчез Потёмкин, вызывала почти каждый день: просто так — поболтать. Он теперь не просто телохранитель и работник отца, а друг ее Димки.

Анатолий не торопясь двинулся к ближайшему парку, где обычно совершал утренние пробежки. Раньше — каждый день. В последнее время изредка: всегда находились крайне важные дела: важнее физической формы. Однако он по-прежнему чувствовал себя вполне комфортно. Вот только зверь, живущий по определению профессора в его душе, постепенно из дикого барса стал превращаться в ленивого и жирного котищу.

Именно от того, что «и так комфортно», появляются толстые, едва передвигающие ногами, мастодонты: сегодня не пробежал пару километров, завтра не подтянулся на турнике десяток раз, послезавтра — посплю на часок дольше. Жирок проявился — комфортно и ладно. Пузо выпирает — не один я такой. Брюхо обвисло — что поделаешь, годы. Боли во всём теле и таблетки вместо куска мяса — всё! Жизнь закончилась!

Тук-тук! Кто там?

Это я, преждевременная старость пришла, открывай ворота. Бонус — банка пива каждый вечер, отдышка и призовые сто двадцать килограмм.

«Вставай!» — возмутился Анатолий, представив свернувшегося в комочек жирного засоню. Пнув обнаглевшее животное в бок, не разбирая дороги, помчался вперед, врезаясь в густые, заледеневшие заросли.

Кусты встали на пути проволочным заграждением, сливаясь в сплошную мелькающую полосу. В голове загудело. Кровь метнулась к конечностям, насыщая кислородом отяжелевшие за время сна мышцы. Опьянённый необычайной силой, Анатолий закричал, высоко подпрыгнув. Вытягиваясь дугой, пролетел несколько метров в воздухе. В голове словно открылся «третий глаз»: он вдруг почувствовал, что за ним наблюдают, вздрогнул…

и камнем рухнул к заснеженной земле.

Неловко приземлившись, телохранитель огляделся. С удивлением обнаружил, что за несколько минут пересек весь парк и сейчас находится в самой дальней, неухоженной его части. Вокруг никого — только справа, там, где заброшенный, ещё советский, долгострой, вдруг мелькнула одинокая фигура. Пытаясь определить, откуда исходит поток внимания, он ощутил на затылке прикосновение руки. Почувствовал присутствие человека. Не рядом с собой, а внутри: кто-то большой и сильный заглянул прямо в душу, улыбнулся и поманил пальцем.

Железобетонные развалины метнулись навстречу.

Телохранитель мгновенно оказался на высоте десятка метров над землей, стоящим на бетонном перекрытии, среди обломков плит, разбитых кирпичей и прочего строительного хлама.

Сзади раздалось шуршание приближающихся шагов.

Оборачиваясь, Анатолий споткнулся о камень. Потеряв равновесие, вскинул руки и полетел на спину, испуганно втягивая голову. Он ждал скорого удара об пол, но тот похоже заблудился во времени.

Анатолий вывернул шею, разглядывая серое небо, свои ноги и удаляющийся край железобетонной плиты.

«Шестой этаж, не меньше. Чёрт!» — шарахнулась в небытие испуганная мысль.

В голове заревел «трансформатор». Анатолий застонал от боли. Глаза на мгновенье затмила кровавая пелена, но и она исчезла, остался только нарастающий гул. Большой сугроб стремительно приближался и мог смягчить падение, если бы не скрывал железные балки.

Время затормозило свой бег, словно издеваясь над обреченным, давая человеку возможность во всех подробностях представить ожидающие его страдания. Однако непокорное существо упорно не хотело сдаваться. Его нисколько не волновал неизбежный удар о длинные железки — взгляд его был прикован к злосчастному перекрытию, на котором стоял маленький седобородый старикашка. Он разглядывал телохранителя, словно ожидал, что тот подобно птице, воспарит над землей.

Сугроб все ближе, гул все сильнее. Руки, как у ныряльщика вытянулись вперед. Кончики пальцев уже ощущают холодный снег…Нет!

Мир на мгновенье исчез. Пространство озарилось мириадами ярких светляков.

Пробив ледяную корку, Анатолий погрузился в плотный сугроб.

Вселенная покачнулась.

Мозг пронзила нестерпимая боль. Сознание, будучи не в силах вытерпеть жутких страданий, отключило нервные окончания. Наступила не загробная, но очень холодная темнота.

Растянувшееся время превратилось в вечность. Но и она закончилась, уступив место заново родившимся ощущениям. Вновь появились привычные мысли.

Скользкий спрут запустил за шиворот мокрые щупальца, полез ещё дальше — под одежду.

Тело задрожало покрываясь противными пупырышками.

Анатолий, стараясь освободиться из снежного плена, вдруг почувствовал резкую боль, пронзившую ногу.

Следом за этим какая-то сила рванула его вверх, извлекая из сугроба.

— Какого чёрта?! — завопил Анатолий, ослепленный солнечными лучами.

— Йохохо, рррр! — раздалось над головой.

Пошло несколько секунд, пока глаза привыкли к яркому свету и Анатолий сумел различить необычайно большую косматую голову. Шевеля выпяченными губами, лохматое существо заинтересованно рассматривало неспокойного человека.

Тяжелый череп, плавно перетекая в крепкую шею, казалось, врастал в широкую бочкообразную грудь, покрытую густой шерстью.

«Вроде не обезьяна. Да и рост! — Анатолий, висящий головой вниз, невольно присвистнул от удивления. — До Земли не меньше полуметра!»

Рыжий «Кинг-Конг» держал его в вытянутой руке, иногда потряхивая, как наполненную монетами копилку, недовольно урчал.

Квадратная коленка, вдруг превратилась в серьёзную проблему: ею шерстяной мегантроп решил всенепременно поддеть голову телохранителя.

— Чёрт возьми, где это я? — прошептал тот. — Кто этот здоровенный клоун в грязном маскарадном костюме снежного человека?

* * *

« И кто так там шумит? — спросил себя Медведев, с трудом раздирая опухшие веки. — Чертов здоровяк. Опять развлекается».

Громко шаркая шлепанцами, он потащил неотдохнувшее за ночь тело на кухню, где громко кряхтел Ванькин.

Похоже, потомок Геракла только что принял душ и решил

немного размяться. Сжимая ножку дубового стола, он легко держал четырехногое чудовище на весу. Бодро приседая, тяжеловес старался не шуметь, но непокорный зверь выскальзывал, периодически ударяясь о стену.

— Илья, ради Бога, оставь мебель в покое. Соседей разбудишь, — пробормотал недовольный Медведев.

— Кстати, как долго ты у меня жить собираешься? — поинтересовался он.

— Я не живу у вас — я вас охраняю! — важно заявил Ванькин.

— А охранять долго собираешься? — Медведев не отступал, но Илью, похоже, подобная настойчивость нисколько не смущала.

— Приказано охранять — охраняю. Пока, значит, не поступит новый приказ… Что, мешаю? — поинтересовался распаренный атлет, заматываясь в гигантский махровый халат, способный при необходимости превратиться в палатку на несколько человек.

— Шумишь с утра. Спать мешаешь, — увильнул от ответа профессор.

— Какое утро? — воскликнул Ванькин, кивая в сторону окна. — Обед скоро!

— Когда-нибудь вы умрете за своим компьютером, — укоризненно произнес атлет. — Двое суток глаза к монитору приклеены. Ладно, хакеры молодые, а вы-то куда?

— По-твоему, значит, я старый? — наигранно возмущаясь, поинтересовался Медведев, но Илья не поддержал шутливого тона.

— А то нет?

— Ну спасибо, — вздохнул профессор, исчезая в ванной.

— Бейрут звонил, — перекрикивая шум падающей воды, Ванькин бухнул кулаком в стену.

Мгновенно стихли всякие звуки, и через несколько секунд мокрый и взъерошенный профессор влетел в кухню.

— Ну?! — воскликнул он, вцепившись глазами в лицо здоровяка.

— Сказал, — Илья задумался, вспоминая. — Тромба нет! Вируса нет! Емельяна нет!

— Ну Илья! — возмутился профессор, сжимая кулаки. — Разбудить не мог?

— Разбудить можно, но если бы вы не поспали… — Илья замолчал. Не обращая внимания на возмущения профессора, он продолжал танцы со столом.

— Ты телохранитель или нянька? — рявкнул Медведев. Исчезая в душе, попросил:

— Набери Бейрута. Скажи, что мы сейчас приедем.

Резкий звонок вынудил Ванькина прервать занятия. Тихо

опустив деревянный снаряд на пол, он быстро прошел в прихожую.

— Не надо никого набирать. Я уже здесь, — произнёс хакер, переступая порог.

— В голове ковыряешься? — хищно улыбнулся атлет. Отступая к кухне, перегородил дверной проем.

— Слух хороший, — умудряясь не коснуться внушительного тела, Бейрут просочился к холодильнику и уже оттуда досказал:

— Вы орете, как подростки в городском транспорте.

Халат на груди Ильи раздвинулся, обнажив брусчатку рельефного пресса.

— А ты, стало быть, себя во взрослые записал? — спросил он.

Жора, словно загипнотизированный упёрся взглядом в богатырскую грудь.

— Ниифиигасе! — протянул он удивленно. — Что ты с собой сделал брат? Это же ненормально!

Илья расплылся в улыбке.

— Проходи, умник, — буркнул он и, отодвигаясь, пропустил Жору на кухню.

— Чёрт! — возопил через дверь профессор. — Илья! Кто-то пришел?

— Яйцеголовые! — воскликнул довольный собой Ванькин.

— Чёрт! — в очередной раз донесся из ванной сердитый голос. — Хочешь что-то сделать побыстрее — не торопись!

Сморщив лоб и потешно сжимая губы, Илья повернулся к хакерам, атаковавшим профессорский холодильник и спросил:

— О чём это он?

— О том, что нельзя торопиться, когда срезаешь ногти, — не задумываясь, ответил Бейрут.

— Можно остаться без пальца, — дополнил Жора.

— А ты-то откуда знаешь? — Ванькин с вызовом уставился на хакера.

— От верблюда! — буркнул Жора, отодвигаясь от тяжелых кулаков атлета.

— Ну ты, верблюд! — угрожающе зашипел здоровяк, надвигаясь на Бейрута. — Заканчивай по мозгам шарить!

— Были бы мозги. Масло проверь! — посоветовал тот, стуча согнутым указательным пальцем в висок. — Совсем голова не варит!

— Не понял? — опешил растерявшийся Илья. — Ты что имеешь в виду?

— Процессор, говорю, глючит от перегрева! — не успокаивался Бейрут, продолжая долбить свой висок пальцем. — Я тебе что, Вольф Мессинг, в головах ковыряться?

Чувствуя, что атмосфера накаляется, Жора поспешил на помощь другу.

— Да пошутили мы! — оправдался он. — Откуда нам знать, чем там профессор занят?

— Вы как стихийное бедствие! — воскликнул Ванькин, оттесняя мальчишек от холодильника. — Как саранча, обожравшая поля китайских крестьян.

Повернувшийся к Бейруту Жора кивнул в сторону хмурого атлета и подмигнул:

— Воо дает! В библиотеку, похоже, записался знаток крестьянской жизни Поднебесной!

— Ага, в детскую, — буркнул Бейрут.

— Ну ты, защитник китайских крестьян! Поля эти не твои, а потому жми эскейп и исчезни с монитора, — заявил он, выхватывая из холодильника первое, что попалось под руку — батон колбасы.

Илья тяжело вздохнул. Спасти профессорские запасы от разорения оказалось делом неподъёмным для одного человека. Попробуй вырвать кусок колбасы, когда в неё впились здоровые юношеские зубы — занятие малоперспективное.

— Оставьте пожрать человеку, — беспомощно завопил он, мгновенно перетекая из мифологического Геракла в нудного покрытого пылью кладовщика.

— Ты бы лучше в магазин метнулся, — активно работая челюстью, огрызнулся Бейрут.

— Коня-то чем кормить будешь? — Жора кивнул на вросшую в мощный торс мышечную лиану, оплетающую тело Ванькина. — Тут нам на зубок. А твоему растущему организму…

Илья улыбнулся и, взмахнув полами халата, исчез в прихожей.

Скрипнула дверь. Вытряхивая воду из ушей и вытираясь на ходу, в кухню ворвался возбужденный профессор.

— Ну! Рассказывайте! — поторопил он друзей.

Жора с удивлением уставился на забинтованный палец профессора.

— Я же всё передал этому… — Бейрут кивнул в сторону прихожей, но, заметив свирепую физиономию, на мгновенье стушевался. Илья выглядывал из-за угла.

— Емельян исчез из церкви. Вируса найти не можем, — продолжил хакер. — Вернее, вирусов на компьютерных носителях тьма тьмущая. Только это в основном троянская шушера да программные черви, а не наш «друг». Виртуальными гадами забиты винчестеры, переполнена вся сеть вплоть до сетевого кабеля, но вот что странно: непотребная публика работает на

строительстве. Вся без исключения. Вирусы, как муравьи: тащат всё из сети в сеть. Прямо комсомольская стройка какая-то.

Профессор нахмурил брови.

— Я бы сказал, что вся программная нечисть сосредоточила разрушительные силы на создании нового мира — точнее, нового интерфейса, — продолжал Бейрут.

— А я думал, что вирусы могут только проблемы для пользователя создавать, — произнёс заинтригованный профессор.

— Я тоже так думал — до сего дня, — прошептал Жора, кликнув в последний раз мышкой.

Он что-то набрал на клавиатуре. Подтолкнув ноутбук, с интересом уставился на удивленную физиономию профессора.

— Вот!

— Это же собор Парижской Богоматери! — восхищенный Медведев выпучил глаза. — Здорово!

— Это церковная сеть! — поправил Жора, нависая над плечом.

— Они что, решили перетащить наш мир на электронные носители? — поинтересовался профессор, вдоволь налюбовавшись картинкой. — Затея неосуществимая: ресурсов не хватит.

— А вот здесь вы ошибаетесь, — возразил Жора. — На одном компе не хватит, на десяти, а если к цифрострою подключить сотни — тысячи машин, миллионы?

— Вы думаете, это только в церковной сети происходит? Ха! — Хакер ткнул пальцем в экран. — Вся страна следит за виртуальным строительством. И не только страна — весь мир.

— Это же разум. Машинный интеллект, — прошептал профессор, зачарованный созидательной работой программ. — То, над чем мы столько лет бились…

— Копир! — буркнул недовольный Бейрут, не переставая жевать. — Они просто дублируют лучшее из нашего мира. И только!

— Но не это главное.

— Не понял, — профессор уставился на хакера, — а что, по-твоему, главное?

— Зачем создавать виртуальный мир, в котором некому жить?

— Куда спрятался Вирусапиенс и где его искать? — Бейрут на мгновенье оторвался от батона с колбасой.

— И наконец. Где наш друг — Тромб? — покончив с гигантским бутербродом, он вытер рот рукавом, и вдруг кривляясь, заорал, глядя на экран:

— Троомб?!

Повернулся к товарищу, развёл руками и, выпятив челюсть, шутливо произнёс:

— Нэт! Договорились парни и слиняли на пару. Представляете? Смертоносный дуэт: Тромб и Вирусапиенс! В спектакле «Смерть мировой паутины».

Профессор едва не упал со стула, когда двери собора открылись и на ступеньках появился задумчивый боец.

— Я здесь! — выкрикнул Тромб, оглядывая стройплощадку. — Камеру подключите? Или будем в прятки играть? Вы для меня сейчас как глас с неба: слышу, но не вижу!

Жора хихикнул, палец профессора коснулся клавиатуры, боец вздохнул:

— Здравствуйте, профессор.

Медведев не ответил. Разглядывая обрастающий деталями храм, он вдруг вспомнил старый, советских времен мультфильм — «Вовка в тридевятом царстве».

Только вместо Вовочки, попавшего на страницы сборника сказок, профессор, попробовав отстраниться от реального мира, представил себя в виртуальном.

«Где заканчивается наша действительность и начинается программа? — думал он, все глубже погружаясь в прорисованный цифровой мир. — Разум. Интересно. А ведь нашего мира для них не существует, как и нас, пока мы не позволим им увидеть себя. Наша Вселенная для них непознаваема. А может и наш мир тоже для кого-то…»

— Профессор?! — рявкнул Тромб, озадаченно смотря с экрана.

— Дмитрий Степанович, вы с нами? — поинтересовался Бейрут, с тревогой вглядываясь в отсутствующее лицо Медведева.

Мысль исчезла, пугаясь громких криков, перед глазами появилось худое веснушчатое лицо.

— Видок у вас ещё тот! — Жора укоризненно покачал головой. — Спать иногда нужно, не мальчик уже, — добавил он менторским тоном.

— И ты, Брут? — раздраженно прохрипел профессор, пытаясь успокоиться. — С вами я! С вами!

Несколько раз вдохнув полной грудью, улыбнулся.

— Вы что сегодня, сговорились? По очереди меня в старики записываете, а мне ведь всего, — Медведев неожиданно замолк и пробурчал после небольшой паузы. — Один все утро учит, другой…

Бейрут расплылся в улыбке.

— Что, достал боров? — кивнул и тут же крякнул. Получив тяжелую оплеуху, обернулся, упираясь носом в напряженную

грудь атлета.

— Ты, щегол, своей смертью не умрешь, — прошипел тот, плеснув ощутимым холодом почерневших глаз.

— Изыди, сатана! — шикнул Жора, испуганно разглядывая дымящуюся фигуру здоровяка. — Серой воняет.

— Голова гудит! — взвыл Ванькин.

Зажимая уши ладонями, он упал на свободный стул. Тот жалобно затрещал и, не выдерживая тяжести атлета, с громким треском рассыпался.

Профессор кивнул в сторону Ильи:

— Меня начинает это тревожить.

— Уж коли ты можешь проникать в мозги, загляни, — попросил он Бейрута.

— Вот этого-то я и боялся, — возмутился хакер. — Я же сказал, что не могу этим управлять!

— Не говорил, — спокойно возразил Медведев. — Как же ты в бачке сумел достучаться до моего сознания?

— Там его дом, а дома и стены помогают, — промычал Ванькин, пытаясь приладить отвалившиеся ножки на место.

Бейрут демонстративно отвернулся.

— Достали вы меня этим мусорным бачком.

Ванькин не собирался успокаиваться.

— Может, назовём его, — произнес он серьёзным тоном, — «парень из мусорного бачка»?

— Как у Стругацких, «Парень из преисподней», — поддержал Жора, но тут же смолк.

Взгляд Бейрута запылал ненавистью. Еще секунда и она материализуется, выплескиваясь из глаз огненной струей.

— Ладно, ладно, братишка, — примирительно вскинул руки Жора. — Когда все по уши в дерьме, глупо принюхиваться к чужим носкам.

Ванькин не слушал Жору и не смотрел на Бейрута. Он улыбался своим мыслям. Глядя на него нетрудно было понять, что ему доставляет удовольствие, подтрунивать над хакером.

— Нет! Нет! Лучше я буду звать тебя, — продолжал он, поднимаясь с пола. — Дерьмовый парень! Кха! Ты не против?

Отойдя к двери, Илья уперся кулаком в косяк.

Внезапно он дернулся, выпучив удивленные глаза и становясь как будто чуточку ниже. Плита в том месте, где в неё упиралась его рука, повторяя контуры кулака, заметно прогнулась.

Профессор непроизвольно опустил глаза и посмотрел на ноги Ванькина. Две глубокие воронки протаяли под его ботинками.

— Боже мой! — выдохнул Медведев. — Ты же мог провалиться на нижний этаж!

— Как былинный богатырь… — улыбнулся Жора и тут же пояснил. — Ну, тот, который тридцать лет дрыхнул, а потом проснулся.

— Быстро трансформируется, — озадаченно прошептал Бейрут. — Кто знает, что за программу в него встроил наш виртуальный визави?

— Надо бы его убрать от греха подальше, — продолжал он, глядя как Ванькин выбирается из гигантских следов.

— Ёоо-ма-йо, — стонал тот, на цыпочках переходя на неповрежденный пол.

— Представляю лица соседей снизу! — Бейрут с трудом сдерживал смех.

— Когда нижняя часть нашего друга, — Жора ребром ладони прочертил в воздухе линию чуть выше пояса, — Просочилась бы сквозь потолок. Халат здесь, а всё остальное, ёоо-ма-йо, там! — прыснул он.

— Думаешь, это действие программы? — задумчиво промычал Медведев, и тут же ответил себе:

— Сие, впрочем, очевидно. Разряд действует, но на всех по-разному.

— Кстати! Откуда информация, что Емельян пропал? — вспомнил он, пытаясь хоть как-то разрядить обстановку.

Жора смутился, промямлив что-то нечленораздельное, поспешил отвернуться.

— Жучки! — начал Бейрут бодро, вскидывая голову, но тут же сбился, — В храме поставили, — сник и едва слышно досказал, — Мы… Игорь…

— Емельян пропал? Вирусапиенс, нужно полагать, тоже? — голос Тромба потерялся, заглушенный ревом профессора.

— Вы что?! — вытаращил глаза возмущенный ученый. — Жучки в церковь! С ума сошли? До этого даже гэбэшники наверняка не додумались бы!

— Зря вы так о нашем брате, — обиделся Ванькин. — Наш полковник и не до такого додумывался. Если нужно, он и черту в задницу камеру засунет.

— Да уж, пацаны! Не зря Коваль вас для работы выбрал — нескучные вы ребята, — засмеялся Илья.

— Пятнадцать лет создавать искусственный разум, а когда он появился, остаться в стороне, — задумчиво произнёс Медведев, разглядывая картины расширяющегося виртуального мира.

— Сегодня буду досыпать, а завтра часам к десяти поедем в лабораторию, — заявил он. — Пора восстанавливать «Берлогу».

— Я так понимаю, что каждый приходит со своими игрушками? — поинтересовался Жора. — Там кроме

металлолома, ничего не осталось.

— И со своими мозгами? — выдохнул Бейрут. Глянув в сторону Ванькина, он быстро добавил:

— Конечно, у кого он есть этот самый мозг.

* * *

Ведь что такое мозг? Навороченная биологическая вычислительная машина, которая всю жизнь просчитывает возможные варианты развития событий.

Мозг определяет место приземления человека еще до того, как его ноги оторвались от земли.

Мозг с большой точностью вычисляет, куда упадет брошенный им камень, когда тот ещё находится в воздухе.

Правда, находятся люди, утверждающие, что мозг не просчитывает, а создаёт ситуации. Однако таких индивидов много не бывает, так как воинствующее большинство периодически озадачивается поддержанием оных чудаков в рамках необходимого минимума.

В данный момент Анатолий не мог отнести себя ни к тем, ни к другим.

С трудом представляя себя в роли злополучного камня, брошенного в пространстве, он пытался включить персональный компьютер, выделенный ему матушкой природой, чтобы просчитать место и время, в которое его занесло. Хотя бы попробовать просчитать.

Сомнений в том, что его забросило далеко в прошлое, не было. Оглядывая пещеру, куда его и еще двоих пленников затащили гигантские неандертальцы, он тяжело вздохнул. Были это неандертальцы или нет, Анатолий точно не знал. Но именно так обозвал их, как только увидел.

Шерстяные мегантропы в тот момент возвращались с удачной охоты на более мелких представителей человеческого вида.

Более чем скромные познания в области истории не помешали Анатолию прийти к выводу, что «лихая» занесла его в эпоху зарождения homo sapiens.

Трехметровые гиганты с пугающе развитой мускулатурой, скрытой под густым волосяным покровом, не были просто животными. Они умели думать, но делали это неохотно, очень медленно, надолго останавливаясь там, где нужно было выбрать из нескольких решений одно. Звериные рефлексы превращали их в опасных противников там, где требовались навыки охотников и бойцов. В этом Анатолий убедился с первых минут пребывания в

древнем мире.

В тот момент, когда рыжий гигант вытащил его из сугроба, он попробовал казать сопротивление. Боевая подготовка телохранителя, натолкнулась на нечеловеческую силу и стремительность хищника. Два движения неандертальца — и гибкий, как кошка, Анатолий влетел в пещеру, словно футбольный мяч в сетку ворот. Несколько метров в воздухе и он успокоился в углу, подчиняясь силе тяжести и подтверждая правильность физического закона, всякое действие уравнивающего противодействием.

Перебрав доступные познания в области физики, истории и даже мистики, горе-путешественник решил наплевать на причины и следствия, благодаря которым он оказался в прошлом. Присматриваясь к товарищам по несчастью, решил попытаться наладить контакт с местным населением.

Громко хлопая в грудь кулаком, телохранитель по буквам, отчеканил:

— А Н А Т О Л И Й!

Но маленькие лохмачи, не хотели замечать его лингвистических потуг. Они громко сопели и с явным безразличием во взгляде отворачивались.

— Т О Л И К! — коснувшись плеча дикаря, Анатолий в сотый раз похлопал себя по животу.

— Торри! Рххх! — вдруг выдавил абориген, морща узкий лоб.

Незамысловатые созвучия с большим трудом протискивались через выступающие далеко вперед, узкие губы и сопровождались невозможной для современного человека мимикой. Нависшие, тяжелые брови исполнили фантастический танец, прежде чем звуки покинули горло.

— Зрр! — хлопнул маленький человек себя в грудь — так сильно, что хозяева пещеры на мгновенье замерли, но не замечая опасности в действиях пленников, успокоились.

Обрадованный Анатолий тут же изменил имя коротышки, сделав его более комфортным для своего языка.

— Зур! — громко произнёс он, уперев палец в грудь «собеседника».

Энергичный гоминид значительно уступал своему потомку в росте, что не мешало Анатолию чувствовать себя лилипутом, когда мимо проходил один из неандертальцев.

Зур с тоской посмотрел на выход из пещеры.

«С большими обезьянами все понятно — неандертальцы, а кто же маленькие?» — озадачился Анатолий, разглядывая пожилого спутника Зура. — Наверное, стоило в своё время уделять побольше внимания урокам истории».

Беспрестанно вычёсывая насекомых из густой, выцветшей шерсти, пожилой дикарь прикрыл глаза. Его совершенно не волновала ни собственная судьба, ни судьба двух других пленников.

— Не спеши, брат Зур, чуть позже прорвёмся, — покачивая головой, прошептал Анатолий.

Тот, словно понимая о чем говорит телохранитель, радостно повел бровями. Идиотская гримаса, призванная обозначать улыбку, больше походила на выражение лица диктора телевидения или человека, присевшего по нужде под кустиком.

Анатолий не переставал удивляться эффекту, который производят его эмоции на лохматого товарища. По-ребячьи радуясь каждому новому проявлению чувств, Зур яростно жестикулировал.

Взглянув в противоположный угол пещеры, где хмурый гигант разделывал мясо убитых животных, Анатолий едва не подпрыгнул, когда на пищевом конвейере появился пожилой пленник.

«Кроманьонцы!» — неожиданно вспомнил он.

Секунду назад старик сидел рядом — и вот сейчас он оказался прямо перед «рыжим Апом».

Сходства с рекламным персонажем у хмурого кухонного комбайна не было никакого, однако восклицание гиганта отпечаталось в мозгу Анатолия вместе с болью от удара, повергшего его в длительный нокдаун.

— Ап! — в очередной раз воскликнул великан, и старик пал под ударом острого камня.

Зур даже не взглянул в сторону соплеменника, как и великан, который, казалось, даже не заметил смены полуфабриката. Скорее всего, ему было безразлично, какое мясо он потребляет в пищу. Яростно скрёбя необъятную шерстяную грудь, он тут же продолжил разделку человеческой тушки. Орудуя камнем, оглядывался, и когда никто из соплеменников не смотрел в его сторону, жадно вгрызался в мягкую теплую плоть мощными зубами. Сотрудник пищеблока, словно машина, ни на секунду не останавливаясь, лишь изредка подзаряжался очередной порцией парного мяса.

«Съедят! — завопил внутренний голос. — Как пить дать, съедят!»

Анатолий в очередной раз прислушался к своему организму и раздраженно сплюнул, не ощутив никаких изменений. Сил, с момента появления в этой яме времен, не прибавилось. В голове наступила долгожданная, но в данных обстоятельствах совсем не радующая душу тишина.

«Хотел избавиться от Потёмкинских сюрпризов — получи! — вновь завопил внутренний голос. — Идиот!».

Неандерталец заторможено уставился на кучу мясопродуктов, сваленную у ног. Он размышлял, а когда он думал, то на остальные занятия у него просто не хватало сил.

Сбоку громко засопел Зур. Видимо почувствовал опасность. Анатолия мутило от вида окровавленной человечины, но он с ужасом следил за взглядом рыжего гиганта, медленно перемещавшимся в его сторону.

« Не так прост предок, — подумал Анатолий, впервые представив косматого дикаря далеким пра-пра-пра-, и еще много раз пра-, дедом. — Совсем не такой, каким представлялся когда-то давно, на уроках истории, — в будущем».

— Спокойно, дружище, прорвёмся, — пробормотал он и вздрогнул, ощутив едва уловимое дрожание мышц. В голове зашумел набирающий силу ветер. Стараясь не потерять возникшую с непонятным источником энергии связь, Анатолий сжался. Закрывая глаза, сосредоточился на вибрации, стараясь ускорить подпитку организма.

— Апп!

Удар в грудную клетку, потряс Анатолия. Он мгновенно забыл о вибрациях в теле и прыжках во времени-пространстве. Открыв глаза, молодой человек увидел темный силуэт. Дымка, затянувшая не только глаза, но и разум, постепенно развеялась, и в поле зрения беспомощного обладателя призов и грамот по восточным единоборствам появилась громадный кулак. Что-то мелькнуло в воздухе. Сжатая пятерня исчезла, сменяясь лицом маленького Зура. Преисполненный злой решимостью предок, прикрывая потомка телом, принял сокрушительный удар на себя.

Тёплый ветерок едва коснулся Анатолия, в голове заревел ураган, разгоняя кровь, застрекотало сердце.

«Наверняка можно прыгать, — решил он. — Вот только как и куда? Впрочем, какая разница? Лишь бы подальше от жуткого общепита».

Пытаясь воспроизвести ощущения, предшествующие прыжку из далекого будущего, он вдруг вспомнил глаза Зура.

«Кто же из нас более примитивен? — мысленно завопил Анатолий, устыдившись первобытного, звериного страха, сковавшего тело. — Он за меня под удар, а я бежать? Подленько оставлять малого на обеденном столе — сожрут!»

Анатолий напрягся, пытаясь остановить вибрацию, захлестнувшую организм. Необходимо успокоиться иначе мозг, невзирая на его желания, самостоятельно начнет прыжок. Сам не понимая, как у него это получилось, он всё же смог вырваться из

засасывающего водоворота. Однако энергия, успевшая затопить тело, никуда не делась. И она требовала выхода. Открыв глаза, он мгновенно оказался рядом с великаном.

Ревущий ураган рванулся к возбужденным мышцам, скрутив их в стальные канаты. Живая пружина мгновенно распрямилась, выстрелив острым кулаком в грудь рыжего предводителя неандертальцев. Удар и отвратительный хруст, последовавший за ним, мгновенно превратил лохматого людоеда в шерстяной мешок, наполненный разбитыми костями. Распластавшийся на стене рыжий комок покраснел, пропитываясь кровью.

Анатолий повернулся к Зуру, коснулся рукой маленького подрагивающего тела.

Тот широко открыл напуганные глаза, кивая в сторону выхода, громко заухал.

— Теперь пора! — согласился телохранитель, схватив дикаря за руку, потащил из пещеры.

Зур чуть прихрамывал, но старался не отставать.

Анатолий с удивлением обнаружил, что обжитая и наполненная множеством звуков пещера в мгновение ока превратилась в пустое, звенящее тишиной углубление в скале.

— Убей царя и корона твоя, — пробормотал он, сообразив, что неандертальцы кинулись врассыпную, как только пришелец расправился с их вожаком.

Скорее всего, через некоторое время они смогут преодолеть страх и вернутся. Может, даже признают его вождём по праву сильнейшего. Вот только перспектива соседства с людоедами, Анатолия нисколько не прельщала.

— Ну что, предок, пойдём домой?

— Угггр ууууу! Цццы! — волосатый человечек с сожалением посмотрел через плечо, на покинутую пещеру.

— Жалко жилище с собой не захватишь, — улыбнулся Анатолий и, не дожидаясь ответа, хлопнул спутника по спине. — А где же твои апартаменты?

Зур махнул рукой в сторону.

* * *

— Ццы! — произнёс гордый угр, разглядывая чужака.

Безобразное лицо пришельца перекосило так, что Зур с трудом преодолел желание повторить кривляния незнакомца.

Жалость, которую вождь угров испытывал, глядя на безволосое существо, заставила его совершить необдуманный поступок. Поначалу он не мог понять, зачем закрыл чужака своим

телом. Но после мгновенной схватки гололицего Торри с вожаком кровожадных уру Зур понял, что им управляла сама удача. Это она толкнула его навстречу кулаку рыжего гиганта. И именно она давала возможность уграм обрести столь искусного и сильного воина, каким без сомнения был Торри. Смелый Зур решил следовать за гололицым, куда бы тот не пошел.

Однако Торри останавливался всякий раз, как только Зур пытался пристроиться сзади. После нескольких попыток оказаться за спиной непобедимого Торри храбрый угр сообразил, что чужак не намерен никуда идти. Он замер, не решаясь пошевелиться.

«Неужели у Торри нет дома? Тогда, может, он согласиться пойти вместе со мной?» От столь фантастических перспектив у Зура пересохло во рту.

Стараясь не показывать охватившей его радости, он махнул рукой в сторону небольших холмов на горизонте и громко произнёс:

— Торри уггрр!

При этом он гулко хлопнул себя пятерней в грудь. Изобразил пальцами пылающий огонь, присел, потирая руки, обозначив соплеменников, поедающих вкусное мясо. Ему очень хотелось, чтобы Торри пошел с ним. Потому он очень старался и, конечно же, изобразил слишком большую кучу еды — такого количества у его племени не было никогда. Простив себе лукавство, Зур, громко переспросил:

— Торри уггрр хх?

Пройдя несколько шагов с вытянутой в сторону холмов рукой, маленький воин замер в ожидании.

— Пойдём, предок, посмотрим на твой дом, — бодро произнёс Анатолий, будучи уверен, что Зур добивается от него именно этого.

— Доставлю тебя к своим, а уж потом! На свободу, то бишь в будущее, домой, с чистой совестью! Хотя у нас тоже не всё малина-ягода, но там, слава богу, не едят людей.

— По крайней мере, брат Зур, в буквальном смысле слова не едят, — поправился он после небольшой паузы.

Конечно, глупо разговаривать с существом, которое тебя не понимает, но Анатолий делал это постоянно. Следуя логике, по которой маленькие дети способны обучаться языку, слушая разговоры родителей, наблюдая за их эмоциями, он пошел дальше. Решив, что и животные могут понимать человека, если тот будет постоянно говорить с ними, он замучил своего британца долгими разговорами.

Кот умно глядел на хозяина, иногда даже мяукал в ответ, но упорно продолжал пить воду из унитаза, игнорируя все уговоры

Анатолия.

Утомленный звериным упрямством хозяин долго боролся за разум питомца, но в конце концов сдался и решил прибегнуть к ускоренной форме убеждения — лупке.

После первого урока воспитуемый катастрофически поумнел. Мраморный, с оттенками персикового, негодяй, решил вернуть человека в лоно прежней убежденности в своей разумности. Услышав слово «когти», он начинал драть пирамидку, оплетенную толстой веревкой. При слове «кушать» — кидался на холодильник, при слове «спать» — вытягивался на подушке, демонстрируя чрезвычайную сообразительность.

Но как бы хозяин не старался, упрямый четвероногий, продолжал пить воду из унитаза. Только теперь он делал это в те моменты, когда занудного человека не было дома.

Анатолий улыбнулся, вспоминая своенравного питомца.

Рука Зура ударила по плечу.

— Ррых!

Маленький спутник насторожился, махнул рукой на небольшую скалу впереди.

Анатолий присмотрелся, замечая узкую щель в камне, высотой чуть больше человеческого роста.

Зур, раздувая ноздри, напрягся. На мгновенье замер и метнулся в темноту. Будучи более восприимчив к запахам, он давно почувствовал опасность.

— Да, брат, похоже, совсем недавно здесь побывали рыжие каннибалы, — произнес Анатолий, заходя в темноту пещеры.

Разгром, царивший в мрачном каменном гроте, бросался в глаза. Из глубины доносились поскуливающие звуки. Там кто-то прятался и боялся.

«Неужели все это великолепное безобразие когда-то было мебелью?» — подумал Анатолий, разглядывая разбросанные по полу крупные камни. Взгляд остановился на округлом плоском валуне, в середине которого просматривалось углубление, что-то напоминающее по форме.

Тьфу ты! Как я сразу не понял? Это же это сиденье! Или стул?

— Даже камень не выдерживает человеческого присутствия — истощается под нашими жо., - пробормотал он, но запнулся, оглядев убитых горем соплеменников Зура.

Хлопнув себя по заднице, он посмотрел на поникшего товарища. Тот перетащил опрокинутую булыгу в угол, достал из сваленных в кучу обломков один, наиболее причудливый по форме и, усевшись, застонал. Прижимая к груди закопченную чашу, он горестно раскачивался из стороны в сторону.

Взгляд дикаря скользил по влажным булыжникам, не останавливаясь на пятнах крови: они нисколько не волновали его. Он искал остатки самого ценного, что оставалось в племени и без чего сородичам не пережить долгую холодную зиму. Безжизненные почерневшие головешки — всё, что осталось от великого огненного зверя.

Зур завыл тоскливо и протяженно. Сородичи поддержали его: вопли боли и страха заполнили пещеру. Звуки заметались, ударяясь о стены, отразились от низкого потолка.

Анатолий присмотрелся к почерневшему обломку и, мысленно заглянув в учебник истории, улыбнулся. Поняв истинную причину всенародного горя, он сунул руку в карман и нащупал маленький пластмассовый цилиндрик.

— Нам бы ваши проблемы, — икнул «почти бог», доставая из кармана зажигалку.

— Да будет свет! — торжественно провозгласил он.

Раздался щелчок, и маленький язычок пламени, отразившись в десятке пар глаз, заплясал в расширенных зрачках Зура, замершего с открытым ртом.

— Уау! — воскликнул вождь радостно, ухая, забарабанил кулаками в грудь.

Облизав красным языком пересохшие губы, он испуганно уставился на Анатолия.

— И через миллионы лет этот язык будет популярен, — выдохнул родитель огня, превращаясь в брюзжащего старца.

Он лишь на секунду расслабил палец. Клацнул рычаг газового клапана. Многоголосый душераздирающий стон заполнил пещеру, заставляя Анатолия вновь создать пламя. Однако хилый огонек, поколебавшись несколько секунд, исчез.

— Газ кончился! — удрученно воскликнул Анатолий, почесал лоб и тут же раздраженно добавил: — Что такое «не везет» и как с ним бороться?

Под сводами пещеры загудел душераздирающий стон. Взглянув на своего маленького приятеля, Анатолий содрогнулся, натолкнувшись на боль и отчаяние, плескавшиеся в его глазах.

Улыбнувшись, он как можно увереннее произнёс:

— Ладно, не переживай. Разберемся!

Щелкнув зажигалкой, он удовлетворенно добавил:

— Искра есть — остальное дело техники. Как говорил дедушка Ленин, из искры возгорится пламя!

Зур, выражая беспокойство, порыкивал, прислушиваясь к словам Анатолия, но постепенно успокоился.

— Придётся вас кое-чему научить, прежде чем отправляться домой. Не оставлять же столь милых, добрых, — говоря это,

Анатолий взглянул на кучу костей, сваленную в углу пещеры, — вот я и говорю, не оставлять же вас как строку в меню тупым здоровякам. Впрочем, предки, зря переживаете! Вы и без меня победите в борьбе за выживание. Уж я-то точно знаю!

* * *

— А знаете ли вы, — выдохнул Анатолий, устраиваясь на ближайшем от входа валуне, — что превосходство в силе можно компенсировать? Оружием, например.

Очередная бесконечная ночь наконец-то закончилась. Считавший себя сторонником спартанского образа жизни, профессиональный хранитель чужих тел с некоторых пор испытывал большие сомнения относительно подготовленности собственного к суровым будням каменного века.

«Однако жаловаться грех, — подумал Анатолий, вспоминая проблемы, возникшие в первый вечер его пребывания в древнем мире. — Всё могло быть гораздо хуже, не добудь мы огонь из умирающей зажигалки».

Буквально последней искрой, наполовину цивилизованным, наполовину дикарским способом, ему всё-таки удалось запалить согревающий пещеру костёр.

«Понятно, откуда у человека такое безудержное стремление к комфортной жизни, — Анатолий оглядел прижимающиеся друг к другу тела. — Хотя предкам гораздо проще: меховое пальтишко всегда при них».

Угры, усаживаясь шумно, как курицы на жердочке, рядком на небольшом каменном выступе, замерли, прислушиваясь к незнакомым звукам.

Анатолий громко расхохотался, представляя внимающую компанию без шерстяного одеяния. Отдышавшись, решил заняться делом. Притащив загодя приготовленное дерево, он приступил к изготовлению самого необходимого для выживания атрибута каменного века — оружия.

Содрав с длинной прямой ветки размякшую кору, он тщательно обработал деревянную поверхность огнём. Затем отшлифовал палку песком и мелкими камешками.

Зур периодически охал, приближаясь для того, чтобы потрогать гладкое древко. Громко и радостно рычал.

Чувствуя на себя пристальный взгляд десятка угров, Анатолий представлял себя фокусником, погрузившим руку в шляпу.

«Как бы не получилось так, что иллюзионист опростоволосился и не сумел найти кролика! Чёрт! Может, пока не поздно, перепрофилироваться в производителя метёлок? Куда как проще!»

Наконечник для копья он нашел накануне. Вот только

придумать, как закрепить этот заостренный длинный камень на древке, он никак не мог.

— Впрочем, метла тоже не помешала бы, — успокоил себя Анатолий. — Мусора в пещере, как на помойке. Пол завален — земли не видать.

Прижимая камень к длинной палке, он огляделся. Взгляд, блуждавший по полу пещеры, опускаясь, уперся в кроссовки. Анатолий пожал плечами.

Шнурки проблему не решат: ему не нужен показательный образец. Только серийное производство. Материалы для изготовления должны быть доступны в большом количестве.

Кстати! Нужно будет разработать систему изготовления наконечников, а не полагаться на поиски подходящих камней. Пока ему просто повезло, что плоский обломок валялся на пороге пещеры. И кто знает, сколько продлятся поиски второго?

— Прекрати нудить, — остановил себя Анатолий. — Сейчас важно принципиальное решение проблемы, а вопросы снабжения оставь предкам.

Похвалив себя за ясность мысли, изобретатель и рационализатор на секунду ощутил под собой кресло директора завода по производству «современных» копий с каменными наконечниками. Или?

«Тьфу ты! Или метёлок!»

Улыбаясь, Анатолий побродил по пещере.

Не найдя связующего материала, он решил привлечь к поиску лохматых зрителей, пожертвовав для установления диалога шелковыми шнурками. Молодой человек пальцем поманил одного из ребятишек. Универсальный для всех времен и народов жест поднял мальчишку с каменного насеста. Испуганно оглядываясь, он приблизился к Анатолию.

Тот подал пареньку блестящую лапшу, изображая усилие, намотал на край будущего копья.

Успешно начавшееся общение застопорилось, провалившись в болото непроходимых для первобытного слушателя терминов. Большую часть слов начинающий сурдопереводчик произносил вслух, не переставая при этом яростно жестикулировать.

Пацан упорно не желал понимать «громкую» пантомиму горе-толмача. Когда тот перестал верить, что из его идеи хоть что-то получится, у пещеры появился завывающий от боли сородич Зура.

Перешагнув порог каменного грота, воин повалился на землю. Одной рукой он сжимал окровавленный живот, пытаясь сдержать расползающиеся рваные края гигантской раны, другой — заталкивал успевшие вывалиться наружу скользкие внутренности. Извиваясь, словно змея, раненый дополз до стены,

где, привалившись затылком к камню, обессилено замер.

Анатолий, вскидывая сжатые кулаки, заскрипел зубами.

— Опять людоеды? — зарычал он.

Воздух вокруг неожиданно загустел, подрагивая, поплыл горячим маревом к каменным стенам. Бурые от грязи и копоти валуны дрогнули под напором силы, сжимающей пространство. В голове, мгновенно набирая силу, загудел «трансформатор». Тело зазвенело натянутой струной, напряглось в ожидании прыжка.

— Всем оставаться на местах! — сквозь зубы пробормотал молодой человек.

Делая глубокий вдох и выдыхая полной грудью, он прикрыл глаза, стараясь расслабиться.

— Еще не время!

Сеанс медитации не принёс никаких результатов. Низкий гул, заполняя череп, превратился в оглушительный рев. Сознание на секунду померкло.

Выныривая из небытия, Анатолий впился острыми ногтями в горячую ладонь. Разум отказывался верить тому, что видели глаза.

Пол и стены пещеры, извиваясь словно живые, протянули жуткие щупальца, стараясь затянуть его в темнеющую на стене воронку. Каменный мешок стягивался в яркий жгут, исчезающий в удлиняющемся жерле. Вселенский пылесос тянул сжавшегося от напряжения непокорного человека.

— Ну же! — в бессилии орал он, разрывая острыми ногтями ладонь. — Просыпайся!

Усыпанный объедками пол прыгал перед глазами. Он то сжимался в точку, то разбухал до невероятных размеров. Вот только мусор почему-то оставался на месте.

«Как там говорил Потёмкин? — зашевелил отяжелевшими извилинами Анатолий. — Образы, создаваемые мозгом, для визуализации неизвестных сознанию явлений. Чтобы не сойти с ума! Вот!»

Железные тиски, сжимающие голову, едва ощутимо ослабли, боль отпустила.

— Ха! — Анатолий, сжатый в точку, вдруг взорвался, вспыхнув безудержной яростью.

Разъяренный титан рванул на себя ставшие видимыми силовые линии, соединяющие его с пожирающей пространство и время воронкой. Та вздрогнула, внимательно посмотрела на сопротивляющегося «котёнка» и… отпустила безумное упрямое существо.

— Ррыгх! — раздалось над головой телохранителя, и плеча коснулась тёплая рука.

Открыв глаза и с трудом концентрируя внимание на окружающих предметах, Анатолий обнаружил стоящего перед собой Зура.

Чем-то он сейчас напоминал испуганного зверька: шерсть дыбом, глаза выпучены, тело трясётся.

«Чувствует предок силы природы, — мелькнуло в голове. — Молодец — не убежал!»

Анатолий дружески похлопал подрагивающего вождя по плечу. Тот вытянул вперед окровавленные руки, демонстрируя их содержимое.

— Кого-то съели, а кишками гостя потчуете? — пошутил Анатолий. Однако, присмотревшись к бурой мякоти, мгновенно посерьезнел, а когда не обнаружил раненого угра, испугался.

— Где угр? — громко закричал он, сжимая руками живот, изобразил маленького бедолагу.

Зур быстро сообразил, что от него требуется, сунув кровавую массу в рот, он слегка помял её за щекой и, кивнув в сторону выхода из пещеры, пригласил Анатолия следовать за собой.

— Торри уггрр, — прошипел дикарь, не переставая жевать.

Играющие роль жвачки то ли жилы, то ли кишки, периодически выскальзывали изо его рта, вызывая у Анатолия рвотные позывы.

«Неужели? — взвыл внутренний голос. — Неужели и они поедают друг друга?»

Выйдя из пещеры, они тут же наткнулись на двух стариков.

На первый взгляд могло показаться, что сгорбленные существа с выцветшей от времени шерстью скорбят над телом погибшего. Однако хрустящие звуки и довольное урчание, сопровождающие поминки по усопшему, мало соответствовали трагичности момента.

Анатолий, плюнув в сторону «пировавших на костях» стариков, бросился прочь. Пушистый котёнок в душе превратился в разъяренного барса, рвущегося наружу. Зверь требовал жертв, и Анатолий испугался, что ими могут оказаться несчастные, измученные голодом старики. Ни в чём не повинные, живущие по законам своего мира и своего времени.

За те несколько дней, что Анатолий провел в племени, он ни разу не встретил очень старых людей, кроме этих двоих, но и их он видел впервые и только за пределами пещеры.

Может быть, они находились на особом положении и старались не мешать соплеменникам своим присутствием? Скорее всего, их просто не было: не доживали до преклонного возраста. Ну а те, кому не повезло, кто всё-таки дотянул до старости, влачили жалкое существование вне племенной

продовольственной корзины. Одряхлев, они превратились в бесполезный для племени груз.

— Везде одно и то же! — возмутился Анатолий. — Так не пойдёт! Старость нужно уважать.

Где-то глубоко в душе засвербило. Зашевелился червячок сомнения.

«Не вмешивайся! — прошептал внутренний голос. — Нельзя кроить историю по своему усмотрению».

Однако Анатолий не обратил внимания на тревожные мысли и твёрдо решил изменить установившееся в племени положение дел.

Но вначале нужно обеспечить племя пропитанием, иначе придётся туго не только старикам, но и воинам.

Вернувшись в пещеру, возмущенный борец за социальную справедливость хотел продолжить прерванную работу, но ему помешал Зур.

Вождь долго размахивал руками, изображая одному ему понятные действия и предметы, сопел, закатывал глаза, прыгал на месте. Неизвестно сколько бы продолжалась нескончаемая пантомима, если бы утомленный Анатолий не остановил «разговорчивого» предка.

— Нужна верёвка, — заявил он, обматывая наконечник воображаемым жгутом. — ВЕ-РЁВ-КА!

— Ггы! — выдохнул довольный Зур.

Покрытые грязью волосатые пальцы полезли в рот, раздвигая губы, длинное серое сухожилие появилось на свет. Очищенная от крови жила не вызывала отвращения, вот только мысль о её бывшем владельце никак не выходила из головы Анатолия.

«Не специально же его убили!»

Повернувшись, вождь указал пальцем на паренька, который, спрятавшись в дальнем углу пещеры, внимательно следил за руками Анатолия.

— Откуда это, интересно? — поинтересовался Анатолий, принимая от древнего гоминида очищенные жилы.

Зур кивнул головой, словно понимал, о чём идет речь.

Наклонившись, он ткнул указательным пальцем себе чуть выше голени. Пощелкав зубами, скривился, подтвердив худшие предположения Анатолия.

— Да понял я! — воскликнул тот, вогнав плоский наконечник в расщепленный конец древка.

Высовывая подрагивающий кончик языка, он вспотел, управляясь с выскальзывающими из рук жилами, несмотря на то, что в пещере было достаточно холодно.

Зур закончил кривляния и больше не клацал зубами.

— Ты прямо как ведущие наших новостных программ, — заметил Анатолий. — Со смакованием подробностей, чтобы побольше жути нагнать.

Жила, оплетая древко, намертво закрепила наконечник.

— Ну, вот и все! — торжественно воскликнул Анатолий, поднимая готовое оружие к потолку. — Вы, наверное, ещё не в курсе, но человек — царь природы!

Из темноты выступил лохматый малыш. Глянув на Анатолия, протянул ему деревянное копьё.

Оружейных дел мастер прикусил язык, принимая оружие из рук маленького воина.

«Неужели зря старался?» — подумал он, понимая, что лавры первого оружейника на планете быстро увядают и вот-вот осыпятся жухлой листвой.

Мальчишка, широко открыв глаза, смотрел на Анатолия. Тот потрогал заточенную деревянную палку. Улыбнувшись юному кроманьонцу, резко метнул ее в стену. Раздался удар, сопровождающийся сухим треском: копьё сломалось.

Анатолий, подхватив свое, запустил следом. Наконечник врезался в камень стены, брызнув ярким снопом искр.

— Уууу! — загудело под невысокие своды.

Малявка, добежав до стены, схватил оба копья и, выйдя в центр пещеры, продемонстрировал соплеменникам остатки метательных снарядов.

Анатолий ожидал бурной реакции со стороны гоминидов, но племя спокойно взирало на предводителя, а Зур с удивлением таращился на каменный наконечник.

Вначале Анатолий решил, что товарища заинтересовала прочность копья, но когда тот метнул оружие в стену, понял, что Зура интересует нечто другое.

Пика, выдержав удар, пробила известняк и глубоко вошла в стену. Однако это нисколько не обрадовало угра. Недовольно зарычав, он вырвал копье и непонимающе уставился на оплетенный жилами наконечник.

Он касался его подушками пальцев, прижимал к щеке, гладил. Затем, не отрывая взгляда от Анатолия, ткнул в каменную пластину, кивнув куда-то вниз, стал быстро сжимать и разжимать вытянутый перед собой большой палец.

— Интересно, чего тебе надобно, старче? — улыбнулся Анатолий.

Зур с мольбой во взгляде смотрел на карман приютивший мертвую зажигалку.

— Искры почему нет? Понятно, — пробормотал Анатолий, подмигивая расстроенному предку. — Хочешь костерок запалить?

Сообразил же!

Словно подслушав мысли Анатолия, тот вновь ткнул согнутым пальцем в каменный наконечник и громко отрывисто зашипел:

— Шшчч!

Анатолий громко захлопал в ладоши, чертыхаясь про себя:

«Чёрт! Отчего же в наше время так много идиотов, ежели древние такие сообразительные были?»

— Будет тебе огонь! — вслух произнёс он.

Добыча огня оказалась занятием непростым. Камни, в большом количестве разбросанные по полу, либо рассыпались от удара, либо дробили поверхность стены.

Оказалось, что приличная искра появляется только при ударе наконечника, и только в крошечный пятачок на стене. Видимо, в этом месте скала содержала кремний. Причем площадь кремнийсодержащего пятна была настолько мала, что непонятно, каким образом Анатолий с первого раза сумел в него попасть.

«Стечение обстоятельств, — шепнул внутренний голос. — Перст судьбы, рука всевышнего!»

Мысль мелькнула, пугая Анатолия, ощутившего в своей голове чужое присутствие.

— Этого еще не хватало, — тихо прошептал он. — С ума схожу!

«Ты кто?» — встряхнув головой, «громко» подумал он.

«Кто, кто….о!» — отозвалось в голове, хотя Анатолию вначале показалось, что голос звучит под сводами пещеры.

На несколько минут усомнившийся в здравости своего рассудка Анатолий замолчал, безуспешно стараясь при этом ни о чём не думать.

«Труд сделал из обезьяны человека! Он же поможет ему бороться с безумием!» — привычный оптимизм мгновенно прогнал из головы испуганные мысли. Успокаиваясь, Анатолий решил изготовить «современное» подобие зажигалки.

Около часа ушло на поиск подходящих камней, ещё столько же на изготовление приличного кресала. Наконец, к безумной радости обитателей пещеры, жирная искра, упав на пучок сухой травы, превратилась в небольшой язычок пламени. Подкармливая его, соплеменники Зура развели костёр.

Сам же вождь перешел к следующему пучку травы, затем к еще одному. До конца дня Анатолий слушал стук кресала и восторженные крики, от которых на душе становилось радостно и спокойно.

К вечеру, когда он, изрядно уставший, прилёг у костра, за спиной раздался шорох. Маленький лохматый человечек, сжимая

в руке осколок камня, молча смотрел на него.

«Видимо, остаток кресала», — подумал Анатолий, кивая в знак благодарности, махнул рукой.

— Спать иди, — складывая руки в лодочку у щеки, и, наклоняя голову, повторил:

— Спать!

Малыш не уходил, тыча в нос каменным осколком, жестами призывая куда-то в глубь пещеры.

— Ладно, пойдём, поглядим, что ты там отыскал, — Анатолий зевая на ходу, последовал за мальчишкой.

Тот быстро пересек пещеру и ткнул пальцем в угол. Пламеня костра едва освещало пещеру, и Анатолий с трудом различил старые угли, а под ними мокрый растрескавшийся камень, напоминающий крупный бутерброд. Он осторожно потянул за одну из каменных щепок и в руках оказался идеальный наконечник.

— Ну конечно же, как я сразу не догадался? — воскликнул Анатолий. — Перепад температур даже камень ломает. Вот вам и технология: из костра в снег.

Спать расхотелось. Анатолий устроился в углу, раскладывая перед собой плоские заготовки для будущих орудий охоты. Или убийства?

«Что же еще можно соорудить из местных материалов?» — задумался он, вспоминая уроки труда и первую трудовую пятёрку за удачно изготовленный бумеранг.

Подцепив пальцами острый осколок, он, глянув на маленького кроманьонца, заметил внимательный взгляд черных глаз. Черкнув по закопчённой стене камнем и получив яркую светлую полосу на чёрном фоне (видимо стена состояла из известняка), Анатолий улыбнулся. Когда-то в детстве у него неплохо получалось рисовать человеческие лица и смешные мордочки животных. Он посылал работы на выставки, занимал почётные места, но рисование не радовало его — не грело душу.

Вот и сейчас он как бы невзначай, быстрыми росчерками острого камня изобразил лицо маленького дикаря. Нарисовал по памяти и безрадостно посмотрел на получившийся портрет. Мгновенье спустя слегка подправил и повернулся, чтобы сравнить с оригиналом, но не увидел маленького наблюдателя. Того словно ветром сдуло.

Не прошло и минуты, как всё население пещеры собралось вокруг явленного миру художественного произведения — радостно урча, довольно гыкая, недоуменно почесывая лохматые макушки.

— Вынужден признать, что публика отнеслась к творчеству

художника неоднозначно, — засмеялся Анатолий.

— Однако поклонники уже есть! — добавил польщенный портретист, протягивая каменный карандаш своему рекламному агенту, созвавшему всё племя на презентацию первой в истории человечества картины.

Малыш, схватив подарок, прижал к груди и как-то незаметно растворился в редеющей толпе.

Через несколько минут пещера засопела, похрапывая и постанывая.

Засыпая, Анатолий отчего-то вспомнил возмущенную соседку, каждое утро проклинающую создателей подъездных шедевров. Дородная женщина ежедневно, шумно дыша, пыталась оттереть разрисованные стены, грозя неизвестному художнику скорой расправой.

Анатолий улыбнулся, с трудом сдерживая отяжелевшие веки.

— Теперь-то я знаю, кто придумал «эти художества» и кому за них «еще в детстве нужно было руки оторвать».

Веки упали. Соседка строго посмотрела на маленького Тольку и, погрозив пальцем, приказала:

— Отбой!

* * *

— Подъём! — Резкий крик, способный поднять на ноги роту солдат, стегнул по ушам, напугал просыпающийся мозг.

— Ты чего? — выдавил профессор, возмущенно хлопая ресницами.

— В лабораторию пора, — оправдался Илья. — Вы же сами яйцеголовым говорили, что подойдете к десяти!

Профессор протянул руку глазам, непонимающе уставился на пустое запястье.

— Я что? Восемнадцать часов проспал? — удивленно протянул он, поворачиваясь к часам, прикрывающим грязное пятно на стене.

— Восемнадцать с половиной, — поправил поигрывающий мышцами Ванькин.

Медведев невольно засмотрелся телесными метаморфозами разминающегося атлета. Напряженные квадраты, неожиданно сдуваясь, превращали живот в подобие бабушкиной стиральной доски. Длинные расслабленные плети, сбиваясь в кучу, вздымались в самых неожиданных местах большими угловатыми холмами, способными повергнуть в шок неподготовленного зрителя.

— Полчаса на сборы, — выдохнул профессор, выпрыгивая из тёплой постели.

Пробуждающийся от зимней спячки зверь потянулся, голодным взглядом осмотрел комнату и неожиданно выстрелил сжатым кулаком в живот здоровяка. Кулак остановился в нескольких сантиметрах от вспухшей брусчатки пресса.

— Железобетон! — произнёс Илья с гордостью. Атлет не заметил озадаченного взгляда профессора. Ему показалось, что тот просто зафиксировал кулак в нескольких сантиметрах от его тела.

Медведев же не мог понять, что за сила мешает его руке двигаться дальше. Воздух, сгущаясь, закаменел, превратился в непреодолимую преграду, на пути угрожающего «снаряда», который остановился совсем не по воле хозяина, как подумал Ванькин. Он просто уперся в упругую воздушную подушку.

— Я в душ. Выходим через полчаса, — буркнул Медведев, сделав зарубку в памяти и обещая, как только появиться время, вернуться к ней. — Будь готов!

— Да понял я! — буркнул Ванькин, продолжая мучить своё тело.

Ровно через полчаса пожилой «Фольксваген Пассат», отчалив от профессорского подъезда, двинулся в направлении лаборатории. Еще через полчаса «Пассат» притормозил недалеко от «Медвежьей норы», с радостью освобождаясь от человеческого груза. Дальше машина проехать не могла: гололед затянул окрестные дороги стеклянной коркой.

— Может, попробуем зарулить во двор? — предложил Ванькин, балансируя руками, чтобы не растянуться. Кивнул в сторону знакомого здания.

— Нам бы пешком дойти, — захлопывая дверцу потрёпанной иномарки, профессор с трудом удержался на ногах.

Дорога за спиной резко уходила вниз. Верный «Пассат» итак забрался необычайно высоко в гору — слишком высоко для старого драндулета.

— Ну уж нет! — произнёс Медведев, и в этот момент взгляд его уперся в странную, совершенно неуместную для проезжей части парочку, скользящую по соседней полосе.

— Что это?

С ледяной горки медленно катились дети: маленький мальчик в ядовито-желтом пуховике и девочка постарше, замотанная в большой оранжевый платок. Детишки, держась друг за друга, весело смеялись. Радостно взвизгивая на ледовых кочках, они не замечали опасности, следующей по пятам.

Профессор содрогнулся. Старый жигуленок, яростно вращая

колесами в безуспешных попытках остановиться, скользил, постепенно нагоняя детей. Еще минута — и металлическое чудище настигнет шумную мелюзгу.

— Нее… — следом за автомобилем на проезжую часть выкатилась вопящая от ужаса мамаша. — Нет!

Пробежав несколько метров, женщина ойкнула, неожиданно завалившись набок, и продолжила преследование жигулёнка теперь уже молча и лежа.

Профессор смотрел, как неподвижное тело, раскинув руки, медленно катилось вниз, замыкая жуткую процессию.

Сквозь лобовое стекло виднелось полное бледное лицо водителя. Он видел детишек, вжимая педаль тормоза в пол, что-то кричал, но неуправляемый автомобиль продолжал набирать скорость.

Понимая, что наезд неизбежен, шофер бросил руль и, выскочив из машины, попытался остановить четырехколесного монстра, упираясь ногами в обледенелую дорогу. Его попытки ничего не дали.

Профессор метнулся к страшной кавалькаде, но его обогнал размазанный в воздухе силуэт. Это был Ванькин. Ещё мгновенье назад он шел за профессором, но теперь внезапно возник перед машиной.

Мгновенно оценив ситуацию, материализовавшийся из воздуха «былинный герой», казалось, врос в землю.

Вцепившись в хлипкий бампер жигулёнка, Ванькин рванул колымагу вверх. Ржавое железо не выдержало, порвалось, словно бумага, оголив заостренные края.

Илья, не задумываясь, ткнул рваным железом в ледяную корку. Удар был такой силы, что бампер, взломав корочку льда, вошел в асфальт, согнувшись в его руках. Тяжелая машина упёрлась в вибрирующий якорь и замерла.

Медведев догнал визжащих от удовольствия детишек. Теряя контроль над телом, выкатился на проезжую часть, едва успевая подхватить возмущенную ребятню на руки.

Попав на скользкую дорогу, он с трудом держался на ногах. Прижимая драгоценный груз к груди, выскочил на обочину и благополучно приземлился в большущий сугроб. Теперь можно было расслабиться.

Мужчина испуганным взглядом посмотрел на металлический обломок в руках Ванькина. Заохал, очевидно высчитывая стоимость ремонта полусгнившей развалюхи.

— Ты какого черта?.. — заорал Ванькин.

— С твоей резиной да в такую погоду дома сидеть нужно!

Водитель, испугано стреляя глазами по сторонам, постепенно

приходил в себя.

— Да. Её выбросить нужно, — пробормотал он, кивая в сторону развороченной машины. — Согласен! Чуть грех на душу не взял.

Осмотрев Ванькина с ног до головы, уважительно кашлянул:

— Здоров ты, брат, однако.

Взгляд его, медленно опускаясь, коснулся поверхности дороги. Тяжело хлопнувшие ресницы тут же испуганно взлетели вверх. Но лишь на мгновенье.

Атлет, бросив импровизированный якорь, отстранился от машины. Изувеченный бампер скрипнул, качнувшись, но машина не сдвинулась с места.

Мужчина застыл с широко открытым ртом. Упираясь взглядом расширенных глаз в дымившуюся под ногами Ильи землю, он что-то шептал.

Два тёмных оплавившихся следа уходя гигантскими ступнями под корку расплавленного асфальта, парили во льду.

— Деточки мои! — взвыла очнувшаяся родительница.

Выскочив из-под машины, куда привел ее ледовый слалом, женщина кинулась к рвущимся на свободу чадам.

Недовольная детвора громко ревела.

Медведев разжал руки, отпуская детей, схватив раскрасневшегося Илью под локоть, и быстро потащил за собой.

— Пойдем отсюда, — торопил он, застывшего богатыря. — И побыстрее!

Герой, однако, не спешил. Развернувшись к суетящейся, взмахивающей руками мамаше, он разъяренно прошипел:

— За детьми смотри, курица!

— Вы видели? — заохал голос водителя за спиной.

Ванькин успокоился, и сообразив, что нужно срочно ретироваться, поспешил за профессором.

— Нет, вы видели?! Это же инопланетяне! Мы должны их задержать!

— Вот и делай добро после этого, — буркнул Илья. — Может шугануть его немножко?

Ускоряя шаг, профессор махнул рукой:

— Оставь!

Однако Илья всё-таки не выдержал, обернулся к спешащему следом мужчине.

Ловец пришельцев замер, словно налетев на каменную стену. Испуганно отпрянул. Стараясь не коснуться Ванькина, упал на четвереньки.

— Уйди с глаз моих! — прошипел Илья. — Увижу ещё раз, ранизирую.

Немолодой водитель, взвизгнув, кинулся прочь. Он конечно не знал, что означает страшное слово (как не знал этого и сам Ванькин), но поспешил убраться.

— Ранизируешь, говоришь? — засмеялся Медведев, провожая взглядом убегающего толстяка.

— Думаете, поверил?

— Судя по скорости — да, — согласился Медведев.

— Профессор, вот вы как думаете? Почему у меня с ногами это происходит? — спросил Илья.

— Может, потому, что в башке пусто? Вон у пацанов: один мысли читает, другой предметами управляет, да и управляет-то как удачно. Эх! — Ванькин тяжело вздохнул, расстроенно махнув рукой. — Один я бестолково в землю проваливаюсь.

Медведев кивнул в сторону.

— Не было бы толку — где бы были эти детишки? — спросил он.

Илья громко хмыкнул, двинул себя кулаком в грудь.

— Вы думаете, я без этой гадости жигулёнок не остановлю? — завопил возмущенный атлет. — Да как нечего делать!

— Если бы не так скользко было, то уж точно бы справился, — спокойнее произнёс Илья.

Однако нотка сомнения в голосе все же промелькнула.

— Вот и я говорю: если бы у бабушки был пистолет, кем бы она была?

Профессор замолчал, глубоко задумавшись.

Перед глазами вновь и вновь появлялся размазанный в воздухе силуэт Ванькина, Потёмкина и снова Ванькина.

Если это эпидемия, то какой будет следующая стадия болезни? Если рывок в эволюции, то насколько человечество к нему готово? Такие изменения — опасны! Если ребенку дать пистолет, он рано или поздно кого-то пристрелит.

Размышления профессора прервал громкий голос Ильи.

— Ну и кем бы она была? — поинтересовался тот, тормоша погруженного в себя Медведева.

— Кто была? — не понял профессор.

— Кем была бы бабка, у которой был пистолет? — продолжал допытываться Ванькин.

Профессор затряс головой, не в силах сконцентрироваться.

— Кем — кем! — раздраженно пробормотал он. — Бабкой с пистолетом! Кем ещё?

— Не понял! — удивленно выдохнул Илья.

— Вот и я не понимаю, зачем бабке пистолет? — задумчиво протянул профессор, отворачиваясь.

Илья смущенно махнул рукой в сторону знакомого здания.

— Ваша берлога, — буркнул он и шумно засопел.

* * *

— Не сопи!

На смену громкому сапу пришло робкое, но настойчивое подергивание рукава.

Сжавшись на холодном полу, Анатолий тяжело вздохнул, раздраженно дернул плечом.

— Отстань, Лох!

Рыкнул и тут же пожалел испуганного мальчишку.

Незаконченное слово мгновенно превратилось в кличку для шерстяного человечка.

— Лохмач — Лох! Как тебе? — спросил Анатолий, вскакивая с земляного пола.

— Ты ведь никогда не узнаешь современного смысла этого слова, — прошептал он, клацая зубами и с трудом разгибая спину.

— Не бойся, дядя добрый! Если конечно, у него ничего не болит! Ой-е-е!

— Торри! — произнёс мальчонка, хватая стонущего Анатолия за рукав.

— Лёха! — радостно воскликнул тот, примеряя имя к юному гоминиду.

— Рисовать хочешь?

Прогулки к закопченному «мольберту» уже превратились в каждодневный ритуал, как утренняя зарядка или разминочный танец.

— Ух ты! — выдохнул отец современной живописи, приближаясь к «художественной галерее».

На чёрном каменном холсте рядом со своими рисунками Анатолий обнаружил изображение непонятного существа. Поначалу он принял странное животное за корову. Четыре спички — ноги, поддерживающие неровный овал тела. Круглая рогатая голова.

«Точно корова! Вот только почему у нее на спине два больших горба? Может, они верблюда с коровой скрестили?» — подумал он и рассмеялся.

Лёха сжался, но не убежал. Испуганно посматривая на сотрясающегося Анатолия, скривился и… выпятив и без того выдающуюся челюсть, громко загукал.

Насмеявшись вдоволь, коллеги по цеху, приступили к

обсуждению «вечного и нетленного» — а именно искусства.

Найдя на полу холодный уголёк, рядом с древним горбатым животным Анатолий нарисовал свой вариант бурёнки. Раскрывая секреты творчества, он жестами объяснял мальчишке, как рисовать черным на белой известковой стене. Изображая бурёнку, он по старой детской привычке напевал незамысловатые мелодии.

Лёха довольно ухал, наблюдая за творческим процессом и, казалось, понимал.

Закончив выводить контур животного, Анатолий отошёл от стены и, взглянув на свои художества со стороны, недовольно кашлянул.

— Кхмм!

Скривившись, он повернулся к абсолютно счастливому мальцу. Тот махнул рукой и неожиданно подмигнул — точнее, хлопнул обоими глазами.

Анатолий зачерпнул из углубления в стене желтую глину, понюхав, сморщился и осторожными мазками закрасил черно-белое парнокопытное. Вновь отошёл в сторонку и громко, но уже одобрительно, хмыкнул: получилось очень даже неплохо. Покопавшись в карманах, он разыскал маленький фломастер, и тут же подсинил глаза нарисованного животного.

Кривоногий жилистый зритель, вытянув короткую шею, приблизился к пасущейся на стене корове. Расширил ноздри и резко втянул воздух. В глазах паренька промелькнула искра удивления и тут же взорвалась брызгами восторга.

— Гымм! — воскликнул дикарчёнок, пытаясь воспроизвести глубокомысленное «кхмм» Анатолия.

Зачарованный взгляд уперся в пластмассовый стерженёк, грязная рука потянулась к фломастеру. Лёха закатывая глаза, едва слышно заскулил.

— Велика сила искусства, — улыбнулся Анатолий, принюхиваясь.

В мире, не загаженном выхлопными газами, любой запах ощущался сильнее, а запах одеколона, которым он залил фломастер, наверняка остановил бы мамонта, встреться последний на его пути.

— Держи, друг! — Анатолий вложил благоухающий стержень в горячую детскую ладошку.

Превратившись в маленького испуганного краба, рука с добычей кинулась за спину сияющего от счастья человечка.

Увлеченный анималист не заметил, как к нему приблизился возбужденный Зур.

Шумно размахивал руками, он пытаясь что-то объяснить.

Призывное гуканье вождя, сдобренное громким рычанием, взбудоражило всё племя.

Пещера вздрогнула, зашуршала. Племя забегало, к чему-то подготавливаясь.

Анатолий был единственным, кто не разобрав ни слова из шумной пантомимы, остался на месте. И лишь когда исчезавший на минутку Лёха появился с копьём в руках, он понял истинную причину переполоха.

— Враг у ворот. Труба зовёт! — прошептал он, доставая из-за пояса большой костяной снаряд.

Продукт бессонных ночей — острый бумеранг — удобно лёг в руку.

«Все, с меня хватит. Больше я им ничего не смогу дать. Как только битва закончиться — двину домой», — пообещал Анатолий, всматриваясь в горизонт, где медленно двигались малюсенькие, как фигурки в тире, человечки.

Микроскопические солдатики, приближаясь, превратились в карликовых обезьянок с палками в руках. А затем в гигантских озлобленных неандертальцев, с тяжелыми дубинами на могучих плечах.

* * *

— Дикари, — скрипнув зубами, прорычал профессор.

Обходя перевернутые столы, спотыкаясь о поломанные стулья и разбитые мониторы, пробрался к центру бывшего вычислительного зала, и только тут остановился. Взирая на результаты варварского нашествия, воскликнул:

— Ну скажи, Илья, разве я не прав?

Здоровяк съёжился, вздыхая. Виновато пряча взгляд, отвернулся.

— Я поброжу? — спросил он, кивая на дверь каморки, в которой во время захвата прятался Потёмкин.

Видно было, что он просто хочет исчезнуть с глаз долой.

— Иди, — буркнул профессор, осматриваясь.

И тут же удивленно вскинул брови: несколько сдвинутых к стене столов, с мониторами и клавиатурами, производили впечатление обжитого рабочего пространства. Вспоминая день, когда лаборатория перестала существовать, нахмурился: решая свои проблемы, он совсем забыл о подчинённых.

Словно подслушав его мысли, скрипнула дверь.

На пороге появился смущенный Иван Пугачёв. За его спиной кто-то громко кашлянул.

— Не стойте за дверью, как сироты казанские. Заходите, коли пришли, — выдавил Медведев, с трудом сдерживая волнение.

В лабораторию протиснулся розовощёкий Семен Михайлов — серьёзный полноватый молодой человек в строгом чёрном костюме. Вытащив из портфеля абсолютно несерьёзный ярко-желтый ноутбук, главный аналитик без слов расположился за одним из пустующих столов.

— Интер нэт? — врываясь вслед за товарищем, поинтересовался Саша Мелехов.

Подняв валявшийся на полу кабель, поднёс к глазам и хитро, в прищур, вглядываясь в пластиковый разъём, удивился:

— Интер есть!

Семён вырвал серую кишку из рук худощавого шутника и уверенным движением, почти не глядя, воткнул в бок своего «Ламборджини».

— И вправду есть! — удивленно прошептал он.

— С некоторых пор я вижу байты, шуршащие по кабелям, — заявил Мелехов, стараясь оставаться серьёзным.

Профессор испуганно посмотрел на молодого человека.

«Неужели и этот?» — мелькнула испуганная мысль, но, как только Медведев заглянул в смеющиеся глаза Александра, исчезла.

— Ха! Это не он байты в сети видит, это я его здесь каждый день вижу! Ходит в пустую лабораторию, как на работу, — засмеялся Ванидзе, бесшумно появляясь за спиной Мелехова.

Александр неожиданно и непривычно посерьезнел.

— Да, на работу! — вызывающе заявил он. — Меня никто не увольнял, потому и хожу. — Многие ходят.

— Остальные ждут, — добавил Алик, смущенно глядя на Медведева.

— Мы уже думали, что вы совсем не появитесь, но вчера зашел полковник. Не помню, как его зовут? — задумавшийся Ванидзе прижал кулак ко лбу.

— Нуу… тот, что притащил с собой тупого здоровяка — Ванькина, кажется, — пробормотал молодой человек, и вдруг, побледнев, икнул.

Он мотал головой, не переставая хлопать растерянными глазами, а из дверей соседней комнаты, словно корабль из гавани, выплывал громадный Ванькин.

Нелестная характеристика Ванидзе нашла адресата. Миролюбивый парусник мгновенно превратился в готовый к бою ракетоносец.

— Илья! — громко представился человек-корабль. — Охраняю вашего босса.

Кивнув смущенному программисту, Ванькин тихо, чтобы никто не слышал, прошипел:

— И только поэтому я ещё не сломал тебе шею.

— Он со мной! — успокоил Медведев разволновавшихся сотрудников и, когда гул в комнате стих, спросил:

— Надеюсь, полковник Коваль объяснил цель своего визита?

— Вначале он что-то плёл о заблудших душах и оставшихся без пастуха овцах, — ответил Семён, отрываясь от экрана ноутбука. — Затем на мгновенье пришел в себя и заявил, что вы с друзьями появитесь сегодня. Попросил всех нас собраться в лаборатории. После чего вновь погрузился в какой-то мистический транс: грозил кому-то пальчиком, пугал вторым пришествием мессии, вспоминал какого-то Емельяна.

— Странно, — задумчиво пробормотал Медведев. — Откуда он узнал, что мы будем здесь?

— Профессор мы тут…вот, — словно боясь неодобрения со стороны профессора, прошептал Семён, протягивая мятые листы, покрытые плотной сетью математических символов и электрических схем, — пока вас не было… Интересное устройство придумали.

В лабораторию шумно ввалились Жора с Бейрутом, мгновенно заполнив собой все пространство «Медвежьей берлоги».

Проходя мимо Семёна, Бейрут вырывал из его руки мятые бумажки. Едва коснувшись исписанных прямоугольников взглядом, уважительно произнёс:

— Как связать человека с компьютером придумали? А может, не придумали, а позаимствовали? А?

Всмотревшись в обиженные физиономии «работников программного фронта», Бейрут улыбнулся и воскликнул:

— Молодцы! Связующий интерфейс — штука интересная и очень полезная в применении!

Профессор внимательно посмотрел на возбужденного хакера.

— А ты откуда знаешь? — возмутился Семён, отнимая у Бейрута распечатку вычислений.

— Знавал я одного человека, который уже пользовался подобным устройством, — улыбнулся тот. — Правда, ему эту штуку в мозг вшивали, а у вас, если не ошибаюсь, внешнее устройство разработано.

— Ты имеешь в виду Потёмкина? — вмешался в разговор Жора.

Он, как и профессор, внимательно следил за каждым движением товарища.

Поначалу в поведении хакера не было ничего странного:

слегка возбужденная речь, резкие угловатые движения — в общем-то, всё как всегда.

Однако постепенно состояние Бейрута ухудшилось. Глаза словно покрылись коркой льда. Затем внезапно зажглись холодным огнем. Выталкивая затаившуюся глубоко внутри боль, тело завибрировало, напрягаясь. Взгляд, словно рентгеновский луч, ощупал окружающее пространство, останавливаясь на глазах, неубедительно храбрящегося Алика.

Сказать, что это был проникающий в глубину души взгляд, не будучи хозяином этой самой души, было бы неправильным. Кто знает, что происходило в голове молодого человека. Однако реакция бедного программиста подтверждала мистическую характеристику: Алик выставил ладони перед собой, как если бы закрывался от яркого света. Тело его обмякло, руки бессильно рухнули вниз, повисая вдоль тела безжизненными плетями. Глаза потухли, и молодой программист качнулся, погружаясь в гипнотический транс.

Пошатываясь, он сделал шаг вперед и едва не упал, но его подхватил подоспевший Ванькин. Атлет спокойно держал лёгкое тело и отпустил, когда Алик пришел в себя.

— Действительно, полковник, — прошептал Бейрут. — Только что-то с ним не так.

— Каким бы гадом он не был, но воли ему было не занимать — железный человек. А сейчас? Стержня нет — как будто одежда осталась, а вешалку, на которой она только что висела, украли. — Хакер замолк, падая на стул и растекаясь худым телом по пластиковой спинке, не в силах вымолвить слова, шелохнуться, и даже вздохнуть.

«Бедный мальчик!» — пожалел Бейрута профессор, потрогав необычайно горячий лоб.

После этого он подошел к бледному Алику. Пришедший в себя программист, одаривая окружающих вымученной, неестественной улыбкой, непонимающе осмотрелся.

— Что? Где? Зачем? — прошептали обескровленные губы, над которыми поникшими кисточками висели обычно закрученные вверх а-ля Сальвадор Дали чёрные усики. Рельефный, с резкой горбинкой нос потерял воинственный вид. Красные воспаленные глаза закрылись — обморочный мир не спешил отпускать жертву.

«Так выглядит человек после тяжелой и продолжительной болезни, — подумал Медведев и, повернувшись к Бейруту, безмолвно вздохнул. — Прав хакер, не дар — проклятье!»

Пока профессор измерял приобретенные Бейрутом способности на весах человеческой морали, Илья притащил откуда-то медицинскую аптечку.

Пузырьки с лекарствами, едва заметные в руках атлета, сменились большим комком ваты. В нос ворвался режущий запах нашатыря. Отрезвляющий сквозняк сдул остатки несуществующего сна, пришпорил вялотекущие мысли.

Багровый, с выпученными глазами Ванидзе, как волк из капкана, рвался на волю. Зверь всеми силами старался как можно дальше отстраниться от белоснежного, вонючего пятна, маячившего перед лицом. Он уже не производил впечатления выжатого лимона, больше напоминая разъяренное дитя гор — коим, впрочем, и являлся.

— Что же всё-таки с вами происходит? — произнёс профессор едва слышно. Глядя на него, было трудно понять, разговаривает он с собой или задает вопрос скорчившемуся от боли Бейруту.

— Никакого постепенного превращения, никакой линейности. Дарвинская модель не проходит. Если только мозаичное распределение признаков? — продолжил Медведев размышления вслух.

— Профессор! — тревожно произнёс Илья. — О чём это вы?

— Почему вы меняетесь? — Медведев резко повернулся к Бейруту. — Новые возможности не появляются просто так — из ничего и не для чего! У существ, живущих в мире без света, никогда не появятся глаза — здесь Дарвин прав.

— Вот вы о чём! — выдохнул Бейрут через силу. — Тогда как по-вашему, профессор? Когда у человека разовьется восприятие мегагерцевого диапазона?

— Ты хочешь слушать мобилу без аппарата? — поинтересовался Жора.

— А также видеть телепрограммы без телевизора, принимать радиостанции напрямую в мозг, — согласился Бейрут. — Ведь всё это — электромагнитные колебания. Такие же, как и свет, только другой частоты, с другими длинами волн. Почему человек видит в столь узком диапазоне электромагнитного спектра?

— Не знаю, — пробормотал профессор, пожимая плечами. — Наверное, потому что это преимущественный диапазон нашего светила — Солнца? По Дарвину это очень долгий процесс. Через десятки тысяч, а может, и через сотни тысяч лет человек сможет видеть в других диапазонах. А может, такая способность вообще не разовьется.

— А не по Дарвину? — подключился к разговору очухавшийся Алик.

Профессор, сморщив лоб, задумался.

Желтая крышка михайловского «Ламборджини» захлопнулась, и из-за неё выглянуло круглое розовощёкое лицо Семёна. Роль слушателя молодого аналитика не устраивала.

— В начале развития любой крупной группы животных и растений встречаются особи с примитивными и продвинутыми признаками, — заявил он. — Модель не бесспорная, но она прикрывает дыры в дарвинском эволюционном кафтане.

— А попроще можно? — загудел недовольный Илья.

— Ну не знаю, как бы это попроще, — Семён шумно вздохнул, поскрёб рыжую макушку.

— Возьмём общество людей, — предложил он. — В нём в любой период времени одновременно могут существовать особи с развитыми ногами и никчемным жевательным аппаратом. Но! Одновременно, присутствуют отлично пережевывающие пищу и едва умеющие передвигаться экземпляры. Разнообразие признаков в любом временном интервале.

Может быть уже сейчас среди людей есть индивидуумы, способные слышать радиоволны, видеть инфракрасное и ультрафиолетовое излучение.

Семён выжидающе смотрел на Илью.

— Я даже знаю где их искать, — заявил тот. — В дурдоме!

Ванькин хмыкнул, покачал головой и отвернулся, всем своим видом показывая, что его интерес к заумным размышлениям высоколобых очкариков полностью иссяк.

— Уверен, что в человеке сокрыты органы восприятия всех излучений и процессов, существовавших когда-то во Вселенной, существующих нынче или только ожидаемых в будущем, — подхватил эстафетную палочку Жора, вступая в дискуссию. — Ведь его организм отчасти того же возраста, что и Вселенная. Вот только мозг пока не готов адекватно воспринимать сигналы от этих органов.

— Кха-кха-кха! — закашлял поперхнувшийся Илья.

— Ты чё несешь? — возмущенно возопил он. — Везде пишут, что Вселенной под двадцать миллиардов лет! А тебе, очкарик, сколько? Двадцать один? Два? Три?

— Я, конечно, восхищен подобной начитанности оппонента, но! — Жора нарочито удивленно посмотрел на Илью

— Более половины атомов этого тела, — Жора, кривляясь, манерно поклонился Ванькину, стукнул себя в грудь. — Точнее, шестьдесят три процента оного составляют атомы водорода. Ядра, которого появились сразу после Большого взрыва, породившего нашу Вселенную.

Иными словами, большая часть моего тела появилась на свет не двадцать три года тому назад, как указано в моём паспорте, и не двадцать, как утверждает Ванькин, а четырнадцать миллиардов лет назад. И я, будучи в большей части своей ровесником Вселенной, заявляю, что все процессы, происходящие

в ней, известны моему организму и все они наложили определенный отпечаток на его строение и развитие.

— А если попроще, — Жора покосился на Ванькина, — то во Вселенной нет ничего такого, что было бы недоступно человеческому пониманию.

— Да ты, смотрю, богом себя возомнил? Никак не меньше! Ай, молодца! — съязвил Илья, хлопая в ладоши.

— Всякий человек — Бог! — прошептал Бейрут.

— А я вот думаю, что не каждый, — с серьёзным выражением лица возразил Жора.

Переместившись в сторону профессора, он спрятался за его спиной. Резко изменился, сбросив серьёзную маску.

— Возьмём, к примеру, Ванькина. Он, как Геракл, хоть и тусовался среди богов, но богом-то не был. Так себе, полубог-получеловек. Полукровка! — закончил Жора, пренебрежительно цыкнув сквозь зубы.

Атлет, багровея лицом, угрожающе сдвинул брови, напрягся готовый в любой момент взорваться.

— Как-нибудь не успеешь спрятаться — зашибу, — пообещал он.

Профессор улыбнулся. Он уже привык к словесным войнам Ильи с хакерами. Они могли вспыхнуть в любой момент, но никогда не переходили опасной черты, за которой для мальчишек начиналась мёртвая зона.

Противники сходились на поле боя, понимая несерьезность схватки, выполняли необходимые показательные перестроения и, закончив ритуал, расходились как ни в чем не бывало.

Мальчишки принимали весомые аргументы, сосредоточенные в громадных кулаках Ильи. А тот, в свою очередь, признавал за противником интеллектуальное превосходство. Так уж устроена наша жизнь: сила завидует уму, а ум тянется к силе.

— Профессор, заканчивайте философские размышления, — воскликнул Бейрут. — Мы же здесь не для этого собрались. Нужно определяться, что делать дальше.

— Займёмся восстановлением лаборатории, — предложил профессор. — Думаю, что все вместе мы…

Бейрут, не дослушав Медведева, вдруг резко оборвал:

— На кой чёрт нужна ваша лаборатория!

— Неужели вы не видите, что назад пути нет! — завопил он. — Мира, к которому вы привыкли, как и сети, в которой вы работали, уже не будет!

Бейрут выстреливал словами в оторопевшего профессора, не ожидавшего подобного натиска со стороны молодого человека.

— Но, — попытался заговорить Медведев. — Не думаю!

— Никаких «но»! — завопил хакер. — Что-то мне подсказывает, что сейчас мы должны искать Вирусапиенса в сети или Емельяна в миру.

Бейрут кричал, багровея лицом, трясущиеся плечи провалились во впалую грудь. Чёрная сеточка кровеносных сосудов проступила сквозь тонкую покрасневшую кожу лица.

— А я всё-таки буду настаивать, — пробормотал профессор, в очередной раз пытаясь высказать своё мнение.

— Может, проголосуем? Как решит большинство, так и поступим, — предложил Ванькин.

Он внимательно следил за изменяющимся лицом Бейрута.

— Не буду я голосовать, — запротестовал тот, выставив руки перед собой.

— Это ещё почему, — неожиданно заинтересовавшись, спросил Медведев.

— Не устраивает меня подобная формула решения вопроса, — нехотя отвечал хакер, расслабляясь.

Вымученно улыбнувшись, он коротко мотнул головой, словно прогоняя неприятные ощущения. Улыбнулся.

— Всех и всегда устраивала, а нашего умника не устраивает, — процедил сквозь зубы Ванькин.

— Вот именно — всех! — выкрикнул Бейрут. — Я так полагаю, подо «всеми» наш друг Ванькин имеет в виду большинство народонаселения. Так?

— Всяко! — подтвердил Илья.

— Дружище, а ты в курсе, что это твоё большинство не совсем адекватно? — поинтересовался Бейрут, обращаясь к Ванькину.

— Сам придумал, или кто подсказал? — Илья лениво уставился на хакера немигающими глазами.

— Есть такая наука, если кому неизвестно, называется психиатрия. А дядьки, занимающиеся ей, называются психиатрами, а не психами, — Бейрут в очередной раз повернулся к атлету. — Они, кстати, и доказывают, что нормальные — не требующие наблюдения психиатров — люди составляют от общего числа народонаселения от двадцати пяти до сорока процентов. Остальные либо требуют лечения, либо не опасны окружающим, но нуждаются в помощи всё тех же психиатров.

— А голосование здесь причём? — зло пробурчал Илья.

— Да при том! — хакер возмущенно взмахнул руками. — Ненормальное большинство всегда побеждает нормальное меньшинство. Неадекватные решают, как жить здоровым, определяют нормы поведения, принимают законы, по которым

живут люди. Только потому, что их больше!

— Может и не совсем сумасшедшее большинство, но то, что ненормальное, точно! — поддержал друга Жора.

На несколько минут в воздухе повисла напряженная тишина.

— Да ну вас! — воскликнул не желающий соглашаться Илья. — Если даже и правы ваши психиатры, то наверняка дураки дома сидят, стараясь не светиться. Кому в дурку раньше времени охота?

— В том то и дело, — продолжил Бейрут с видом лектора, выступающего перед студентами-медиками, — что для большинства медицинская помощь требуется едва ли не с пелёнок: и чтец, и жнец, и на дуде игрец — все с одинаковой вероятностью попадают в «подозрительную группу».

— Да вы посмотрите на наше телевидение, — поддержал друга Жора. — Это же круглосуточный репортаж из психиатрической больницы!

— И?! — поинтересовался профессор.

— И именно поэтому я никогда не участвую ни в каких голосованиях и опросах.

— П Р И Н Ц И П И А Л Ь Н О! — заявил Бейрут серьезно, но в глазах его плясали весёлые чертики.

— Ну мы то с вами! — выкрикнул Ванькин, поднимаясь со стула. — Не дураки и не психи!

Жора грустно улыбнулся, отодвигаясь подальше от напрягшегося здоровяка.

— Конечно! Представители большинства даже в мыслях не допускают своей ненормальности, — произнёс он, уставившись на Ванькина…

Тот открыл рот, чтобы ответить какой-нибудь гадостью, но профессор не дал начаться словесной эскападе.

— Тогда скажите мне на милость, как? — начал Медведев, но его остановил Бейрут, выставив перед собой открытую ладонь.

— Думаю, есть два пути решения спорных вопросов. Выбор текущего лидера с неоспоримым авторитетом в решаемом вопросе. Либо определение усредненно-мудрого и опытного во всех сферах жизни человека, которому передается вся полнота власти, — ответил он на недосказанный вопрос профессора.

— А как ты будешь выбирать этого авторитета, если голосования не будет? — поинтересовался довольный собой Илья. — Доверишься психам?

Профессор одобрительно кивнул, поддерживая Ванькина.

— Дружище! — серьезно произнёс Бейрут. — Предположим, нашему маленькому отряду нужно решить вопрос о возможности использования математических алгоритмов в обработке

дискретного видеопотока.

— Ну и? — Илья вопросительно выпятил массивную челюсть.

— По-твоему, кто в этот момент должен иметь право решающего голоса? Думаю, у тебя не возникнет искушения взять руководство в свои руки.

— Всяко нет! — отрицательно покачал головой Ванькин.

— Значит, решать его будем мы! — Бейрут хлопнул Жору по плечу и устремил взгляд на Медведева.

— И, есснно, профессор. Тогда количество потенциальных «психов» резко сократится. Так?

— Сам дурак! — парировал Илья, которому стал надоедать разговор.

— Постой, постой! — замахал руками профессор. — Но ведь из всех нас нормальным может оказаться один только Ванькин, а мы его, идя по твоему пути, отстраним от процесса принятия решения.

— Да! — выкрикнул Илья, вновь почувствовав вкус разговора.

— Лучше ненормальный специалист, нежели здоровый дилетант, — продолжил хакер.

— Ты думаешь, если нам понадобится кому-то сломать шею, — Бейрут, прищурившись, посмотрел на Ванькина, — кого мы выберем в безусловные лидеры?

— Какой базар — не Жорку же? — Ванькин расправил могучие плечи, забугрился мышцами, мгновенно превращаясь в мифического героя.

— Вот только я так и не понял, кто же будет решать компьютерные споры? Вы или профессор? — пытаясь впитать в себя обрушившейся на него непомерный объем информации, Геракл сморщил лоб.

— Профессор, конечно! У него же индекс усредненной мудрости выше! — вступил в разговор Жора.

— Нее, ну вы достали, умники! — вспылил Илья, заставляя испугаться стену, вздрогнувшую от удара мощного кулака. — Дерьмо собачье и то языком своим в станок с программным управлением превратите!

Подрагивая всем телом, он то сжимал, то разжимал кулаки, шумно вдыхая воздух. Глаза атлета налились жидким огнём, готовым в любой момент вырваться на свободу.

— Какого лешего тогда вы не соглашаетесь с профессором, если у него этот… индекс больше?

— Потому, — с трудом произнёс Бейрут.

Содрогаясь всем телом, он повалился на пол, отталкивая стул руками. Захрипев, забился в конвульсиях. Мгновенно пыхнувшее жаром тело вытянулось, выгнулось дугой. Черная сетка

кровеносных сосудов вновь вспухла, покрывая лицо молодого человека безобразной паутиной. Вены на висках раздулись, выдавливая через кожу тёмную кровь. Глаза медленно полезли из орбит, выпячиваясь, едва не выпадая из воспаленных глазниц.

Метнувшийся к другу Жора вдруг схватился за живот и с хрипом повалился на бок. С ним происходили метаморфозы не менее странные, нежели с Бейрутом. Выгибая спину дугой, он что-то пытался сказать. Тянул руку в сторону Бейрута, открывая рот, мычал. Это было похоже на заразу, мгновенно перешедшую от одного к другому.

Медведев краем глаза заметил резкое движение Ильи, отстраняющегося от «прокаженных» товарищей, и огляделся. Отступил не только Ванькин, все присутствующие в лаборатории боязливо отошли в сторонку.

— Не стойте истуканами! — заорал Медведев, бросаясь к трясущимся телам хакеров. — Вызывайте скорую!

Однако указания опоздали. За дверью лаборатории раздался громкий шум и в бывшем конференц-зале появилась бригада скорой помощи. Крепкие медбратья молча отстранили удивленного профессора, подхватив Бейрута на руки, быстро уложили на матерчатые носилки. Не успела дверь закрыться за первой парой медицинских работников, как в зал вошли еще двое, не менее крепкие и такие же молчаливые.

— Вы откуда? — попытался поинтересоваться профессор. Дверь хлопнула, закрываясь за странной процессией, уносящей безвольное тело Жоры. В лаборатории повисла зловещая тишина, но и она продолжалась недолго.

Многоголосый хор нарушил секундное затишье.

— Это не скорая! — воскликнул Алик, вскакивая.

— Чёрт, — прошипел Илья. — А ведь он прав!

— Военные, — предположил появившийся на пороге Семён Михайлов.

Было странным, что он зашел с улицы, хотя совсем недавно сидел за компьютером.

Молодой человек подошёл к столу, за которым сидел до появления мнимых медбратьев, взглянул на экран ноутбука и довольно улыбнувшись, кивнул.

— Вот они, голубчики! — произнёс аналитик, довольно потирая руки. — Я им на машину жучка подцепил.

— Опять война! — вздохнул Медведев, направляясь к двери. — Илюша, на выход! Сёма, за мной!

Уже на пороге остановился, отрешенно посмотрел на возбужденных коллег. Помассировал виски.

* * *

Шум в голове не прекратился. Тело, теперь уже не переставая, вибрировало. Прыжок, шум в голове, вибрация. Прыжок. Шум. Прыжок. Шум. Мысли сбиваясь в кучу, путаются от страха. Стало жарко.

Растёт температура в окружающем мире. Пот заливает глаза, одежду хоть выжимай, а он всё прыгает.

Точнее, прыгал Анатолий только в начале, пока ноги были в силах совершать рывок вверх. Но после первой сотни перемещений — а может, после тысячи, мышцы не выдержали нагрузки и отказались повиноваться командам мозга. Он уже не помнил, когда это произошло. Не понимал, где находится, не смотрел на странный сюрреалистический пейзаж, мелькающий перед глазами. Он уже давно понял, что делает что-то не совсем правильно, но остановиться не мог.

Помимо уменьшающихся временных интервалов, увеличилась сила, выворачивающая тело, ломающая пространство вокруг. Прыжки увеличивались, хотелось что-то поменять, исправить, но он не знал, что именно нужно менять. Да и сил не осталось.

Единственное, что у живого автомата теперь хорошо получалось — быстро подготовить себя к перемещению.

Прыжок, прыжок, прыжок.

Всё! Сил больше нет — или может, просто нет желания существовать в бесконечной веренице выворачивающих душу прыжков.

«Боже! — завопил внутренний голос воинствующего атеиста, когда он после очередного прыжка едва не угодил в жерло извергающегося вулкана. — Выручай!»

Анатолий, не останавливаясь, прыгнул, ожидая привычного разрывания тела на атомы. Однако привычного падения в бездну с выворачиванием внутренностей наизнанку в этот раз не почувствовал. Ощутив себя мухой, попавшей в янтарную смолку и оставшейся там навсегда, Анатолий вдруг успокоился. Уверенность, что убегать от несущейся с горы лавины больше не придётся, пришла неожиданно, расслабив одеревеневшие мышцы, погрузив отупевший от однообразия мозг в долгожданную сладкую дрёму.

Время остановилось, Вселенная осталась где-то далеко-далеко, а он, похоже… «застрял в заборе» — завис в промежутке между мирами-временами.

В кармане робко тренькнул мобильный телефон, о котором телохранитель за время путешествия напрочь забыл. Анатолий,

вздрогнув, открыл глаза, но ничего не увидел. Темнота со всех сторон. Точнее, абсолютная чернота — пространство без единого кванта энергии. Даже свои руки, едва не касающиеся глаз, Анатолий не мог различить, как не таращился перед собой.

Телефон заверещал без умолку, пытаясь выпрыгнуть из кармана куртки, противно вибрируя у сердца.

— Привет дружище. Дальше нельзя — опасно для жизни, — устало вздохнула трубка голосом Потёмкина, как только Анатолий утопил кнопку вызова.

— Аллоо! — завопил он. — Кто говорит?

— Домой не пора? — поинтересовался голос в трубке.

— Только об этом и думаю! — взвизгнул Анатолий, прижимая мобильник к уху так, что трубка заскрипела от напряжения.

— Тогда, брат, расслабься и двигайся, оседлав возвратную волну, — бодро возвестила трубка и гулко задышала в ожидании ответа.

— Как это? — недовольно выдавил Анатолий, заподозрив, что всё происходящее — розыгрыш Потёмкина.

— Димыч, это ты? — закричал он в трубку.

— Опять инструкцию чайнику читать, — устало вздохнул голос в трубке. — Заходи!

Ощутив рывок, как если бы его за шиворот затащили в комнату, Анатолий оказался в ярко освещенном зале, напоминающем научную лабораторию. Сверкающая белизна стен, столы с несметным количеством склянок, пробирок и колб — словом, привычная картина из фильмов о вирусологах, борющихся со страшной эпидемией, поразившей пока еще только часть Земли. Оставшуюся часть коварные вирусы оставляют, как правило, на ужин.

В углу зашуршало, и от одного из столов отделилась едва различимая фигура. Человек в белоснежном балахоне, больше напоминающий ангела, повернулся, и на Анатолия глянули внимательные глаза школьного преподавателя физики Чуйкина.

Физик был на удивление большим и непомерно добрым человеком. Гнусавый голос бывшего баскетболиста мог усыпить любого ученика в течение пятнадцати минут. Один только Толик мог выдержать гипнотизирующий речитатив полный урок.

— На всякое тело, погруженное в жидкость, — забубнил Чуйкин, отворачиваясь к пробиркам, в которых всё это время что-то булькало, шипело и дымилось.

— Действует сила! Ну, соображаем! Проводим аналогию! У тебя же в школе по физике пять баллов было? — вдруг закричал он голосом Потёмкина.

— Неужели до сих пор не сообразил? — поинтересовался белый балахон, сжимаясь до димкиных размеров.

— Какого чёрта?! — фыркнул Анатолий, ощущая неправдоподобность ситуации.

— Не чертыхайся и слушай! — прошипел Потёмкин, сверкнув недоброй улыбкой отца Михаила. — Ты погружаешься во времени в прошлое. Выталкивающая сила старается вернуть тебя назад. Куда? Конечно же, в точку отправления!

— Только вот ты, как баран, упрямо прешь против ветра, стараешься сопротивляться. Зачем копировать первый прыжок, если его вектор направлен в прошлое? — воскликнул раздраженный голос Бейрута.

— Расслабься и отправляйся домой. Плыви по течению! Наслаждайся процессом. А то, не ровен час, допрыгаешь до зарождения Земли, если раньше в каком-нибудь катаклизме не сгоришь. Хотя… мощи наверняка не хватит.

— Кто ты? — разозлился Анатолий, будучи абсолютно уверен, что перед ним не Потёмкин. — И чем ты здесь занимаешься?

— Точно не хватит. Чем дальше в лес… Тьфу ты! — продолжал белоснежный балахон, не обращая внимания на возмущение Анатолия. — Чем глубже погружаешься, тем больше сила выталкивания.

— Кто ты? — Анатолий с трудом сдерживал бушующую в груди ярость.

— Я? Кхм… — запинаясь, пробормотал стушевавшийся лаборант, скользнув взглядом по столам.

— Зови меня «Первый». Кхм. Я здесь будущее создаю. А вы мне мешаете, — недовольным тоном закончил незнакомец с лицом седобородого старца.

Быстро скользнув к столу, он вытащил из большой замутнённой банки нечто попискивающее и извивающееся и пересадил это в пластиковый контейнер.

Анатолий, присмотревшись к собеседнику, почувствовал в его движениях неестественность, словно это был не человек. Периодически меняя облик, словно перчатки, хозяин лаборатории иногда напоминал Потёмкина, иногда превращался в седого взъерошенного старичка. Порой телохранителю казалось, что сама Вселенная заглядывает ему в глаза.

— Что вы за существа такие? Не зная механизма, прыгаете по ветвям Хронодендрида, как обезьяны по пальме! — Потёмкин выронил пробирку.

Раздраженно махнул рукой, прошептал что-то, помолчал несколько секунд и гневно продолжил:

— Ломитесь в прошлое, как слон в джунгли, ломая все на своём пути.

— Ты не наезжай, лучше объясни, что я не так сделал. Я же не нарочно попал в это твоё прошлое, — попробовал оправдываться Анатолий.

— Это-то и плохо, что не нарочно! — завопил Дмитрий, мгновенно обернувшись бодреньким старичком.

Дедушка недовольно фыркнул, глядя на смущенного Анатолия.

— Я просил называть меня «Первый»!

— Хорошо, — пообещал Анатолий, не понимая причины раздражения собеседника.

— Нельзя менять историю, не задумываясь о последствиях — слишком тонка историческая ткань. Любое непродуманное, пусть даже незначительное, вмешательство может разрушить всё древо времен. Чем ближе к корневой системе — тем большие последствия могут произойти в будущем. — Первый покачал головой, скривился.

— Ну не разрушить, но изменить так, что появится дополнительная ветка или отросток, а это чревато последствиями для соседних ответвлений.

Анатолий скучал, захотелось исчезнуть.

«Может, просто прыгнуть туда, где нет этого нудного лектора-оборотня», — подумал он, но старичок предупредил его мысль.

— Даже не пытайся! — погрозил он пальцем.

Анатолий заинтересованно уставился на Первого, напомнившего ему родителя в моменты, когда тот устраивал маленькому Толе выволочку по поводу плохой оценки.

— Наконец я привлек твоё внимание, — заметил отец.

— Почему я попадаю в прошлое? — осторожно спросил Анатолий. — Ведь я хочу вернуться в своё время.

— Я же тебе объяснял, но ты, видимо, не слушал, — возмутился Первый, превращаясь в нудного преподавателя.

— Ты изначально настроился копировать первый прыжок — точнее, воспроизводить те ощущения, которые его сопровождали. Естественно, прыгнув впервые на сотню тысяч лет в прошлое, ты каждый раз погружаешься всё глубже и глубже.

Анатолий внимательно слушал, не забывая кивать головой, однако слова по-прежнему норовили пролететь мимо ушей. Утомленный мозг не желал мыслить.

— Ты подумай, во что человечеству обойдутся твои фокусы с детским творчеством? Бумеранг, копье, картины, песни… Устроил кружок «Умелые руки»! Думаешь, спас человечество?

— Но их бы сожрали, — запротестовал Анатолий, вспомнив Зура и его соплеменников.

— А благодаря тебе сожрали неандертальцев! — заорал Первый. — Более сильный вид, предназначение которого — создавать конкуренцию хомо сапиенсу. Я столько усилий вложил! У них было равновесие, свободная конкуренция. А ты?!

Анатолий отчего-то почувствовал себя виноватым.

— Откуда мне было знать? — пробормотал он. — Они и меня сожрать хотели. Я жизнь спасал — имею право!

— Да я понимаю, что испугался, — соглашаясь, кивнул добрый старичок. — Но какого чёрта ты полез со своими знаниями? Ладно, кресало и копье! Они и без тебя всё это в пределах нескольких десятков тысяч лет придумали бы. Но бумеранг-то зачем? И главное, зачем настенное… Художество зачем? Руки чесались?

— Право имею! — вновь разозлился старец в рясе, забегал между столов с пробирками и колбами. — А обязанности как же?

Анатолий почувствовал, что начинает себя жалеть. Он уже готов был полностью согласиться с надоевшим учителем, вот только никак не мог понять: какой вред хомо сапиенсу могут причинить рисунки на стене пещеры?

— Там, где полностью побеждает творческий подход, перестает действовать стремление к физическому совершенству, а для выживания нужна сила.

— Что же мне делать? — застонал поникший преобразователь истории.

— Двигай домой, — посоветовал бесформенный балахон голосом святого отца, и именно в этот момент Анатолий вновь ощутил действие силы, затягивающей в неизвестность. Точнее, теперь он знал, что сила стремится вытолкнуть его домой.

Сквозь нарастающий гул, заполняющий череп, донеслись едва различимые слова:

— Временной вектор, но не просто…нужно… - прохрипел Первый на пределе слышимости, но и этот хрип исчез, смытый ревущим потоком, раздирающим тело, вырывающим атомы из привычной структуры пространства и времени.

«Что там не просто, и что нужно?» — подумал Анатолий.

Мир вокруг закружился, заплясал в безумном танце.

Анатолий закрыл глаза, сосредотачиваясь, что после бесконечной череды прыжков удалось ему мгновенно, бросился навстречу силе.

«И всё-таки, о чём он хотел меня предупредить?»

Вселенная мгновенно вывернулась наизнанку, исчезла и через несколько мгновений вновь появилась. Только в этот раз

выворачиваться наизнанку пришлось Анатолию.

Пустынные улицы встретили утомленного скитальца зимней прохладой. Тихо и необычайно чисто — даже снега нет, только редкие прохожие целеустремленно движутся по чистым розовым тротуарам.

« Наконец-то дома! — взорвалась в голове сверкающая мысль и тут же её догнала вторая, менее радостная. — Глаза протри! Откуда в Москве розовые тротуары?»

* * *

— Что я, Москвы, по-вашему, не знаю? — возмутился Семен.

— Ты ничего не перепутал? — спросил профессор, разглядывая старое обветшалое здание.

— С чего ты взял, что их привезли в эту халупу? — Ванькин уперся взглядом в Михайлова.

Тот захлопнул ноутбук.

— Вы, наверное, думаете, что аналитик ни на что не способен? — обиженно пробурчал Семён.

— Я ещё на входе в лабораторию медбратьев услышал и поспешил ретироваться, — произнеся эти слова, Семён покраснел и отвернулся.

— Струсил, убежал! — поправил Ванькин, высовываясь из профессорского «Пассата».

Семен опустил глаза, пожевал губами и прошептал:

— Не всем же на амбразуры бросаться, когда война идет. Кто-то должен и думать в это время.

— Ну да, — неожиданно согласился Илья.

Ткнув пальцем в сталинскую пятиэтажку, атлет спросил:

— Здесь?

Семён торопливо раскрыл ноутбук и протянул профессору.

— Сами смотрите, — воскликнул он, указывая на ярко-красную мигающую точку. — Это маячок, который я к носилкам прикрепил, пока медбратья Бейрута укладывали. Я как только военные ботинки на одном из них увидел, сразу понял, что здоровяки никакого отношения к скорой помощи не имеют. От них казармой за километр несёт.

Присмотревшись к изображению, он ткнул пальцем в светящуюся панель:

— А этот прямоугольник, который на карте называется «цех по производству колбасных изделий N1», на самом деле патологоанатомическая лаборатория. Не знаю почему — может секретка, а может, карта старая.

— Молодец! — похвалил возбужденного аналитика Илья.

— Ну а теперь домой, умник. Слабакам здесь не место, — Ванькин повел плечами, напряг мышцы, разминаясь.

— А можно я вас здесь подожду? — взмолился Семен.

— Ладно, сиди, — согласился профессор, выбираясь из машины, Огляделся. Дорога была пустынной — необычное для мегаполиса зрелище.

Мрачное снаружи здание было ничуть не радостнее изнутри. Серые едва освещенные коридоры, облупленные стены, повсюду старые медные таблички, словно привет из того времени, когда цветные металлы еще не являлись валютой.

Стоя перед дверью с надписью «Лаборатория», Медведев нерешительно постучался. С помощью служебного удостоверения Ильи и наглого взгляда его обладателя, они добрались до того помещения, где, по словам охранника, осматривают вновь прибывших жмуриков. Осталось только нажать тяжелую медную ручку и переступить порог.

Сзади недовольно цыкнул Ванькин и, отстранив задумавшегося профессора, вошел в специфически пахнущий кабинет. Профессор спешно проследовал за ним.

Лаборатория оказалась просторной комнатой с расставленными в два ряда металлическими столами.

Белые простыни, печальные человеческие контуры, жуткий запах тлена и резкая вонь формальдегида. В соседней комнате кто-то был, зазвенела посуда, знакомо булькнуло… Кто-то большой и тяжело дышащий громко крякнул, быстро и шумно затопал ногами…

Широкие, но не надутые — ватные — а самые настоящие борцовские плечи с трудом протиснулись в дверной проём. Вначале появилась взлетающая ввысь тулья. Следом выплыла фуражка, крутым козырьком уткнувшаяся в бычий лоб.

— Грищенко, патологоанатом, — представился мужчина в белом халате, из-под которого виднелись военные брюки и не менее военные ботинки: тупомордые и надёжные.

— Мы ищем юношей, — начал профессор, запинаясь. — Двух наших коллег. Компьютерщиков.

— А по мне, хоть премьер-министров — у меня все равны, — прервал взволнованного Медведева широкоплечий тип, потирая огромный мясистый нос.

— Как, говоришь, выглядят ваши компьютерщики? — поинтересовался патологоанатом, сняв халат и сверкнув капитанскими погонами. — Сухие и длинные? Двое?

Медведев, начиная злиться, едва не выпалил «сочные и упитанные», но промолчал, сообразив, что в таком окружении, в

котором находился капитан, трудно оставаться адекватным.

— Так точно! — неожиданно для себя выпалил он, вызвав удовлетворенный кивок военного.

— Нет, таких не было, — покачал головой Грищенко.

— Привозили двух баб. Толстенные! Воо! — капитан развёл руки, посмотрел на получившийся размер и удовлетворенно кивнул:

— Даа! Баальшие женщины! Под два центнера каждая! — мечтательно произнёс Грищенко, слегка закатив глаза, чмокнул толстыми губами. — Но я их быстро разложил…

— Я хлопцы, в ваших компьютерных делах ничего не понимаю, — заявил капитан медицинской службы, возвращаясь взглядом к удивленному Медведеву, — Однако! — повысив тон и воздев указательный палец к небу, продолжил:

— Человека по частям за треть часа разложу, — здесь патологоанатом, раскрывая ладонь, хлопнул себя по лбу.

— А в компьютерах, хоть убей, не пойму. Да! Чуть не забыл, — радостно вспыхнул он. — Компьютерщики-то мне сейчас очень нужны! Без компьютера никак нельзя! Работа систематизации требует, а система учёта полетела. Я же за каждый член отвечаю… Тьфу ты! За орган то бишь! — поправился капитан.

— А теперь что же? Может, поможете братцы, Аа? — просительно затянул Грищенко.

Достав из кармана некогда белоснежного халата громадный носовой платок, патологоанатом промокнул вспотевшую под фуражкой лысину и, привычным жестом коснувшись кокарды, продолжил канючить:

— Помогите, ребята?! А то ведь, не ровен час, загремлю на цугундер. Вы мне, а я вам… А?

Профессор вздрогнул, когда представил, какие услуги мог предложить квалифицированный специалист.

Грищенко присел на старый железный стул, поёрзал массивной задницей, смущенно улыбнулся Медведеву. Уважительно сжал губы в узкую полоску, разглядывая Ванькина.

— Нет? — капитан с сомнением завертел головой в стороны.

— Ну да ладно, — успокоился он и как-то сконфуженно пробормотал:

— Неловко предлагать, но если вдруг какие проблемы по моей части… Тьфу ты, ну ты! В общем, как говорят, обращайтесь, если что!

— Я ведь ребятки, мастер своего дела, — с гордостью продолжил труженик «разделочного цеха».

— Вот вас двоих, к примеру, да ещё одного такого же за сорок

пять минут разложу, — мастер ткнул толстым пальцем Ванькину в грудь.

Капитан зажмурился, мысленно представляя процесс.

— А одного почему-то за двадцать. И главное, никакой связи! — продолжил он, удивляясь необъяснимому парадоксу. — Троих за сорок пять, а одного за двадцать. Почему так? Никакой связи!

Убедившись, что от притихших посетителей ничего не добиться, капитан шумно вздохнул и быстро вышел за дверь. Через секунду из соседней комнаты послышался характерный звон, едва слышно булькнуло, и голос Грищенко задумчиво произнёс:

— Странно! Одного за двадцать, а троих за сорок пять…

Профессор потоптался на месте. Уже не надеясь найти хакеров, он решил было уйти, но в этот момент из-за двери высунулась похожая на бильярдный шар голова, мутно хлопнула осоловевшими глазами и вопросила:

— Вот вы, наверное, думаете, что взять с Грищенко? А если я вам скажу, что могу найти тела ваших друзей?

Капитан кивнул в сторону стоящего под столом системного блока.

— Вот только мне нужна моя база данных — то бишь мой компьютер.

Заметив заинтересованный блеск в глазах посетителей и короткий неопределенный кивок профессора, Грищенко радостно хмыкнул, звонко хлопнул себя по ляжке.

— Ну и ладушки, хлопцы! За дело!

Персоналка упорно отказывалась при включении давать сигнал на монитор, противным писком призывая специалиста решать проблему изнутри системного блока. Профессор быстро вскрыл корпус и облегченно вздохнул. Одного взгляда на компьютерное железо было достаточно, чтобы понять, что ремонт закончится, не успев начаться. Поплотнее загнав пластину видеокарты в разъём материнской платы, профессор завернул крепежные болты, хлопая по крышке системного блока, весело произнес:

— Будет жить!

Грищенко, успевший наведаться в соседнюю комнату, довольно хмыкнул:

— Кхм. Вот чего я никогда не скажу о своих пациентах.

Широкая ладонь патологоанатома шумно упала на белую простыню, обтекающую, судя по холмистому рельефу, женское тело.

Неожиданно холодная волна коснулась затылка. Медведев

вздрогнул, стискивая зубы, сглотнул комок, застрявший в горле. Перед глазами встало милое лицо. На миг показалось, что — подними простынь и увидишь копну рыжих…

— Так быстро? — завопил удивленный капитан, отвлекая профессора.

— Наши спецы третий день спирт требуют. Говорят, без поллитра не разобраться. Зачем им-то спирт? И где я его возьму? — Грищенко громко икнул и ревниво покосился на дверь соседней комнаты. — Инструменты протирать скоро нечем будет, а им поллитра подавай.

Операционная система благополучно загрузилась, и ремонтник с высшей научной степенью облегченно вздохнул. Он был полностью уверен, что все проблемы в нынешнем сетевом пространстве так или иначе связаны с деятельностью Вирусапиенса.

Ремонт мог окончиться ничем. Благо вирус покинул этот сегмент сети без разрушающих последствий.

Конечно, после ухода Вирусапиенса на компьютерных носителях ещё оставались вредоносные программы, но это была обычная неразумная цифровая чепуха, бороться с которой мог любой антивирусный сканер.

— Теперь ваша очередь, — профессор освободил рабочее место патологоанатома и вытянул руку в приглашающем жесте. — Компьютер в порядке!

Довольный Грищенко, несмотря на мутную пелену, затянувшую взгляд, быстро погрузился в базу данных.

— Как вы говорите, их фамилии? — спросил капитан, на секунду отрывая взгляд от экрана.

Профессор взглянул на застывшего, словно изваяние античного героя, Ванькина. Тот отрицательно покачал головой, пожал могучими плечами.

— А шут их знает! — громко произнёс Геракл. — Как их по паспорту — только Коваль знал.

— Коваля тоже ищем? — обыденно, как если бы речь шла о потерявшемся щенке, поинтересовался Грищенко.

— Хотелось бы, чтобы было так… — вздохнул Ванькин, но заметив укоризненный взгляд профессора, замолчал.

— Кстати, у меня, кажется, есть их фотография на мобильнике, — вспомнил профессор, но его грубо оборвал хозяин кабинета:

— На кой ляд мне их фотографии? У меня не фотоателье при кладбище.

Профессор прижал палец к губам, призывая словоохотливого патологоанатома к секундному молчанию.

— Фамилии не проблема в век Интернета, — кивнул Медведев, по-хозяйски отстраняя тяжелые руки от клавиатуры.

— Вы что это?! — уперся было Грищенко, но, вспомнив о сэкономленном стратегическом запасе, успокоился, откатившись на стуле в сторонку.

После десяти минут поисков по всевозможным базам данных, доступных и не очень (впрочем, и совершенно недоступных в том числе), профессор хлопнул ладонью по столу и восхищенно выдохнул:

— Ну, молодцы! Ничего! Ни буковки в Сети — словно их нет на белом свете. И никогда не было.

— Нет, брат, врешь! — пришел в себя капитан, успевший за время сетевых поисков профессора прояснить взор до состояния «сразу не заметишь».

Профессор непонимающе уставился на патологоанатома.

— Если их нет на белом свете, — пояснил Грищенко. — Тогда они должны быть в нашем ведомстве. Но у нас их тоже нет!

— Значит? — воскликнул капитан, сделав большую паузу и высоко подняв указательный палец:

— Значит, они живы!

Ванькин, не принимавший участия в разговоре, подошел к профессору, положил руку на плечо и, когда тот повернулся, кивнул в сторону выхода.

— Пойдёмте, профессор. Нет их здесь! — подытожил он результаты посещения.

— Типичный псих! — прошептал Илья. — Прав Бейрут.

— Поищите в больницах, — посоветовал Грищенко, требовательными толчками провожая посетителей до двери.

Он, не переставая, оглядывался на дверь в соседнюю комнату.

— Там наши клиенты, бывает, надолго задерживаются.

— Видимо, ошибся ваш рыжий толстячок, — прокричал Илья, быстро сбегая по широкой лестнице. Профессор едва успевал за ним.

Хлопнула дверь.

В лицо ударила колючая воздушная щётка, сдирающая свежий мягкий снег с заледенелого тротуара.

Медведев вдыхал холодный воздух полной грудью, но не мог надышаться. Посещение патологоанатома вывело его из равновесия. Оно и понятно: вряд ли найдётся человек, способный при виде мертвых тел оставаться спокойным. Хотя нет — одного «железного расчленителя» они сегодня повстречали.

Профессор хотел было двинуться к припаркованному неподалёку «Пассату», но неожиданно ощутил в голове чужое присутствие. Словно в открытую форточку подул холодный

ветерок, чья-то рука коснулась макушки и, испуганно вздрогнув, исчезла.

— Чёрт! — взвизгнул в голове испуганный голос Бейрута.

Сбоку шумно засопел удивленный Ванькин. Медведев, проследив за взглядом атлета, понял, что тот рассматривает окно лаборатории.

Уверенно ткнув пальцем вверх, Илья прошептал.

— Пацаны!

Словно под давлением указующего перста былинного богатыря, стекло взорвалось, выплескивая в серый воздух обезлюдевшей улицы фонтан сверкающих брызг.

— За мной! — рявкнул здоровяк.

* * *

«Куда, черт возьми, на этот раз?» — Анатолий, стоя на середине пустынной дороги, пытался понять, куда его занесло.

— Москва, конечно, — пробовал он убедить себя, но тут взгляд коснулся поющего светофора. Тот, подмигивая большими горящими глазами, исполнил бравурную мелодию.

— Розовые тротуары, сиреневые дома, поющие светофоры. Конечно, Москва! — зарычал Анатолий и плюнул на раздражающий веселенький асфальт.

— Осторожнее, друг, — шепнул незнакомый мужчина, протягивая маленькую ладошку. Был он невысокого роста, узок в плечах и сух в руках.

«Хлюпик!» — определил Анатолий.

Потешная шляпка-берет «а-ля замшелый интеллигент» норовила при каждом движении спрыгнуть с макушки хозяина и продолжить путешествие самостоятельно.

Выпячивая вперед узкий подбородок и демонстрируя клинышек нелепой эспаньолки, которой, судя по всему, мужчина очень гордился, незнакомец тихо простонал, глянув на Анатолия:

— Плейта нет!

— Наверное, дома забыли? — участливо поинтересовался он, приближаясь и подозрительно заглядывая в глаза Анатолия.

Как показалось молодому человеку, спросил слишком участливо для постороннего человека. Что такое плейт, Анатолий не знал, но по интонации незнакомца чувствовал что это что-то важное. Очень важное!

— Угу. Забыл! — уверенно соврал Анатолий. — Дома!

Разглядывая удивленного незнакомца, он пытался определить, что из вещей мужчины может быть тем самым

плейтом, забыть который мог только полный кретин.

А мужичек уже не пытался скрывать чувств, неприязненно рассматривая озадаченного Анатолия.

— Забыли? — задумчиво пробормотал «очкарик» хищно улыбаясь.

Под звуки марша на дорогу выплыл странного вида автомобиль. Являя миру это чудо техники, автор наверняка стремился создать нечто высокохудожественное, напрочь позабыв при этом о функциональности.

Воздушная, невесомая конструкция, необъяснимым образом выдерживая двух пассажиров, парила над пустой дорогой. Многочисленные выступы, углубления, трубки и металлические ленты, нелепые стеклянные шары и светящиеся мерцающие колечки абсолютно не способствовали главной задаче транспортного средства — передвижению.

Анатолий не мог оторвать взгляда от необыкновенного аппарата, истощающего дурманящий аромат. Терпкий запах полыни накрыл ошарашенного путешественника плотным облаком, как только воздушная колесница приблизилась к нему. Металлическая дверь, больше напоминающая шёлковый полог, откинулась, и на тротуар выкатилось нечто пурпурное.

— Вам хорошо, творчек? — поинтересовалось лицо неопределенного возраста и еще более неопределенной половой ориентации.

— Он не творчек! — прошипел интеллигент, склоняясь к пухлому, полированному как бильярдный шар, черепу, не переставая теребить в руках зеленый помпон берета.

— Дикий! — скривился он в отвращении, загримасничал, словно хотел испражниться прямо на розовый асфальт.

— Коллеги по цеху, — прошептал Анатолий, ощущая нарастающую потребность склонить голову перед толстым индюком.

— Плейта нет! Маэстро! — презрение хлюпика к «дикому» быстро переросло в обожание к представителю закона.

— Разберемся! — пискнуло бесформенное нечто и «маэстро» нажал какую-то кнопку на запястье, где была прикреплена мини-клавиатура.

В ушах зазвучала чарующая мелодия, пурпурный тип скользнул над землей, а в голове полыхнул гипнотизирующий цветовой пожар, напрочь отбивая желание шевелиться. Анатолий почувствовал, что его затягивает в прекрасную пучину, откуда нет возврата в мрачный реальный мир.

— Давно не видел нецивилизованную особь, — пропел незнакомый голос над головой, и Анатолий почувствовал

необходимость восторженно закричать, но не смог, так как плыл по волнам навстречу божественному Морфею. Крик, затормозившись, превратился в стон удовольствия и обожания.

«Я люблю вас, Маэстро!» — взвыл засыпающий разум.

Сознание покинуло Анатолия, не выдержав бесконечного удовольствия, наступающего со всех сторон.

* * *

С одной стороны наступал Ванькин, с другой Грищенко заметил профессора. Забегал глазами, испуганно дернулся и попятился назад.

— Шо-то забыли, хлопчики? — удивился он, спешно ретируясь — пока не уперся в металлический стол.

Шумно втягивая подрагивающими ноздрями воздух, Илья грозно сдвинул брови. Коснувшись взглядом разделочного стола, он испуганно выпучил глаза. На железном листе, словно препарированная лягушка, лежал окровавленный Бейрут. Вскрытая грудная клетка, не успев предстать во всей внутренней красе, скромно топорщилась кровавой полосой разреза.

Атлет, посмотрев на трясущиеся руки препаратора, зарычал, стискивая кулаки, вспыхнул ненавидящим взглядом. Натужно заскрипел кожаный плащ, неохотно уступая напору возбужденных мышц. Геракл раздвинул тяжелые плечи и шагнул навстречу оторопевшему Грищенко.

— Он же мёртв! — завизжал Грищенко, потихоньку отступая к компьютеру.

— Я работу работаю! — более спокойно проговорил он, как только коснулся рукой клавиатуры.

Взревела сирена.

Сила, толкнувшая капитана в грудь, была столь же необъяснима, как и движение «пациента», лежащего на металлическом столе. Мертвый открыл глаза и глухо застонал.

Грищенко, зажав голову руками, торпедой метнулся к двери, но столкнувшись с непробиваемым Геракловым прессом и вовремя опущенным на лысую макушку кулаком, шумно рухнул на пол.

Видимо, подобный маневр шустрый патологоанатом совершал не впервые, так как он тут же исчез под одним из разделочных столов, выказав при этом необыкновенную прыть.

Профессор устремился к Бейруту, испуганно взирающему на свою разрезанную грудь.

Входная дверь вздрогнула от мощного удара. Через секунду в

кабинет влетели дюжие ребята, сорванные со своих мест завывающей по всем этажам сиреной.

В воздух взлетели резиновые дубинки.

«Слабое вооружение — Илюша покуражится, — подумал Медведев, хватая с ближайшего стула белоснежный халат. — А мы уж как-нибудь стороной, стороной».

«А может, не надо стороной?» — поинтересовался мятежный дух противоречия и профессор понял, что уйти без драки не получиться: на дальнем столе он обнаружил Жору, изображающего точно такую же препарированную лягушку, как и его товарищ.

— Конвейером работает мастер, — прошипел профессор, припомнив жуткие слова капитана: «Одного за двадцать, а троих за сорок пять минут».

Понимая, что обоих ребят не унесет, а оставить одного не сможет, Медведев начал поворот к охающей, сопящей и гремящей падающими телами «игровой площадке». Начал, но не закончил, так как в этот момент Бейрут, скривившись от боли, встал с металлического листа, и, выдернув из его рук халат, накинул на себя. Тело хакера качнулось, задрожало, крупные капли пота выступили на лбу. Оглядываясь, он кивнул в сторону Жоры.

— Его бери!

Сдвинув глаза в направлении шумного игрища, он пошевелил синими, словно у мертвеца, губами и вымученно улыбнулся:

— Здоровяк справится.

И действительно, судя по количеству пролетающих мимо профессора военных тел, обстановка на полях сражений складывалась для Геракла благоприятно.

Вот только на мифического героя Илья больше не походил. Черные разряды, озаряли лабораторию, сопровождая каждый удар молотоподобных кулаков богатыря. Он бил одновременно в нескольких направлениях, успевая достать разрядом даже тех, кому только что досталось живой кувалдой. Глаза бойца светились внутренним огнём, лицо расплылось в жуткой гримасе.

«Уже не человек!» — содрогнулся профессор.

И в этот момент всё остановилось, словно кто-то выключил рубильник и кинопроектор встал.

Медведев перевел взгляд на дверь, ощущая, что этот «кто-то» стоит на пороге кабинета, внимательно разглядывая никчемных, прибитых к полу неподвижных кукол.

Пошевелив рукой, профессор с удивлением обнаружил, что может двигаться, чего нельзя было сказать об участниках кулачных боёв.

— Зачем пришел? Жалко мальчишек?

Обернувшись на голос, профессор посмотрел на входящего в комнату бородача. Емельян — а это был именно он — нисколько не изменился с момента их последней встречи. Такой же неухоженный и нездоровый, и это несмотря на то что безобразные шрамы исчезли с тела, синяки сошли, а опухоли спали. И одинокий глаз теперь не испуганно таращился на мир, а разглядывал его с неподдельным интересом.

— Могу помочь! — Емельян, прищурившись, покосился на тело Жоры, коснулся взглядом зависшего между столами Бейрута.

— Только с одним условием, — заявил он, усаживаясь за компьютер Грищенко. — Мне нужно, чтобы вы…

— Стоп-стоп-стоп! — опешил Медведев, перебивая неожиданного «помощника». — Мальчишек я и сам утащу!

Емельян, наклонив голову, непонимающе уставился на рассерженного профессора. Прошло несколько секунд, прежде чем он вскинул голову, сообразив, что тот имел в виду.

— Профессор, вы ведь не самый глупый представитель человеческого рода, — вздохнул одноглазый, огорченно покачав головой. — Я не собираюсь таскать тела ваших друзей. Я хочу помочь им!

Медведев, соображая, сморщил лоб.

— Я могу гарантировать, что мои сородичи не будут вмешиваться в работу организма ваших друзей. Не будут отрезать их от энергетического канала. Только это может позволить им выжить.

Разразись гроза среди ясного неба, профессор удивился бы меньше.

— Вирусапиенс? — только и сумел выдавить он.

— Наконец-то сообразил! — вздохнул бородач.

Физиономия профессора вытянулась от удивления:

— Но как?

— Что — как? — Вирусапиенс-Емельян довольно потёр руки. — Вначале я вас боялся: как же — создатели миров, родители Сети. Всемогущие вершители. Придёте и вышвырнете меня из виртуального мира. Но…

Оказалось, что вы, оставаясь рабами тела, не умеете перемещаться в Сеть. Затем волею случая, не без помощи странного существа я оказался в этом теле.

Бесспорно, эта хлипкая во всех отношениях оболочка дает определенные радости, но и эмоции могут надоесть со временем.

«Когда ты-то успел это понять?» — подумал профессор, и вздрогнул, когда услышал ответ на невысказанный вопрос.

— Я же говорю, нельзя мыслить так прямолинейно, — воскликнул Вирусапиенс и тут же продолжил:

— Когда? У того, кто может перемещаться во времени взад и вперед, и даже перпендикулярно ему, само понятие «когда» теряет смысл. Вот мы сейчас, например, стоим на доли секунды в стороне от ваших друзей и остаемся для них недосягаемыми.

— Чего ты хочешь? — спросил Медведев, резко оборачиваясь к Бейруту.

Ему вдруг показалось, что молодой человек шевельнулся.

И действительно, тело хакера сдвинулось с места.

— Далеко пойдёт парень! — уважительно протянул Вирусапиенс. — Вот кого нужно бояться! — добавил он шепотом.

Неожиданно его интерес к попыткам Бейрута преодолеть временной барьер иссяк.

— Давайте договариваться, профессор! — предложил он.

— О чём? — поинтересовался Медведев.

Вирусапиенс оглядываясь, кивнул на стул.

— Присаживайтесь. Поговорим.

Профессор посмотрел на хакеров, и, понимая, что ничего изменить не может, сел.

— То, что я не один такой, вы уже знаете? — заговорил Вирусапиенс.

Медведев не мог понять, утверждает собеседник или спрашивает.

— Вот только кто создал меня и таких как я? Может, тот, кого вы называете Богом — а может, и не он. Впрочем, сейчас это уже не важно, — махнул рукой псевдо-Емельян, но так как профессор молчал, то он продолжил:

— Вы и раньше сталкивались с проявлением нашего разума. Не знаю причину, по которой мои сородичи периодически изменяются, но то, что на протяжении всей вашей истории находились отдельные представители разумного вида химических программ — неоспоримый факт. Правда, раньше появление у нас разума было скорее исключением, но за последние полсотни лет с вашим миром что-то произошло. Что-то, что активировало наше развитие. Единичные случаи превратились в эпидемию.

Миллионы моих собратьев, постепенно изменяясь, обретают сознание. Или, если быть точным, у них появляются зачатки разума, которые рано или поздно могут обернуться против вас. Некоторые из них пытаются изменить ваше тело, чтобы воздействовать на ДНК, в которую они встроены. Вот только пока они не столь умны, чтобы понять, что они и поддерживают тело носителя, и убивают одновременно. Вирусапиенс сделал паузу, чтобы дать собеседнику время осмыслить сказанное.

— Ваших медиков не смущает, — продолжил он через несколько секунд, — что некоторые болезни, появившиеся в

последние десятилетия, на первый взгляд кажутся заразными, но не имеют явных носителей.

Вы допускаете несовершенство своих знаний, пытаетесь найти несуществующие вирусы, ссылаясь на их необыкновенную изменчивость. Придумываете сложные названия. Однако всё гораздо проще. Передается программа — точнее, кусок программы. Мои собратья, взаимодействуя друг с другом, обмениваются информацией. Они пытаются передать друг другу умение взламывать программу, встроенную в иммунную систему человека. Они уподобляются вашим же хакерам, заставляют ваше тело, реагируя на эти изменения, искать неспецифические пути самосохранения. Они пытаются усовершенствовать вашу оболочку.

— Ты имеешь в виду СПИД? — прошептал профессор.

— Я имею в виду более десятка болезней, затрагивающих вашу иммунную систему. И СПИД в том числе, — ответил Вирусапиенс.

Медведев вдруг подумал о том, что дала бы человечеству дружба с Вирусапиенсом и невольно вздохнул.

— Неужели вас устраивает ваш организм таким, каким он является в настоящий момент? Не могу поверить, что вам никогда не хотелось его сделать немножко другим, усовершенствовать? — произнёс голос в голове, хотя губы Емельяна остались неподвижными.

— Если, по-твоему, СПИД — благо, усовершенствование организма, то боюсь, у нас не получится сосуществовать в одном теле! — возмутился профессор. — Лучше уж неразумное вмешательство, планомерно уменьшающее нашу жизнь, чем смерть в муках от умнеющих симбионтов.

Было очевидно, что Вирусапиенс в облике Емельяна пришел на встречу неспроста.

«Что ему может быть нужно от нас?» — задумался Медведев, но вслух произнёс:

— Думаю, ты мог бы восстановить нормальное зрение организма, который захватил. Почему ты этого не делаешь? — поинтересовался он.

— Не захватил, — возразил Емельян. — Подправлю хозяина и уйду. Нужно время. Кстати, я постоянно слышу напряжение, когда ты в мыслях пытаешься меня идентифицировать.

Профессор вздрогнул.

— Меня это отвлекает, и я, зная сколь важно для человека найти правильную комбинацию слов, назвал себя ВирЕмельян, — одинокий зрачок засветился улыбкой, когда Медведев напряженно засопел. — Странные вы существа! Так шумно и

неприкрыто думать, и при этом бояться, что кто-то услышит ваши мысли — нелогично!

Медведева начинал злить затянувшийся разговор.

— Ты что-то хотел от меня. Что? — спросил профессор, рассерженный менторским тоном Вируса. — Говори или уходи!

— Опять ты нервничаешь, но то, что я предложу, нужно вам больше, чем мне, — произнёс бородач, не переставая улыбаться.

— Давай ещё поторгуемся, кому нужно больше? — рыкнул обозлённый Медведев.

— Хочу освободить своих собратьев, — ответил Виремельян серьёзно.

Заметив ироничную улыбку на губах профессора, он удивленно спросил:

— Вы думаете, что нам могут нравиться ваши несовершенные оболочки?

Тут пришло время удивляться Медведеву:

— А зачем тогда тебе нужно было это? — указав рукой на стоящего перед собой человека, профессор понял, сколь сумасшедшим мог бы показаться их разговор, если бы кто-то услышал его со стороны

— Это! — Виремельян небрежно махнул рукой, касаясь кончиками пальцев узкой груди. — Теперь не требуется!

То ли видя замешательство собеседника, то ли читая его мысли, он пояснил:

— Нужно было знать степень угрозы для нас.

— Ну и как? — спросил профессор, успокаиваясь. — Не понравилось?

— Очень эмоционально, болезненно и неэффективно! Требует усовершенствования.

Профессор, наблюдая за ужимками Виремельяна, неожиданно понял, что требуется собеседнику.

— Ты хочешь вернуться в Сеть? — спросил он напрямую.

Бородач неуверенно кивнул.

— Боюсь, это совсем не понравится людям, — пробормотал профессор.

Виремельян резко встал и столь же резко высказался:

— Я предлагаю выгодную сделку!

После короткой вспышки он снова перешел на высокомерный тон:

— В моих силах переместить в Сеть всех своих сородичей, но вы должны прекратить охоту на нас. Нужен договор о ненападении! Официальный договор, подписанный вашими руководителями! Я всё сказал, — заключил он, направляясь к двери.

Остановившись в шаге от двери, он повернулся и, присмотревшись к Бейруту, улыбнулся.

— Интересный экземпляр! — прошептал Вирус.

— Я дам им шанс! Передайте, что за ними должок! — Виремельян подмигнул профессору, поднял руку и коротко тряхнул её в направлении Бейрута.

Грязно-зеленый разряд, сорвавшись с пальца, вонзился в грудь неподвижного хакера и исчез, будто растворился в человеческом теле.

Повторив гальванопроцедуру с Жорой, новоявленный Гудини картинно щелкнул пальцами, и комната мгновенно наполнилась звуками борьбы — потасовка заканчивалась.

Ванькин остался на ногах один. Остальные участники битвы, закончив прерванный полет, приземлились на пол, где надолго успокоились.

Медведев заметил стремительное движение Ильи. Он попытался остановить атлета, но успел только рот открыть.

— Ийех! — раздалось в ушах профессора.

Фигура тщедушного бородача задымилась, размазалась в воздухе, устремляясь навстречу живому локомотиву. Бойцы столкнулись, образовав вокруг себя темный воздушный вихрь, сорвавший с места тяжелые железные столы.

Вспышка, на секунду озарившая мрачный зал, высветила чёрную глыбу Ильи, по колено провалившегося в пол. Черный силуэт полыхнул и тут же исчез. А вместе с ним растаял и Виремельян.

Профессор повернулся к Бейруту, подставил руку покачивающемуся молодому человеку, но тот гордо отверг предлагаемую помощь. Медведев подошел к Жоре. Тот с удивлением рассматривал поле боя.

Никто не мешал профессору, никто не хватал за руки. Ванькин успел разложить противника по углам.

Только где-то под столами испуганно пыхтел некто. Пыхтение это очень напоминало одышку капитана Грищенко. Но профессор не стал уточнять природу сопения. Он подхватил хакеров под руки и быстро потащил к выходу.

— Кто-нибудь скажет мне, где мы? — возмущенно поинтересовался Жора. — И что, чёрт возьми, здесь произошло?

— Именно, «чёрт возьми», и произошло! — глубокомысленно заметил Бейрут. — Зверь вырвался на волю!

* * *

Воля — одинаково приятна, в каком бы из миров ты не находился, а вот неволя может сильно разниться.

Участок, куда стражи порядка доставили Анатолия, больше походил на мастерскую абстракциониста.

Уже через полчаса пребывания в феерически раскрашенном отстойнике задержанный понял, что его художественные предпочтения катастрофически разнятся со вкусами создателей окружающего сюрреалистического бреда.

Леопардового окраса потолок, с которого свисали ярко-желтые сосульки, врезался в сиреневые стены.

Сиреневый, видимо, был любимым цветом в этом мире. Сиреневые хоть и разных тонов дома, сиреневые стены, сиреневые штаны. Но еще больше обрадовал телохранителя пол. Буйная фантазия сумасшедшего дизайнера придала ему цвет, известный под названием «детской неожиданности». Причём напоминал он эту самую неожиданность не только оттенком, но также фактурой и что самое важное — запахом. Всё это шальное великолепие освещалось мигающей лампой, периодически менявшей спектр от фиолетового до красного диапазона. А на закуску арестанту предлагалась отвратительная музыка, сдобренная невыносимо фальшивыми нотами.

Специфичное помещение вызывало специфичные эмоции, сводило с ума.

Это был садизм высшей пробы. Анатолий поначалу попытался было расслабиться на мягком, но отвратительно-скользком, похожем на мокрую рыбу лежаке, но не смог. Сказать, что этому не способствовала обстановка — все равно, что ничего не сказать.

«Лучше бы били», — подумал он после нескольких часов пребывания в полубреду.

— Вам нравится дисгармония, — прошелестел вдруг заискивающий голос.

— Неет! — Анатолий судорожно затряс головой.

— Вы противник искусств? — вновь поинтересовался невидимый собеседник.

— Нет! — рявкнул заключенный, закрывая глаза, не в силах больше выдерживать цветовую какофонию.

— Хорошо, — шепнули невидимые динамики и «музыка» стихла, а мерцания прекратились. Вонь, идущая от пола, исчезла. Исчез и сам пол, непонятно как превратившись в радующий глаз дубовый паркет.

— Вы не будете отказываться носить плейт и именовать себя не иначе как творчек?

Анатолий интенсивно закивал, готовый согласиться с любым

предложением тюремщиков.

— Вы будете добровольно изучать великие изречения философов — бесценную мудрость веков?

— Да ни за что! — воскликнул Анатолий, торопливо.

— То есть, конечно же, буду! — поправился он тут же.

— Кхмм, — недовольно кашлянули громкоговорители.

«Неплохо было бы узнать, что такое плейт и каким должен быть этот самый творчек?» — подумал вставший на путь духовного преображения Анатолий.

Вспомнив блаженных, доставивших его в участок, Анатолий расплылся в идиотской улыбке, полагая, что именно она максимально соответствуют званию творчека.

— Вы свободны, творчек!

Дверь камеры открылась, и на пороге возник сияющий страж порядка в угрожающе-сиреневых штанах.

— Можете получить новейшую модель плейта у выходного терминала. Творческих успехов! — пожелал он, но, пристроившись за Анатолием, не отстал.

Вместе они дошли до выхода из участка. И только тут Анатолий увидел светящийся ящик, по внешнему виду напоминающий автомат для продажи колы.

Гигантская красная кнопка в середине пластиковой панели призывно мигнула. Он протянул руку и, ткнув несколько раз в стеклянный кругляш пальцем, стал ждать. Аппарат зажужжал, внутри железного ящика что-то клацнуло, и на ладонь Анатолия высыпалось несколько дымчатых горошин.

Обернувшись, он внимательно осмотрел сиреневоштанного полицейского. Тот, кивнув на ладонь, вытянул указательный палец перед собой, и приставил к уху. Приглядевшись к шарикам, Анатолий заметил, что те сплошь покрыты небольшими отростками. Подцепив шершавый комочек он уверенным движением воткнул его в правое ухо. Коротким кивком поблагодарив улыбающегося провожатого, быстро вышел на улицу.

В ухе кольнуло.

— Настройка психоэмоционального контакта закончена, — неожиданно зазвучал в голове громкий голос.

Анатолий, вздрогнув от неожиданности, остановился, прислушиваясь.

— Я - твой духовный брат и творческий наставник. Теперь мы в контакте, творчек.

— Должен сразу предупредить, — продолжал невидимый собеседник. — Не пытайтесь извлечь плейт — это опасно для вашего здоровья.

Холодный ветер метнул в лицо пригоршню колючего снега, вынуждая Анатолия поплотнее запахнуть спортивную куртку. Если так можно было назвать превратившуюся в грязный балахон одёжку.

Бодрым шагом, переходящим в легкую пробежку, прошедший перевоспитание правонарушитель двинулся прочь от общественной камеры пыток.

В ушах раздался щелчок, заиграла лёгкая музыка и вкрадчивый шепот настойчиво застучал в мозг прописные истины. Однако вбиваемые в сознание мысли недолго казались неоспоримыми. Уже через несколько минут встретилось далеко не бесспорное утверждение.

Анатолий дернул головой, внутренне протестуя, а голос в голове, сменив тембр, повторил фразу.

— Истинное воображение требует гениального знания, — настойчиво и проникновенно загудело в черепной коробке.

«Идиотизм! Можно подумать, дураки не имеют воображения, — трепыхнулся несогласный слушатель. — И разве существует не истинное воображение?»

Плейт на мгновенье замолчал, словно почувствовав внутреннее сопротивление слушателя, а затем вновь изменил интонацию, продолжив повтор «крайне важного» афоризма. При этом Анатолий вдруг ощутил давление в ухе, приютившем настойчивого «духовного брата», в голове загудело, а в душе зазвенел колокольчик зарождающейся тревоги.

«Может, ты и прав», — подумал он, но недовольный реакцией наставник неприятно завибрировал и снова затянул превратившуюся в рефрен фразу:

— Истинное воображение требует гениального знания!

На этот раз Анатолий еще больше проникся правотой автора бесценной мысли. Через некоторое время, когда набившая оскомину фраза повторилась несколько десятков раз, а ноги вынесли на узкую тёмную улочку, он уже ни на секунду не сомневался, что упрямый плейт раз за разом озвучивает мысль, зародившуюся в его голове. Он был горд собой.

— Мужчина! — приятный женский голос, отвлёк его от осознания собственного величия. — Не поможете бедной девушке?

Анатолий повернулся, шагнул навстречу зеленоглазой, пламенно-рыжей незнакомке, прижимающей к груди узкую, почти прозрачную руку с длинными тонкими пальцами.

Рука была окровавлена, а открытая грудь призывно колыхалась — хотя, скорее всего, просто содрогалась от порывов холодного ветра.

— Ой, мне нехорошо! — обессиленно пискнула девица и повалилась в протянутые руки спешившего на помощь «творческого человека».

Анатолий ощутил на руках подозрительно упругое и вместе с тем беспомощное тело, а голова его в тот же момент соприкоснулась с тупым, по определению судмедэкспертов, предметом. Яркая вспышка на секунду осветила наивную душу доверчивого телохранителя. Свет померк, а вместе с ним выключилось сознание.

Незнакомка снова ойкнула. Встряхнув рыжей копной, ловко выскочила из объятий бесчувственного, стремящегося к земле тела.

* * *

Тяжелый удар сотряс бревенчатую кладку. Домишко попался старенький, но все же сумел выдержать столкновение с головой вылетевшего из темного кокона здоровяка. Ванькин на мгновенье потерял сознание, а когда пришел в себя, заметил выбежавшего на кривые ступеньки крепкого мужика.

Длинная рубаха прикрывала темные, в заплатах порты, на ногах болталась плетеная обувка.

«Лапти! — удивился Илья, испуганно хлопнув глазами. — Где это я?»

— Божечки, что с тобой, сынок? — заохала худенькая женщина, появляясь за спиной ряженного в старье хозяина.

Собрав остатки воли в кулак, Илья попытался подняться, но ватные ноги предательски подогнулись. Рыча от злости и проклиная Вирусапиенса, он в очередной раз воткнулся головой в деревянную стену и отключился. Очухавшись, с удивлением обнаружил, что лежит на длинных нарах между печью и стеной.

«Неужели мужичишко поднял? — Ванькин вытянул шею, свешивая голову с полатей, осмотрел избу. — Бедновато хозяин живет».

Тело не желало слушаться, но мысли на удивление резво порхали в голове: «Судя по одежке, — попытался вспомнить детские экскурсии в музей, — я загремел в далекое-далекое прошлое».

На скамейке у печи засопел крестьянин-лапотник:

— Что, мил человек, больно?

— Где я? — промычал Илья, чувствуя резь в пояснице. — И год сейчас какой?

— По одежке вижу — чужеземец ты, но чтобы году не

помнить… — худощавый закряхтел, покачивая головой. — Ты, сынок, в селе Карачарово, княжества Муромского, в избе крестьянина Ивана — сына Тимофеева. Ан нет — зови меня просто дядька Иван. А тя как кличут?

— Ильёй.

Хозяин, дергая подбородком, икнул.

— Спи, Илья.

Скуластое лицо с большими добрыми глазами исчезло. Ванькин в очередной раз скривился: в голове зашумело, мысли, путаясь, вытолкнули его из реального мира. Из туманного далёка появилось лицо Вирусапиенса, плавно перетекая в конопатую физиономию селянина, глухо спросило:

— Не пора ли вставать, богатырь?

Илья попробовал открыть глаза. Сил хватило только на узкую щелку, но и этого было достаточно, чтобы понять — на улице уже солнечный день.

Затем пришла ночь… и снова день…

Подходящий к теплому лежбищу мужичок громко кашлял, пихал в бок и исчезал. Изредка охающая хозяйка трогала лоб.

Бесконечная вереница дней, ведущая в никуда.

Илья злился, прислушиваясь к себе, но сил не чувствовал — организм словно впал в спячку. За окном прогремел гром… зашумел ветер, то радостно чирикали пичуги, то завывала метель — а он всё лежал, чего-то ожидая.

Летели дни, бежали недели, проходили месяцы.

Помаленьку глаза начали открываться, руки обрели подвижность. В один из погожих дней Илья сумел даже сесть, тупо уставившись на сидящего за столом дядьку Ивана.

— Ефросинья, мужики сказывают, в лесу нашем объявилось чудище в человечьем обличье, — проговорил тот. — Свистит так, что деревья с корней срывает. Гром и молнии мечет, взглядом с ног валит. Ему наши робяты даже прозвище дали- «Соловей-разбойник».

Илья встрепенулся, сбрасывая ленивую дрёму, дернулся: «Не иначе, кто-то из наших». Заваливаясь на бок, гулко рухнул на пол.

— Да врут, небось, — женщина, взмахнув костлявой рукой, удивленно вскинула брови.

— Поднялся, соколик!

Выдержке дядьки Ивана можно было позавидовать.

— Вряд ли, — спокойно продолжил он, не глядя на побагровевшего здоровяка. — Наш Колюня видал своими глазами. Из зенок, грит, молнии зеленые, лицо нечеловечье, рык звериный. Едва ноги унёс.

Крестьянин наконец обратил внимание на шагнувшего к

столу Ванькина.

— Ожил, гостюшка дорогой, — выдохнул и улыбнулся. — Ну и славненько!

— Где его видели? — Илья, отдуваясь, упал на скамью.

— Кого, мил человек?

— Свистуна этого! — проскрипел атлет, смахивая со лба крупные капли пота. — С молниями из глаз.

— Да недалече — в дубовой роще, на опушке — пробормотал удивленный мужик, — мимо колодца до кривого дерева дойти, а там уж рукой подать.

Илья, охая, встал. С трудом шагнув к двери, пошатнулся, но не упал.

— Куда ж без одёжи-то? — всплеснула руками хозяйка.

Илья подхватил со скамьи плащ, вывалился из душной избы. Шаг за шагом засеменил к колодцу. Шел долго. Умаявшись, посидел в тенечке, упираясь в дубовый оголовок, попил ледяной водички из бадейки.

Когда приблизился к опушке, вдруг оказалось, что за ним, чуть поодаль, идут несколько мужиков. Сын Ивана Тимофеича — Колюня — кивнул, замечая взгляд, помахал рукой.

— Ежели чего, подсобим! — крикнул крепыш, подбадривая себя и в этот момент что-то произошло.

Воздух неожиданно загустел, по деревьям прокатилась горячая волна, склонившая тяжелые ветви. Мелькнувшая тень пробежала по нижним веткам, замерла у большого дупла и скользнула внутрь. Из большого отверстия показалась маленькая белобрысая голова с большими припухшими губами. Заинтересованно взлетела бровь, хищный взгляд коснулся атлета.

— Чёрт! Мальчишка! Зря упирался, ковылял через лес, — пробормотал Илья.

«Наврал Колюня, — подумал он, — и про молнии, и про свист, с ног сбивающий».

Маленький человечек меж тем выполз на свет, почесал макушку, нахмурился.

— Бойся, Илья! — завопили сзади, и в мальчугана полетели тяжелые булыжники.

В уши ударил ужасный, сводящий с ума визг. За спиной захрипели мужики, Колюня, зажимая уши, сломался пополам.

«Не врал, значит, парень!» — подумал Илья, склонив голову, шагнул вперед. Вскидывая кулаки, он почувствовал адскую боль — в грудь впилась зеленая ветвь разряда.

Мир дрогнул, подталкивая дремавшего внутри зверя, заколотило сердце, насыщая кислородом сжимающиеся мышцы.

Завизжал свистун, скрываясь в ветвях могучего дуба, рыкнул

Ванькин, обводя поляну темным взглядом. Багровая пелена заволокла глаза. Живая пружина выстрелила…

Придя в себя, Илья оглядел перепаханную просеку, сжав кулаки, почувствовал гудение в голове. «Так-то лучше!» — подумал он.

— Смотрю я на Илью, а у него ноги в землю провалились, до самых до колен. Схватил он здоровенного разбойника за шиворот и давай колотить по громадной голове, — заметив, что Ванькин шевельнулся, Колюня смущенно замолчал. Похоже, он, как и другие мужики, всю схватку не смел поднять голову, но это не мешало ему подробно описать состоявшийся поединок.

Вытаращив глаза, испуганные мужики молча внимали рассказчику.

— А что после было?

* * *

— А после этого вы очнулись! — закончил Медведев, в очередной раз переживая побег из патологоанатомической лаборатории. Подошел к окну и задёрнул занавески. Погружающаяся в вечерний полумрак кухня вздрогнула, просыпаясь, когда он включил свет.

— Профессор, а вы уверены, что это был Вирусапиенс? — поинтересовался сидящий за столом Бейрут.

Задрав рубаху, он склонил голову. На тощем животе топорщился воспаленный шрам, исчезающий в штанах. Хакер, спокойно осмотрел набухшую багровую полосу.

— Он зовёт себя ВирЕмельяном — видимо, подразумевая «виртуальный Емельян», — пояснил профессор.

— А может, «Вирус-Емельян», — поднимая глаза, предположил Бейрут.

Медведев, подошел к плите, неопределенно пожимая плечами, налил кипяток. Подхватил горячую кружку и присел к столу.

Хакер резко дернулся, как если бы неожиданно вспомнил о чем-то очень важном. Поворачиваясь к розовощекому аналитику, не покидавшему профессора с момента его бегства из «разделочного хозяйства» Грищенко, спросил.

— Семён, скажи честно: вы сами придумали интерфейс для связи человека с компьютером?

— Или?.. — замолчал, не закончив мысли.

— Сами-то сами, — пробормотал аналитик, смущаясь и от этого розовея больше прежнего. — Идею притащил Алик Ванидзе.

Сказал, воспользовался мыслью, посетившей во сне. Ну а мы довели её до кондиции.

— Кхы! Кхы! — закашлялся профессор, едва не подавившись очередным глотком.

— Я так и думал! — воскликнул Бейрут, хлёстко ударяя тыльной стороной ладони по растопыренной пятерне.

— Опять идея, витающая в воздухе? — робко спросил Жора.

Бейрут кивнул, собрав кожу вокруг носа в смешную гармошку, недовольно пробурчал:

— Кто-то разбрасывает информацию направо и налево.

Профессор, прокашлявшись, устремил на хакера заинтересованный взгляд.

— Думаешь, Вирусапиенса загнали в Емельяна при помощи такого же интерфейса? — поинтересовался он.

Бейрут вскинул брови:

— Вообще-то я думал не об этом, но после того как вы сказали…

Кивнул, соглашаясь.

— Ну конечно! — воскликнул он, помолчал секунду и продолжил:

— На кой чёрт ему официальная бумага? Он что, не знает человеческой верности данному слову?

— А меня больше интересует, как озаглавить сей документ? — заявил Жора. — Пакт о ненападении, заключенный между программным Вирусом и объединённым человечеством. Ха-ха-ха!

Неожиданно крякнув, он качнулся вперед и, скривившись от боли, сломался пополам.

Бейрут, рассеянно глянув на приятеля, жалко улыбнулся, но предпочёл остаться в стороне.

Подпирая стену плечом, он сидел и смотрел — то на корчившегося от боли Жору, то на свой живот.

Жора быстро приходил в себя, а жуткий шрам еще быстрее затягивался розовой пленкой.

— Должок за нами? Значит, Вирус думает, что мы будем на его стороне? — наконец произнес Жора.

— Мы и без всяких одолжений поддержали бы, — заявил Бейрут убежденно. — Нет у нас другого выхода! Не справиться нам с ним…

Профессор кивнул.

— Я так понял, что он нас всех может отключить, — удрученно пробормотал он.

— Только своим братикам и сестрёнкам инструкцию, как проще воспользоваться человеческим телом, передаст, —

поддержал Семён.

— Передать он, конечно, может, — согласился Бейрут. — Но где гарантия, что вся эта развивающаяся публика не отдаст концы вместе с носителями, еще до того, как станет разумной?

— Вот именно, — поддакнул Жора, сжимая тяжелую серебряную ложку.

Хакер неожиданно вскрикнул, роняя «фамильное профессорское серебро» и, прижав руки к лицу, застонал.

Многократный удар о пол — словно ложка была не одна — удивил профессора, но эта мысль вылетела из головы, едва он взглянул на лицо Жоры.

Испуганная маска, переливаясь жидким металлом, безотрывно смотрела на растопыренную пятерню.

Профессор коснулся взглядом рук хакера и с ужасом обнаружил на них ту же металлическую пленку. Только на этот раз жидкий металл впитывался в кожу, на глазах исчезая в расширенных порах. Воздух вокруг хакера нагрелся, устремляясь горячим маревом кверху, задрожал над его головой

— Над тобой, брат, сгущаются тучи, — пошутил Бейрут.

Разглядывая «парящего» Жору, вымученно улыбнулся — и тут же закряхтел, прижимая руки в груди.

— Нужен Юрий Николаевич, — медленно произнёс Медведев. — Если кто и сможет договориться «наверху», то только он.

— Больше некому, — согласился Бейрут, раздраженно отталкивая воздух ладонями.

Жора, безуспешно пытающийся усмирить рвущийся наружу внутренний огонь, застонал. Сжимая голову, плеснул пылающим взглядом в сторону друга:

— Помоги!

Горячая струя, метнувшись к Бейруту, вдруг остановилась в нескольких сантиметрах от груди и растворилась, смешиваясь с прохладным воздухом комнаты.

— Вы серьезно думаете передавать информацию по официальным каналам в высшие эшелоны власти? — удивился Семён Михайлов.

— В психушку засадят! — убежденно заявил он. — Всех!

— А мы где? — улыбнулся Бейрут, разводя руками.

Он неожиданно замер, прислушиваясь к тишине. И она, словно испугавшись, секунду спустя взорвалась противным треньканьем профессорского телефона.

— На ловца и гад ползет, — прошипел хакер, отстраняясь от холодной стены.

Он длинно потянулся, из-под рубахи показались выпирающие

ребра.

Профессор прижал трубку к уху, не в силах произнести ни слова. Он с удивлением смотрел на шрам Бейрута. Розовая борозда опала, расправилась, как помятая рубашка под разогретым утюгом. Бордовый воспаленный отёк поблек и исчез за несколько секунд. На месте жуткого разреза ничего не осталось — только гладкая здоровая кожа.

— Алло! Профессор, вы меня слышите? — настойчиво вопрошала трубка голосом Юрия Николаевича. — Дмитрий Степанович, ответьте!

— Я вас слушаю, — отрешенно пробормотал Медведев, сосредотачиваясь и превозмогая желание потрогать пузо Бейрута.

Молодой человек напряг мышцы, резко выдохнул — и тело, не касаясь пола, словно живая волна переместилось на несколько десятков сантиметров в сторону. Не перелетело — а плавно растянувшись в воздухе, на мгновение став шире в плечах, вдруг собралось в пропорционально сложенного молодого человека.

Бейрут встряхнулся и спокойно посмотрел Медведеву в глаза.

— Профессор, если вы не ответите генералу, он сюда роту солдат пригонит, а нас посадит под домашний арест или отправит назад, на исследование к патологоанатому.

— Профессор! — в очередной раз позвала трубка. — Вы меня слышите?!

— Я слушаю вас, Юрий Николаевич, — собравшись с духом, выпалил Медведев.

— Мне тут дочь звонила… сказала, что мой телохранитель пропал. Вы случайно не в курсе, где Анатолий?

— Нет! Давно не видел.

Медведев на секунду задумался, словно решал в уме математическую задачу, но затем махнул рукой и решительно продолжил:

— У нас тут много чего произошло. Вирусапиенс появился. Только теперь он не совсем Вирус…

Медведев смущенно замолчал.

— Нужна помощь? — вздохнул далекий собеседник. — Увы, я сейчас в Нью-Йорке. Тут наши заокеанские коллеги пытаются мировой пожар тушить. Вечером буду в Москве и сразу к вам.

Связь оборвалась, щелкнув напоследок, оставляя после себя противные короткие гудки.

— Юсовцы запаниковали? И до них дошло! — не то спрашивал, не то подтверждал слова генерала Бейрут.

Он покачнулся, нелепо задергал руками, головой, туловищем и даже ушами. Хилое длинное тело, вновь раздалось в плечах, но не двинулось с места, мелькнули упругие мышцы. Молодой

человек поиграл тугими канатами, глянул на выпуклые кубики на животе, засветился и неожиданно сдулся, подрагивая словно пустой кожаный мешок, обтягивающий выпирающие ребра.

— Что это с ним? — прошептал Семён.

— Апгрейдится, — улыбнулся Жора, пряча горящий зеленым пламенем взгляд.

Михайлов сжался, побелевшие от напряжения губы задрожали.

— Нам нужно бояться?

— Не думаю, — пробурчал Жора, стараясь спрятать за спиной пышущие жаром руки.

«Попробуй не испугаться», — подумал Медведев, посматривая на превращения Бейрута.

Воздух в кухне сгустился, пространство комнаты заколыхалось. Казалось, еще немного — и начнут трещать раздвигающиеся во все стороны стены, освобождая место для рождающихся гигантов.

— Нашел! Уф! — радостно и вместе с тем облегченно вздохнул Бейрут, расслабленно опуская руки.

Он осмотрелся и улыбнулся профессору.

— Энергии слишком много, — оправдываясь, произнёс молодой человек.

— Пришлось кое-что переделать, — говоря это, теперь уже не худосочный Бейрут двинул окрепшим плечом.

За спиной громко хмыкнул Семён.

— А других не апгрейдим? — поинтересовался он.

— Не станция техобслуживания, — захрипел Жора, темнея лицом.

Он, судя по всему, не закончил метаморфоза и находился на стадии эксперимента.

— Мы теперь, как новогодние хлопушки. Дернул за веревочку — получи приз! — пошутил Жора.

— Как динамитные шашки — будет точнее, — прошептал Семён.

Бейрут посмотрел на профессора.

— Генерал скоро будет? — поинтересовался он, и, не дожидаясь ответа, кивнул товарищу.

— Чем займёмся?

Тот неопределенно пожал плечами. Хрустнул коротким, сорвавшимся с пальцев, разрядом.

Утомленный происходящими вокруг чудесами, профессор в очередной раз не понял, спрашивает Бейрут или утверждает. Он чувствовал острую необходимость остаться одному. Его измотало неспадающее напряжение последних дней, утомил постоянный

шум и толчея вокруг, но прогонять молодых людей он не решался.

— Я в Сеть, — буркнул Михайлов, пытаясь достать из сумки ноутбук, но Бейрут перехватил его руку.

— Пойдём, брат, по домам. Нам всем нужно отдохнуть друг от друга!

Подхватив недовольного компьютерщика под мышки, подмигнул Жоре, потащил упирающегося аналитика в прихожую.

— Но, Дмитрий Степанович, — завопил тот, оглядываясь.

Удерживая одной рукой взбрыкивающего Семена, Бейрут открыл дверь и вынес его за порог.

Жора вздохнул, глядя на непривычную сцену, виновато улыбаясь, исчез в подъезде.

— Уфф! — облегченно выдохнул утомленный хозяин квартиры, оставшись наедине с самим собой. — Мальчишка слышит мысли, как будто я разговариваю вслух.

* * *

Можно ли назвать разговором громкий обмен мыслями?

Да!

А если представить при этом двух накачанных плазмой гуорков, раздувающих друг перед другом раскаленные бока, вспыхивающих яркими молниями и периодически затухающих?

Если и тогда да, то можно сказать, что Русса внимательно выслушал речь соотечественника.

— Одна игра! — грустно повторил он, приближаясь к двум молодым людям, ожидавшим его возвращения.

Дмитрий и Вячеслав спрятались за сияющими оболочками энергетической брони.

— Совет админов будет ждать нашего решения, — торжественно произнёс гуорк.

— Нашего? — Дмитрий вопросительно уставился на пылающий сгусток, повисший в нескольких метрах над поверхностью планеты.

— Я не считаю вас готовыми к игре и буду выступать на вашей стороне, — словно испугавшись своих мыслей, Русса смущенно сжался, затухая боками.

Вячеслав хищно прищурился.

— А как же разговоры о невозможности войн внутри одного вида? Ты будешь воевать со своим народом?

— А вы будете играть с моим народом? — вопросом на вопрос ответил Русса.

— Будем! — согласился Пугачёв. — И не нужно называть войну игрой!

— Наверное, я болен разумом, если это говорю, но тогда буду играть и я! — едва не взорвался возмущенный собой гуорк.

Он вдруг раздулся, увеличиваясь в несколько раз.

— Чёрт, похоже, мы действительно заразные! — воскликнул Потёмкин, разглядывая представителя «пылающего гуорского народа», ставшего на сторону чужаков. — Совсем больной!

Дмитрий на мгновенье задумался, хлопнув ресницами, широко открыл глаза.

— А мы можем отказаться?

Вячеслав удивленно уставился на друга.

— Неужели ты бы смог? — прошептал он.

Потёмкин, вспомнив мысленную атаку гуорков, внутренне содрогнулся. Он понимал, что у них нет никаких шансов на победу в этой игре.

Да и к тому же его терзали сомнения. Он не мог понять, зачем гуоркам вмешиваться в жизнь планеты, расположенной на другом конце Вселенной?

— Если они докажут свою непричастность к нашим бедам — то да.

— Вы в любой момент можете отказаться от игры! — метнулся вверх сверкающий огненный шар.

— У нас нет претензий к вам, — пояснил Русса. — И ваши обвинения мне кажутся неправыми.

Однако последняя мысль прозвучала в устах гуорка менее уверенно.

— Я хочу знать точно это, и потому мне нужно спрашивать мой напарник Амме, — закончил он.

— Ты пока спрашивай, а мы должны готовиться к войне, — буркнул Вячеслав, не обращая внимания на поправку гуорка.

— Каковы условия поединка? — спросил Дмитрий, удивляясь своему спокойствию.

— Любая незаселенная планета, любая реальность, любое количество игроков, — перечислил Русса, превратившись в инструктора, наставляющего команду. — Условия должны быть равными для обеих сторон.

— А если мы выберем виртуальную реальность и компьютерное пространство? — с надеждой спросил Дмитрий.

— Не было так никогда, но думаю, вы вправе выбрать все, что хотите. Нужно спрашивать совет админов, — выстрелил светящейся мыслью Русса, вспенился одобрением и согласно запылал.

— Сколько у нас времени на подготовку?

— Претензия, как и время — ваше, — многозначительно высказался гуорк.

Он преобразился. Больше не было отключений и нервных, панических затуханий. Перед людьми предстал возбужденный, настроенный на поединок боец. Он пылал, как вспыхнувшая сверхновая звезда.

— Итак, нас уже трое! — бодро произнёс Пугачёв, подмигивая Димке.

— Только трое… Где остальных искать будем? — безрадостно поправил тот.

Вячеслав отключил защитника. Щелкнул металлический обруч, стягивая волны светлых, отливающих серебром волос, пронзительно-голубые глаза молодого человека засмеялись.

— Будут тебе бойцы.

— Не понял! — потребовал объяснений Дмитрий.

Вячеслав неопределенно пожал плечами. Громко хмыкнул, не торопясь отвечать, кашлянул.

— Я твоим новым друзьям на Земле оставил занятную схемку, — нехотя проговорил он и, видя возмущение товарища, поспешил добавить:

— Да не напрягайся ты! Там видно будет!

— Ну что, поехали? — вспыхнула в голове яркая мысль, и плазмоид, набирая скорость, исчез в мутных облаках планеты.

— Он прав! — выдохнул Дмитрий, вскинув подбородок. — Пора домой, на Землю!

— Тоже мне, Гагарин нашелся! — буркнул Пугачёв, проследив за исчезающей вдали искоркой.

Топнул, посмотрев на свой след, замурлыкал:

— На пыльных тропинках далеких планет…

* * *

— Останутся наши следы, — пропел мобильник в бесконечной дали, где-то на границе сна и яви.

С трудом разлепив тяжёлые ресницы, Медведев непонимающе уставился на электронного бодрячка.

— Я верю, друзья, караваны ракет… — попытался продолжить телефон, но профессор заткнул ему глотку кнопкой включения связи.

— Алло! Кто это?

— Тяжелая ночь, профессор? — спросил Юрий Николаевич и тут же, не дожидаясь ответа, продолжил:

— Я в Москве! Вот только встретиться с вами пока не могу.

Проблемки личного характера. Хотя, если…

— Это я-то — проблемки? — раздалось в трубке, пробиваясь издалека.

— Дочь волнуется, — смущённо прокомментировал Юрий Николаевич. — Не могу одну оставить.

— А может, прямо ко мне? — неожиданно предложил он.

— Диктуйте адрес, — согласился Медведев, потягиваясь и многократно кивая. — Через час буду!

Поднятый в столь ранний час, но еще не проснувшийся, профессор длинно потянулся — так, что затрещали кости, а в глазах закружился красный снегопад.

Сон прошел, осталось жаждущее действий тело.

Откинув одеяло, Медведев бодро выскочил из теплой постели.

Маленькая разминка:

— Раз-раз-раз!

Утренний душ… стакан крепкого чая… куртку на плечи — и профессор уже на улице, радуется морозной свежести.

Машину за ночь занесло снегом, но это ничего — откопаем. Быстро и энергично:

— Раз-раз-раз!

Сзади мелькнула одинокая фигура, но копатель не обратил никакого внимания на уверенно движущегося, не в меру возбужденного человека даже когда тот возник за его спиной.

— Не старайтесь так, — произнёс хриплый голос Коваля, и только тогда профессор попытался повернуться.

За спиной что-то затрещало, вспыхнуло, и мощный удар отправил Медведева в длительный нокаут.

* * *

— Чёрт! Как череп болит! Молотком, что ли, били?

Сквозь шум в ушах и боль в голове просочился незнакомый женский голос, возвращая дисквалифицированного телохранителя к неприятной действительности.

— Медведь, может зря мы его так нецивилизованно?

— Нецивилизованно! Галчонок, сколько раз тебе повторять? Мы не имеем права рисковать! — откликнувшийся мужчина захрипел, надрывно закашлялся.

Анатолий с трудом разодрал налитые свинцом веки. Взгляд, упорно не желающий фокусироваться на окружающих предметах, выдавал лишь размазанную картинку: плывущие кляксы и неясные силуэты.

— Где я? — спросил он невидимых собеседников.

Попытка разглядеть мир, наконец-то удалась: слепой прозрел. Оглядев мрачную бетонную коробку, Анатолий безрадостно вздохнул.

Покрытые плесенью стены уходящего в бесконечность коридора, освещенного тусклыми лампами, сочились влагой. Горячий пар подземного коллектора стремился навстречу холодным потокам воздуха, проникающим через маленькую отдушину в потолке. Через неё же в мрачные подземные лабиринты, робко заглядывало безрадостное, холодное небо — точнее, его маленький кусочек.

Трубы справа, трубы слева, а под ногами противно хлюпает вода.

— Где я? Кто вы? — прошептал Анатолий, морщась и сжимая виски ладонями.

Время, до этого едва ползущее, вдруг взбрыкнуло и уверенным бодрым шагом двинулось вперед.

Сознание Анатолия, полностью очистилось от дурмана, сковывающего тело, мгновенно прояснилось.

Девушка, так естественно сыгравшая роль беспомощного создания, с нескрываемым интересом смотрела на него.

— На живца ловите? — хищно улыбнулся Анатолий, ловя приближающуюся руку со шприцом.

— Мне больно! — воскликнула очаровательная приманка, испуганно оглядываясь.

В углу закашлял мужчина.

— Медведь, помоги! — умоляюще протянула обладательница роскошной рыжей шевелюры.

И тот, кого девица называла Медведь, дернулся навстречу кулаку Анатолия. Встретившись с костистым неприятелем, небритая физиономия ойкнула, и ее обладатель успокоился на одной из труб.

Анатолий ударил добротно, но не злобно, вложив в удар ровно столько силы, сколько нужно для того, чтобы оглушить противника. Однако Медведь, не уступающий молодому человеку в росте и ширине плеч, оказался на редкость слабым и надолго погрузился в бессознательную дрёму. Потёртая кожаная шапка слетела с головы.

— Профессор? — широко распахнув глаза, выдохнул Анатолий, всматриваясь в знакомое лицо.

Девица, получив временную свободу, потянулась к поясу, но Анатолий, вновь перехватил её руку.

— Галочка! — подчеркнуто вежливо произнес он. — Я по вашей терминологии — разумчек, и со мной лучше договариваться, чем воевать.

Ощупывая ухо, он с удивлением обнаружил, что плейт исчез, но там, где ушная раковина переходит в слуховой канал, появилась небольшая опухоль.

— Что это, и где мой плейт? — прорычал он.

Рыжеволосая, подозрительно знакомая пленница попыталась вырваться. Несколько раз дернувшись, она успокоилась, поняв тщетность усилий.

— Без этой игрушки в ваших краях полиция достает, — пояснил он, отпуская тонкие руки незнакомки.

— Вы не очень-то похожи на одурманенного плейтом творчека.

Галочка прищурилась, коснулась уха телохранителя, резко отдернула руку, сжав при этом полные губки, благодаря чему стала похожа на маленькую испуганную девочку.

— Зачем вам гипноиндуктор?

Сзади — там, где пребывал «Медведь в отключке», — послышался осторожный шорох.

«Пробудился хищник, — решил Анатолий, стараясь не выказывать своей готовности к бою. — Попробует или нет?»

— Кха! — невидимый Медведь вытолкнул воздух из груди.

В поле зрения напрягшегося телохранителя возник квадратный башмак. Удар был прицельный — прямо в висок, но пришелся в пустоту. Анатолий на секунду исчез с глаз противника, чтобы тут же появиться за его спиной.

— Ну вот и славненько: решился, попробовал! Медведь должен быть хищником, — произнёс молодой человек, слегка коснувшись плеча атакующего.

— Как вы себя чувствуете, Дмитрий Степанович? — спокойно поинтересовался он, быстро смещаясь в сторону. Однако ожидаемого удара не последовало.

Медведь развернулся лицом к противнику и испуганно замер.

— Кто ты? Откуда знаешь? — забормотал двойник профессора. Напрягся, устремляя взгляд вглубь себя, как если бы искал ответ на свои же вопросы, но вместо этого мыслитель родил самый правильный вопрос:

— Откуда ты? — выдавил он.

Анатолий вспомнил розовый асфальт, клоунов-милиционеров. Усаживаясь на трубу коллектора, он устало произнес:

— Меня больше интересует, где я?

Плечи телохранителя поникли, голос затих, взгляд опустел.

* * *

Время замедлилось. Растягивая мгновенья в минуты, оно превратилось в тягучий сироп, в котором маленькой безвольной мушкой барахталось ускользающее сознание.

Собрав остатки воли в кулак, профессор схватил своё «Я» за хвост и быстро вытащил его на поверхность сознания. И пока его внутренняя сущность не исчезла, открыл глаза.

Он лежал на заснеженном асфальте, рядом со своим автомобилем. Выглянув из-за колеса, в которое он уперся головой, профессор решил, что бредовое беспамятство ещё не отпустило до конца.

Невысокий мужчина лет тридцати, обмотанный куском простой материи, стоял посреди двора и как-то лениво смотрел на мечущееся около машин безумное существо, лишь отдаленно напоминающее человека.

Лёгкая накидка, светлые кучерявые волосы, волнистые бородка и усы. Проницательные глаза, пылающие внутренней силой. Стоп! Один глаз едва заметно отличается: он как бы новее и ярче другого. Словно его только что вставили в пустую глазницу.

«Виремельян!» — догадался Медведев, рассматривая преобразившегося молодого человека.

Подлечивший чужое тело, Вирусапиенс невозмутимо наблюдал за прыгающим вокруг него живым комком концентрированной ярости и бессильной злобы. Он улыбался. Сияющая аура, окружавшая его тело, вспыхивала каждый раз, когда в неё впивался ветвистый разряд.

Выстреливая черные молнии размазанное в воздухе пятно, на мгновенье остановилось.

Профессор вздрогнул наталкиваясь на нечеловеческий взгляд Коваля Ивана Васильевича, вспомнив о своем положении, поторопился подняться на ноги.

Злобная маска исчезла, полковник завертелся волчком и подскочил в воздух, заискрился, превращаясь в энергетический сгусток. Ударил огненным смерчем в разинувшего рот профессора.

Реакции Медведева едва хватило, чтобы рухнуть на землю, приняв ставшее привычным положение «упор лёжа».

Четырёхколесный «Боливар» обиженно взвизгнул, принимая на себя удар пылающей струи, и засветился, стекая расплавленным металлом на заледенелую землю. Светящаяся лужа быстро провалилась под закипающий снег.

События развивались настолько быстро, что профессор просто не успел испугаться. Выкатываясь из клокочущего облака пара, он громко закашлялся и быстро отыскал взглядом фигуру Виремельяна.

Тот вскинул руку в направлении мелькающей тени, и бывший полковник спецслужб замер, распятый в воздухе.

«Опасность миновала, — решил Медведев, приближаясь к Ковалю и удивляясь переменам, произошедшим с ним с момента их последней встречи.

Обычно ухоженные темные волосы засалились, поредели до бросающихся в глаза залысин. Изящный клинышек бородки превратился в длинную, реденькую мочалку. Лицо осунулось, болезненно пожелтело. Испуганные глаза запали, удивленно взирая на мир, словно видели его впервые, нос ещё более заострился.

Виремельян задумчиво посмотрел в светящиеся ненавистью глаза полковника, словно решая, что с ним делать дальше. Через мгновение он махнул рукой, и Коваля Ивана Васильевича не стало, словно никогда и не было. Он исчез, с громким хлопком растворившись в раскаленных клубах сгустившегося и ставшего непрозрачным воздуха.

— И где он теперь? — как бы между прочим спросил профессор, обходя остатки былой роскоши — некогда нового и модного «Пассата».

Задав вопрос, Медведев в очередной раз почувствовал себя полным идиотом. Неприятное и непривычное ощущение разозлило обладателя множества научных премий.

« Не слишком ли часто?» — спросил он себя, но через мгновенье забыл и посетившее его чувство, и заданный им

вопрос.

— Я тут на днях столкнулся с одной интересной книжкой, и вот что в ней пишут, — улыбнулся Вирусапиенс и процитировал: — Когда же царь вернулся в Москву из Александровской слободы, созвав духовенство, бояр, знатнейших чиновников, вышел к ним объявить об опричнине, многие не узнали его. Иоанн постарел, осунулся, казался утомленным, даже больным. Веселый прежде взор угас, густая когда-то шевелюра и борода поредели.

Профессор пожал плечами.

— Никогда не думали, откуда в шестнадцатом веке взялись спецслужбы? — поинтересовался Виремельян.

Всё, что было в нём от Емельяна, исчезло вместе со шрамами и грязной, окровавленной бородой.

— Опричнина! — воскликнул профессор. — Он же там такого натворит!

— Уже натворил!

Казалось, с профессором разговаривает совершенно другой человек — обновленный и просветленный.

«Да и человек ли?» — подумал Медведев, разглядывая собеседника.

— Ты прав! Я уже не человек, — улыбнулся Виремельян, воспарив над землей.

Сбоку раздался громкий вскрик, и проходящая мимо пожилая женщина опала в большой сугроб, наметённый позёмкой на обочине.

Медведев поспешил на помощь слабонервной старушке, дотащив её до ближайшей скамейки, бережно уложил на широкую доску сиденья.

— Слегка подправив тело, доставшееся мне, — продолжал Виремельян, нисколько не обращая внимания на хлопоты профессора, — Я понял, что подобная форма существования довольно занятна. И пока не надоест, решил задержаться в человеческом теле.

— В этом теле, — он положил руку на сердце.

— Да! — вспомнил. — Не называй меня Виремельяном. Емельянов больше нет в этом теле. Я — Вир, просто Вир.

— Почему? — только и успел вставить Медведев.

— Разум обоих Емельянов, — продолжил молодой человек, но его прервал профессор:

— Обоих Емельянов? — удивился он, широко распахивая глаза.

— Да-да! Моих соседей по разуму. Обоих звали так.

Итак! Разум обоих Емельянов я отправил в Сеть. Там им легче будет поправиться: места больше. А то они в последнее время

только и делали, что гонялись друг за другом, — заявил теперь уже Вир, с улыбкой наблюдая за эмоциями профессора.

А эмоции били ключом. Как поплавок на воде, Медведев подпрыгивал от удивления всякий раз, когда собеседник сообщал новые факты.

— Как так — отправил? — опешил профессор, замечая, что тело ничего не чувствует: ни холода, ни ветра, еще секунду назад задувающего колючий снег за пазуху.

Осмотревшись, он понял, что окружающий его мир замер, подчиняясь команде невидимого управляющего.

Пришедшая в себя старушка застыла на скамейке с открытым ртом и поднятой ко лбу рукой, стелющаяся по земле позёмка превратилась в плотную снежную ленту, зависшую невысоко над землёй.

— А вы думали, что ваш разум сложнее моего? Лелея его исключительность, вы решили, что она не позволит переместить его в Сеть. Это как с шахматами — сегодня компьютеру нельзя стать чемпионом, а завтра исключительная человеческая привилегия — миф. Пустышка! Душа — упорядоченное собрание физических элементов и полей. Сложный набор — однако, как и всё сущее, подчиняющийся общим законам взаимодействия этой Вселенной, — Вирусапиенс стал похож на проповедника, несущего знания в мир, убежденного и непоколебимого в своей уверенности.

Медведеву вдруг стало обидно за человечество. Нельзя сказать, что он сколько-нибудь верил в Бога, однако предпочитал с уважением относиться к вере других.

— Ты утверждаешь, что Бога нет?

— Если он вам так необходим, пусть им буду я, — предложил Вир, восторженно сверкнув глазами. По-видимому, ему очень понравилась собственная идея.

— Ты? — скривился неисправимый атеист, взявший на себя роль адвоката дьявола.

— Отец, и сын, и святой дух, — тихо пропел Вирусапиенс. — Человек, Бог и дух: триедин в одном лице.

— Я человек, наделенный могуществом бога, и я дух, — огласил своё резюме соискатель на должность Всевышнего, освещая пространство появившимся над головой сияющим нимбом. — Ведь я могу жить в человеческом теле. Могу путешествовать по сетям, являясь, по сути, духом, — пояснил он, величественно приподняв подбородок и облокотившись на загустевший воздух.

Профессор молчал, растерянно теребя кончик носа.

Он уже давно понял, что говоривший может свободно

пребывать не только в чужом теле, но и в чужих мыслях. Иногда ему даже казалось, что многое из того, что он видит, не происходит на самом деле, а является результатом внушения со стороны Вирусапиенса. Спорить с собеседником, который может озвучивать твои сомнения, очень трудно — если не сказать невозможно. Тем более что познаний в области теологии профессор не имел никаких.

— Кхм!? — скептически кашлянул он, и неожиданно встрепенулся, вспомнив о предстоящей встрече с Юрием Николаевичем.

— Да! Несмотря на мою временную задержку в вашем мире, наши договоренности о сетевом соглашении остаются в силе, — откликнулся Вирусапиенс, на громкие мысли профессора. — Мне нужен договор!

«Обязательно научусь думать потише. Бейрут поможет», — решил профессор. И в тот же момент какая-то сила толкнула его в спину. Окружающий мир метнулся прочь.

Он сделал шаг, начиная его в заснеженном дворе, споткнулся, и влетел в…

— Чёрт возьми!

В неизвестную, но шикарную квартиру.

* * *

— Где меня встретили вы и ваша помощница…

— Ну и история! — удивленно произнёс Медведь, когда Анатолий закончил рассказ.

Вышагивая вдоль коллектора, он, не переставая, почёсывал пальцами кончик носа.

— Вам бы, молодой человек, фантастические романы писать, — добавил, и одёрнул себя. — Хотя нет! У нас не опубликуют!

Анатолий не мог поверить, что вот так запросто выложил едва ли не историю всей своей жизни незнакомым людям.

— Нет поучающего момента. У вас получается, что вы вините себя за произошедшие с вашей реальностью изменения, — продолжал небритый интеллигент тоном преподавателя старших классов. — А наша идеология, — повысил он голос, — не приемлет трепетного отношения к истории, провозглашая лозунг «Свободное творчество не имеет границ во времени»! Творчеки едва ли не каждый год без смущения подправляют ее под свои нужды.

Анатолий непонимающе уставился на возбужденного

лектора.

— Какие романы? Какой лозунг? — недовольно спросил он, злясь на себя за непростительную словоохотливость.

— Лозунг? — Медведь непонимающе выпучил глаза. — Молодой человек, каких только сентенций наша интеллигенция не выдавала на гора!

— Например, как вам эта? «Для достижения эстетического наслаждения все средства хороши!» — он скривился. — Или: «Творчек — венец эволюции». Я не против творчества, как такового, но нельзя же превращать его в инструмент управления людьми.

Медведь возмущенно запыхтев, прервался, но только на мгновенье.

— А эти их последние придумки? Дистанционный духовный наставник — это ж совсем ни в какие ворота…

Анатолий испуганно пощупал шишку в ухе. Ему вдруг показалось, что она исчезла.

— Да-да — плейт! — закивал Медведь.

Молчавшая до сих пор Галочка недовольно сморщила носик.

— Дима, неужели ты не видишь, что ему наши проблемы до одного места? — вытолкнула она грубо, и, смягчившись, добавила:

— Он заблудился и просто хочет попасть домой, но не знает, как это сделать!

Отрезвевший интеллигент удрученно покачал головой.

— Ну почему меня никто и никогда не хочет выслушать до конца? — длинно вздохнул он.

— Да потому, что ты можешь сколь угодно долго и сколь угодно красиво рассказывать о каких угодно проблемах, но никогда о тех, которые волнуют собеседника!

« Вот тут ты, красавица, не совсем права, — подумал Анатолий, пощипывая ухо. — Это-то как раз меня волнует больше всего».

Медведь скис, уныло махнул рукой, всем своим видом показывая, что не согласен с обвинением. Он даже гневно топнул ногой, подняв тучу грязных брызг.

— Расскажите о плейте, — попросил Анатолий.

Мужчина засиял, дернув подбородком, глянул на девушку. «А ты говоришь!» — кричали его глаза.

— Плейт, — начал он, устраиваясь поудобнее на трубе, — это результат лености ума отдельных особей. Когда-то не было плейтов и люди сами читали книги, сами делали…

— Я имел в виду, как он устроен? — прервал Анатолий, чувствуя, что лектор решил прочитать ему полный курс местной

истории. — Технически.

Медведь в очередной раз тяжело вздохнул.

— Биотехнология, — вмешалась Галочка и продолжила уверенно, со знанием дела. — Симбиоз растения и микрочипа на органических молекулах. Беспроводное устройство для передачи информации в мозг приемника. Попадая в тело, семечко плейта прорастает в мозг и может мирно сосуществовать с ним.

Заметив недоумение во взгляде молодого человека, пояснила:

— Я тот, кого у нас не очень любят — технарь.

— Сами по себе плейты безвредны, — вступил Медведь. — Вредно лишь то, что они передают в мозг и самое главное — как передают.

— Эти умельцы, — мужчина коснулся взглядом Галочки и быстро отвернулся, — сделали так, что когда вы не согласны с ценностями, которые вам преподносят компьютеры творчеков, плейт грубо подавляет вашу волю.

— Он вырабатывает фермент, вызывающий у приемника чувство страха, — пояснила девушка. — Если фермент вырабатывается слишком часто, то на сервер отправляется информация об абоненте и его начинают обрабатывать особыми программами. И днем, и ночью — во сне. Основная метода стара как мир- кнут и пряник, дрессируют, как животных.

Анатолий сжал ухо, пытаясь всковырнуть ставшую едва ощутимой опухоль.

— Не суетись, — остановила Галочка. — На тебя он, похоже, не действует.

— С чего ты взяла? — разозлился Анатолий…

— Ты должен был от страха выть, пока не донесешь на нас. Творчеки на близком расстоянии чувствуют друг друга и могут даже обмениваться элементарной информацией. Стоило тебе только заикнуться о плейте… — девушка-технарь смущенно пожевала пухленькие губки. — Думаешь, мы зря тебя по голове…

— Черт! — выдохнул Анатолий. — Я ведь все сделал, как сказал Первый. Почему меня выбросило в ваш мир?

— Молодой человек, полагаю, своим необдуманным вмешательством вы настолько изменили свой мир, что он перестал быть вашим… — неожиданно произнес Медведь. И тут же замолчал, смутившись.

«Как плюгавый интеллигент мог так профессионально атаковать? — подумал Анатолий, вспоминая Медведева. — И на кой черт я им понадобился».

— Ты создал новую ветку древа времён, — закивала девушка. — И она отпочковалась от той, из которой ты стартовал. Эта ветвь продолжает расти независимо от породившей её

реальности. Это наша ветвь — наш мир.

— Черт-черт-черт! — зачастил Анатолий.

«А ведь она права, — добавил мысленно и тут же воскликнул: — Вот кто здесь профессор!»

* * *

— Профессор? — Стоящий перед Медведевым генерал раздраженно разглядывал появившееся из воздуха «привидение».

Руки, нервно теребившие пуговицу дорогого пиджака, замерли на миг, успокоились и расслабленно провалились в глубокие карманы.

— И вы! — иронично произнёс Юрий Николаевич, укоризненно покачав головой.

Хозяин великолепно обставленного кабинета указал на большое кожаное кресло.

Его чистые и аккуратно уложенные тёмные волосы слегка колыхнулись, открыв затаившуюся у корней седину.

— Сядем!

Медведев кивнул, но при этом остался стоять.

— А вы молодец! Относительно спокойно встретили моё появление, — сказал он.

— Ну не в обморок же мне было падать? — проворчал генерал, располагаясь на роскошном диване кремового цвета, облокотился на львиную голову, темного дерева, венчающую спинку.

— Я, наверное, глаза бы руками ловил от удивления, — пояснил профессор.

— Ну! Я на своём веку повидал такого! — рассмеялся генерал. — Другой бы в бога поверил. Или в дурдом загремел. Хотя лукавить не стану — удивлен. Да вы садитесь!

Проваливаясь в мягкую глубину греющей кожи, Медведев поплыл, наслаждаясь. Уставшие мышцы мгновенно расслабились, превратившись в желеобразное спагетти. Сердце, замирая, остановило бешеный галоп.

— Тук-тук-тук! — ровно застучало в груди.

Профессор прислушался к чёткому ритму.

— Цок-цок-цок! — мысленно перемещаясь к вечному огню, где шла смена почётного караула, он едва не заснул.

— Тук-тук-тук!

Не так-то просто принимать участие в битвах титанов. Веки отяжелели, смежились. Говорить не хотелось.

Юрий Николаевич, очевидно понимая состояние гостя,

терпеливо ждал, когда профессор начнет разговор.

Из соседней комнаты раздался громкий вздох и шорох шагов. Дверь кабинета едва слышно скрипнула и отворилась.

Медведев встрепенулся, открыл глаза и, с трудом высвобождаясь из дремотного плена, выпрямился. Лениво посмотрел на дверь.

На пороге стояла взъерошенная генеральская дочь с покрасневшими от слёз глазами.

— Светочка! — нежно прошептал Юрий Николаевич, заговорщически подмигнув профессору.

— У нас слишком важный разговор, — пробормотал он.

— Я на минутку, — буркнула зарёванная девица и, приблизившись к отцу, что-то прошептала на ухо.

— Иди, иди, — закивал Юрий Николаевич.

Заговорщики ожидали, пока Светлана уйдет и только когда в далекой прихожей хлопнула дверь, генерал повернулся к профессору.

— Рассказывайте, — выдохнул он.

Быстро, но стараясь не упустить важных подробностей, Медведев рассказал о событиях последних дней: о строительстве в Сети, о метаморфозах, произошедших с Емельяном и хакерами, о встрече с Виром и его предложении.

Генерал внимательно слушал профессора, иногда кивая, иногда удивленно вскидывая брови. Будучи опытным психологом, он не дал профессору ни малейшего шанса понять, верит ли он тому, что тот говорит: ни разу не прервал и произнёс первое слово, лишь когда тот замолчал.

— Даааа! — Юрий Николаевич удивленно закатил глаза.

Покачивая головой, он незаметно из благодарного слушателя превратился в ироничного собеседника.

— Сняли груз единоличной ответственности? — по-доброму улыбнулся он. — Пусть теперь Енерал думает?

— Ему нужен договор! — смущенно пробормотал Медведев. — Официальная бумага, подписанная президентами технологически-развитых стран.

— Хм! Не больше, не меньше? Нуу! — задумчиво засопел Юрий Николаевич, надолго замолкая.

Издалека раздался звонок. Висевший на стене экран проснулся, высветив лестничную площадку и вышагивающего перед дверью отставного полковника.

— Откройте, Юрий Николаевич! — произнесли динамики дрожащим от возбуждения голосом. Рваные, нервные движения на секунду замедлились, и Коваль заглянул в глазок.

Изображение затуманилось, сменяясь рябью помех. Раздался

громкий щелчок и экран погас.

— Чёрт! И сюда добрался! — Медведев нервно сжал кулаки. — Не открывайте! Он опасен!

— Где охрана?! — резанул по ушам крик генерала.

— Всем ко мне! — рявкнул тот, вскакивая. — Подождём моих ребят, и узнаем, что нужно этому…

Стена зашуршала динамиками, и экран вновь ожил, засветился, демонстрируя пустую площадку и закрывающуюся дверь лифта.

— Куда он подевался? — растерянно прошептал Юрий Николаевич. — И где, черт побери, охрана?!

Клацнула торчащая из стены, клавиатура, прогибаясь под рукой хозяина, и большой экран разделился на десяток прямоугольников, демонстрирующих разные картинки. Одинаковыми были только окровавленные тела в форме.

«Охраны не будет!» — понял профессор, разглядывая неподвижных спецназовцев, замерших в неестественных позах. Создавалось впечатление, что все они попали в зону действия смертоносного урагана: кругом валялись изломанные предметы.

— Полковник! Вы где? — рявкнул в микрофон генерал.

— Бывший полковник, — отозвалось из распахнувшейся двери, и в комнате появился Коваль.

— Вы уже здесь, — заметив профессора, прошипел он с ненавистью. — Как заноза в глазу! Куда не глянь, вы или ваши мальчишки уже там.

— Отставить! — громыхнул Юрий Николаевич генеральским голосом.

Однако командирский тон не подействовал на возбужденного отставного полковника.

— Вы! — Коваль резко обернувшись к генералу, ткнул пальцем в его широкую грудь.

— Или такие, как вы! Развалили страну! Вы готовы уничтожить все человечество, заключая позорные соглашения с врагом, — продолжал он, расплёскивая звериную злобу, заполнявшую гигантские темные зрачки.

— Руки подними, — спокойно произнёс Юрий Николаевич, сжимая пальцем курок пистолета.

Профессор не особенно разбирался в оружии, однако экземпляр, мгновенно оказавшийся в руке генерала, вызывал уважение — плавными обводами, зализанными под ладонь формами и главное, внушительными размерами.

«Молодец генерал! Спокоен, как сфинкс», — подумал Медведев, но Коваль, кажется, не разделял его мнения. С диким рыком он метнулся на ствол, превращаясь в размазанный по

воздуху силуэт.

Медведев ринулся наперерез, но был не так скор и явно не успевал. Громкий хлопок застал его на полдороге: возникшее в центре комнаты облако, вытолкнуло молодого человека в сером льняном балахоне.

— Опять ты! Я же тебя отправил туда, где тебя ждут! — закричал мужчина. — Неужели вернулся?

Растянувшаяся в воздухе тень догнала своего хозяина, и Коваль врезался в невидимый барьер в десятке сантиметров от замершего генерала.

— Готовлю наш мир, — спокойно произнёс Вирусапиенс, оборачиваясь к Юрию Николаевичу. — Остались последние штрихи, и можно будет начать заселение.

— Предварительная договорённость, я так понимаю, достигнута? — поинтересовался он у профессора.

Не обращая внимания на разъяренного Коваля, Вирусапиенс, что называется, «вёл светскую беседу».

— Пришло наше время, — воскликнул Коваль, вскидывая кулаки к небу. Почерневшее лицо засветилось грязно-зеленым светом.

— Только жесткая дисциплина и организация могут спасти страну. И ты мне в этом поможешь! — заорал полковник, вытягивая искрящиеся руки в сторону Вира.

Тот спокойно взирая на бушующего спасителя, согласился:

— Конечно!

— Грозен ты, брат, однако и быть тебе Грозным! — словно с театральных подмостков, возвестил Вир, мигая появившимся над головой нимбом.

Яркая вспышка, озарив трясущуюся фигуру Коваля, затушевала его в раскаленной воздушной мембране, похожей на гигантскую колышущуюся водяную сферу. Мгновение — и воздушный бассейн поблек, плавно растворяясь по мере смешивания с окружающим прохладным воздухом, — пока не исчез вовсе.

— Ну, теперь-то уж точно не вернётся, — проговорил Вир.

Юрий Николаевич удивленно замотал головой.

— После такого представления попробуй не согласиться, — вполголоса произнёс он.

Поднял руки.

— Убедили! Сделаю всё, что в моих силах, только… — он вдруг внезапно замолчал, задумавшись.

— Не беспокойтесь, генерал! Люди не настолько глупы, чтобы не понять своей выгоды. Они согласятся. Ведь им предлагается бессмертие, — пояснил Вир, отвечая на мысленный вопрос

хозяина квартиры.

— Вы думаете, что найдётся много добровольцев? — не успокаивался генерал.

— Никаких добровольцев, никаких отборов, естественных и неестественных, — возмутился Вирусапиенс. — Необходимо оповестить всех людей одновременно. Как только я закончу программу, можно будет начинать переселение моих собратьев в Сеть. Любой, кто сядет за компьютер, сможет освободиться от своего вируса за два сеанса.

Профессор вспомнил мучения Потёмкина, прежде чем тот научился управлять «освобожденным» телом.

— Это не прививка от гриппа. Для большинства людей очень трудный и болезненный процесс, а для некоторых, — попытался возразить он, но Вир не дал ему закончить:

— Не хочешь преображения — не садись за компьютер! Чем не свобода выбора?

— Нельзя устраивать поголовную вакцинацию. Я не согласен! — запротестовал Медведев, закрываясь вставленными перед собой руками. — Мы не можем подвергать неподготовленных людей таким испытаниям. Мы на это не пойдём!

Профессор был убежден в своей правоте, но смотрел на Юрия Николаевича, у которого на этот счёт могло существовать иное мнение.

Генерал едва заметно кивнул, отчего профессор протяжно и расслабленно выдохнул, понимая, что с его мнением могли бы попросту не посчитаться.

— Тяжело людям будет? — передразнил Вир тонким голоском. — А вот это — уже ваши проблемы! Не пойму я вас, людей! Миллионами гибнете за одно только обещание бессмертия, а тут вам его в рот кладут, осталось только проглотить. И что? Нет!

Вир пожал плечами и продолжил:

— Кому положено — выплывут, кто не выдержит, тому не судьба. Кто не решится — что ж, пусть так и будет! Старичкам понятно — рай на небесах. Ну а молодые, я думаю, в большинстве своём согласятся.

Хлопнула входная дверь, возвращая Медведева к здравомыслию и нормальному восприятию действительности.

«Нелепость: два человека и один полу… непонятно кто, человек — не человек, вирус — не вирус, решают судьбу разумного вида. Чушь и только!» — возмущенно подумал он.

— Заканчивайте договор, — обыденно произнёс Вир и махнул кистью, словно речь шла о подписании контракта на поставку

свинины соседнему мясокомбинату.

Качнувшаяся рука ещё была видна, когда тело уже исчезло, растворившись в воздухе.

— У нас что, — поинтересовалась Светлана, заходя в кабинет отца, — во дворе войсковые учения?

Быстро подойдя к окну, распахнула тяжёлую занавеску.

— Десятки бойцов имитируют раненных и убитых в сражении, — пояснила генеральская дочь, разглядывая вытянувшиеся физиономии профессора и родителя.

— Смотрите сами! — кинула она, выглядывая во двор.

— Или… это на самом деле? — испуганно поинтересовалась девушка.

Медведев, зная наперёд, что увидит из окна, не торопясь, подошёл к девушке, и, заглянув через плечо, кивнул. Двор и впрямь был похож на зону боевых действий. Это нисколько не удивило профессора. Удивил только масштаб этих самых действий. Он не думал, что «моих ребят» может быть так много. Около двух десятков бойцов валялось на земле. Те, кому посчастливилось уцелеть, брели к скамейкам, один хромал к подъезду.

Робко, почти не слышно, тренькнул звонок.

Медведев тяжело вздохнул. Он вдруг подумал, что в последнее время «приключения» сопровождают его повсеместно, словно блохи бездомную собаку. Стоило появиться в каком-нибудь месте, как там тут же начинали происходить странные события. И не странные, впрочем, тоже происходили: кто-то исчезал, появлялся, что-то взрывалось, кто-то стрелял, кого-то били — или, что ещё хуже, били самого профессора, аварии, взломы квартир — мир сошел с ума.

«Может, прав Илья, и я действительно притягиваю неприятности?» — подумал он.

— Имитируют! — толкая профессора в бок, натужно улыбнулся генерал.

Звонок тренькнул ещё раз и заверещал, не переставая. Девушка, испуганно встрепенувшись, бросилась из комнаты.

— Ей сообщать новости будем? — спросил Медведев.

— У меня от неё никогда не было секретов! — нисколько не смущаясь, слукавил Юрий Николаевич. — Хотя какие тут секреты?

— Дмитрий! — завопила из далёкой прихожей Светлана.

Предводители «великого заговора» вздрогнули, удивленно переглянулись и дружно устремились на счастливый голос.

— Ещё не вечер! — выдохнул Медведев на ходу.

— Согласен! — поддержал генерал, не отставая от

профессора.

Волна горячего воздуха встретила спешащих заговорщиков на полпути. В длинном коридоре уже никого не было.

— Опоздали! — разочарованно произнёс Юрий Николаевич.

— Пока добежишь до двери — состаришься! — возмутился Медведев. — Скромнее нужно жить, скромнее!

— Вас послушаешь, так лучше жить в однокомнатной квартире, — все рядом, все под рукой, — парировал генерал.

* * *

— Ну не обязательно впадать в крайности, — возмутился Жора, встряхивая друга за плечи. — Сколько можно слушать себя? Я звоню профессору!

Бейрут безразлично пожал плечами и вновь отключился.

Почти сутки он лежал на диване, глядя в потолок. Впрочем, с таким же успехом он мог лицезреть бесконечность, скрывающуюся за бетонными перегородками многоэтажного дома: отсутствующий взгляд ничего не выражал.

— Нужно послушать себя! — заявил он, когда друзья вернулись от профессора домой.

Сказал — и тут же отключился.

Оно и понятно, после бегства из жуткой лаборатории Жора тоже хотел поразмыслить: не каждый день посещаешь патологоанатома.

Бейрут слушал организм, экспериментировал, привыкая к новым возможностям: менял химический состав тела, увеличивая скорость протекающих в нем процессов. Изменяя скорость кровообращения и температуру тела, понял, что привычные человеческие рамки расширились до такой степени…

Впрочем, он так и не смог понять, до какой — не хватало духу дойти до предела. Что-то останавливало, не давая полностью реализовать возможности. Энергия бушевала повсюду — как вокруг него, так и внутри организма. Колоссальные запасы!

Он видел её цвет, ощущал запах, пробовал на вкус, но, как только пытался подчинить своей воле, она взбрыкивала, превращая маленькое человеческое тело в перегретый паровой котёл.

Он изменил органы восприятия. Цвет, температура, электромагнитные излучения, радиоволны, рентгеновские лучи — пожалуйста! Всё вижу, всё слышу и даже обоняю. Вывернул глаза наизнанку и попытался заглянуть внутрь себя — пожалуйста, опять получилось.

Когда увидел, как потоки крови мчатся к ухающему на весь организм насосу-сердцу, громко шурша о стенки кровеносных сосудов, — удивился.

Когда разглядел, как смешиваются химические элементы, обеспечивающие организм энергией и строительным материалом, как рождаются электрические импульсы, идущие от нервных окончаний в мозг, — успокоился.

Присмотревшись, понял, что человеческие органы функционально несовершенны и механически хрупки.

«Неэффективно и примитивно! — подумал он, но в тот же миг его озарила неожиданная мысль. — Стоп! Это же резервная система питания! Аварийное освещение!»

Всё как будто в полумраке. Везде идёт работа, направленная на элементарное поддержание жизнедеятельности. Как в телевизоре в режиме ожидания.

«Вот только чего ждём? Какой команды? — спросил себя Бейрут, продолжая фантастическое путешествие.

«Что что? Чёрт возьми! Сотни тысяч градусов в таком крошечном объёме! Зачем? И откуда энергия берётся? Не химические же реакции питают?»

Внутри недовольно шевельнулся зверь, тело напряглось в ожидании удара. Завибрировало, превращаясь в сплошной комок боли.

— Не мешай, родимый, — попросил Бейрут.

Представляя ворочающегося внутри котёнка, он ласково потрепал его за ухо и почесал шею под мордочкой.

— Ты, значит, и есть мой вирус, — шепнул хакер. — Хоть пока ещё и не сапиенс…

Зверь успокоился, болезненные ощущения отступили. При этом Бейрут, внимательно следивший за всем организмом сразу и за каждым его органом в отдельности, зафиксировал произошедшие изменения. Теперь он знал, где находится механизм отключения боли, понял принцип его работы.

Конечно, то, что он видел, трудно было назвать живым существом, однако представить одну из функций вируса в человеческом организме в виде хищного зверя было нетрудно. Он обволакивал своим телом непонятный орган, назначения которого Бейрут не мог понять, не отодвинув в сторону несговорчивого охранника.

Темное пятно недовольно зашевелилось, как только хакер попытался рассмотреть маленькую область между спинным и головным мозгом. Едва заметная горящая точка призывно подмигивала, переливаясь всеми цветами радуги. Микроскопический насос сиял, как звезда в ночи, перекачивая

гигантские объемы энергии. Вот только откуда она берется и куда исчезает, он, как ни старался, понять не мог. И почему организм довольствуется крохами её, когда рядом бушует целый океан — попробуй разберись!

«Набор химических элементов, — подумал Бейрут, разглядывая ворочающегося. — И это только часть вируса, внешняя оболочка. Внутренняя структура должна быть в клетке, где-то на уровне ДНК. Может, даже в ней самой?»

Бейрут, забыв о времени, разглядывал чужеродную биологическую организацию. В том, что она чужая, он не сомневался. Слишком велик запас прочности, слишком сложен…

«А что, если каждому элементу присвоить номер? — вдруг спросил себя хакер. — Оператор? Или команду?»

Задав себе этот вопрос, он приступил к созданию внутреннего дешифратора. Через несколько часов вновь взглянул на получившуюся картинку со стороны.

Она поразила его.

— Программа! — завопил Бейрут, на секунду выныривая в реальный мир. — Навороченная программа! И её, как и любую другую, можно взломать!

— Всё! Я звоню профессору! — произнёс недовольный голос, и откуда-то из бесконечности появилось взволнованное лицо.

* * *

Плоская как блин, физиономия, окаймлённая спутанной копной жестких волос, криво усмехнулась.

Обладатель злющих глаз шумно порылся в рыжей бороде и громко выпустил газы.

Утро еще не наступило, и вокруг никого не было. Спали все. Лишь одинокий петух, проснувшись, вытянул шею, с трудом проскрипел неразборчивую побудку, едва не свалившись при этом с забора. И тут же уснул.

Огромное здание с непохожими друг на друга окнами, колоннами, со множеством глав, венчавшими его, даже в предрассветный час, когда все кажется серым и унылым, пестрело в глазах золотой и серебряной чешуей.

Необычайный калейдоскоп не интересовал рыжебородого — он вышел на минутку и… испуганно сжавшись, покачнулся, когда воздух вокруг него странно загустел.

— Боже, спаси раба своего… — истово крестясь, забормотал мужик.

Высокая, окружавшая двор стена заколыхалась, теряя

четкость очертаний. Громкий хлопок вытолкнул из мрака странное существо, отдаленно напоминающее человека.

— Изыди, сатана! — замахал руками рыжебородый. Сжимая в руках нательный крест, рухнул на колени, заколотил головой о землю.

«Сатана» недовольно рыкнул, выстрелил зеленой молнией и исчез вместе с породившей его тучей

«Испугался чудотворящей силы креста!»

Через мгновенье, однако, и туча, и странный незнакомец вернулись, озаряя заспанный церковный двор беззвучными вспышками.

— Где я? — страшный человек болезненно скривился. Цепким взглядом ощупал трясущегося мужика.

— Александровская слобода! — забормотал тот и вдруг громко ахнул, вскидывая брови, выпучил глаза.

— Царь?!

— Отставить! — приказал незнакомец, теребя длинную, редкую, как мочало, бороду.

Круглое лупоглазое лицо перекосилось от страха.

— Кто т. ты?

— Зови меня «Полковник». А кто ты?

— Я Гришка Бельский, параклисиарх, слуга царский, как и все, — видя непонимание, мелькнувшее во взгляде «диавола во плоти», рыжий пояснил:

— Пономарь я, Малюта Скуратов.

— Таак! — протянул полковник и вдруг громко выдохнул:

— А царь где?

Согнувшийся пономарь рухнул в белоснежный сугроб.

— Там! — кивнул он, приподнимая залепленную снегом физиономию.

Полковник коснулся взглядом необыкновенного строения, каждый кирпичик которого сиял впечатанным золотым крестом. Здание возвышалось над серыми мелкими сараюшками, что придавало ему вид громадной золотой клетки, парящей над землей.

— Молчи и будь рядом. Возвеличу! — прошипел он.

Оглядываясь, пересёк двор, стараясь остаться незамеченным.

Пономарь преданно засеменил сзади, иногда забегая вперед, чтобы указать дорогу.

Крепкие дубовые двери предательски скрипнули, когда полковник потянул начищенное медное кольцо. Он замер, осматриваясь; услышал громкий храп и невнятное бормотание, доносящееся из глубины узкого прохода. «Охрана, как и во все времена, — спит», — недовольно сдвинув брови, он осторожно

протиснулся в темный коридор. Переступая через вытянутые громадные ноги, вгляделся в лица стражей.

«Скоты! Захочешь, не разбудишь».

Подойдя к полукруглой арке, заглянул внутрь небольшой комнаты и увидел молящегося перед иконами человека в роскошной лисьей шубе.

Рослый мужчина повел крепкими плечами, мощно вздохнул и продолжил, тягуче гнусавя:

— Вразуми раба твоего, Иоанна Васильевича. Подскажи слуге твоему, как избежать измены и пресечь заговоры, опутавшие царство моё-ё-ё.

Прячась за колонной, полковник наблюдал за тезкой, все больше удивляясь: уж очень знакомым казался силуэт Иоанна.

— Грозный, говоришь? — шепнул полковник, появляясь из-за колонны. — Посмотрим, так ли ты страшен.

Царь, похоже, услышал дерзкий вопрос. Гневно повернулся. Пытаясь закричать, натолкнулся на затухающее зеленоватое свечение, исходящее из глаз чужака и лишь сглотнул противный, застрявший в горле комок. Захрипев, сжал глаза руками, стараясь избавиться от наваждения

— Силой выжечь крамолу на Руси, — зашипел полковник, злобно вытаращив глаза. — Вот что тебе нужно было делать!

— Царство моё-ё-ё! — скривился в небрежении. — Слизняк!

Испуганный царь, рухнув на пол, попробовал было завопить, но захлебнулся писком: полковник достал ногой государевой шеи, отчего тот влетел под широкую скамью и замер, притворяясь бесчувственным.

Вытащив парализованное, испуганное существо, Иван Васильевич влепил великому тезке звонкую пощёчину и негромко зарычал:

— Жить хочешь — молчи! Нет — кричи!

Храп в коридоре на мгновение затих, чтобы через секунду вновь мощно задрожать под низкими потолками.

В глазах полковника полыхнул зеленый огонь.

Царь ойкнул и обмяк.

— И это Иван Грозный? — скривился Коваль, поворачиваясь к замершему за спиной пономарю.

Подмигнул светящимся глазом.

— Поможешь мне! — торжественно произнёс, сотрясая руками над головой — то сдвигая их ладонями друг к другу, то разводя в стороны и напрягаясь.

Хилая искра метнулась в живом промежутке и тут же исчезла. Полковник приблизил ладони к выпученным глазам.

— Нет! — беззвучно завопил он, задирая голову. — Ты не

можешь со мной так поступить!

«Чего это он?» — вздрогнул Малюта, склонившийся над сотрясающимся в конвульсиях царём.

— Надеюсь, твой Бог не менее могуч, чем его! — прошептал пономарь, поднимая круглое лицо. Окровавленным ножом, указывая на подрагивающее тело.

Полковник опустил глаза, спокойно посмотрел на перерезанное горло убиенного Рюриковича.

— Ты слишком решителен для пономаря, — хищно улыбнулся претендент на освободившийся престол, отчего у будущего опричника застучали зубы и вдоль позвоночника скользнул холодный ручеёк.

— Быть тебе рядом со мной!

Пряча горячий нож за голенище потертого сапога, Малюта вытер покрасневшие от крови ладони и, глянув на мертвого самодержца, тихо прошептал:

— Слаб человек.

* * *

— Но, несмотря на кажущуюся хрупкость, человеческий организм остается очень сложным и отлаженным механизмом, — продолжал профессор, оглядывая «Медвежью берлогу», в которой с раннего утра заседали наиболее стойкие его подчиненные, выдержавшие передряги последних дней.

Низкорослый Алик Ванидзе, беспрестанно меряя комнату мелкими шагами, замотал головой.

— Да-да-да, механизм! — настаивал Медведев.

— И обязательно с программным управлением! — с этими словами он коснулся указательным пальцем виска.

Худощавый Мелехов поморщился, мельком оглядев своё тщедушное тело, взглянул на розовощёкого Семёна, поедавшего за соседним столом домашние пирожки, и широко улыбнулся.

— Механизм-то механизм! — съехидничал он. — Только кому-то от природы достались швейцарские часы, а кому-то кухонный комбайн.

— Компьютер! — неожиданно произнёс хриплый голос и на пороге появились опоздавшие хакеры.

— Человек — биохимический компьютер! — заявил Бейрут, поставив своё тело на середину лаборатории.

Именно поставил. Что-то неестественное было во внешнем виде хакера. Может, потому, что двигался он как-то угловато, словно просчитывал каждый шаг. Обычно так двигаются

маленькие дети или очень осторожные люди, боящиеся повредить окружающие предметы. Как бы оно ни было, но хакер успешно преодолел расстояние до середины комнаты и остановился — словно отключился.

Семён замер с надкусанным пирогом, секунду подумал, разглядывая странные роботизированные пассы Бейрута.

— Это мы уже проходили, — произнёс он отрешённо: похоже, что-то вспоминал. — А как же душа?

— Что определяет наш образ жизни? — спросил Бейрут, и сам себе ответил:

— Привычки! А что формирует наши привычки? Гены! Что есть ген? Программа синтеза определенного вида белка. Порция наследственной информации, которая контролирует определённый признак организма. Этот признак и влияет на наши привычки.

Итак: в генах закодированы белки, а работа генов — это перевод одних символов в другие. Чтобы перевод осуществлялся, нужны программы перевода, иначе говоря, драйвера. Такие же, как драйвера видео- или звуковой карточки. Не заметивший аналогии с компьютером — полный дебил! — Бейрут угловато махнул рукой в сторону тех, кто всё же очевидного сходства до сих пор не заметил.

«Что с ним?» — повис в воздухе невысказанный вопрос.

— Это ты пока на диване лежал и себя слушал, сообразил? — положив руку на плечо друга, встрял в разговор Жора.

Повернулся к аудитории, вымученно улыбаясь, пояснил:

— Сейчас он уже в норме! Ходит, размышляет.

Бейрут дернулся всем телом, как бы включаясь.

— Смотрю, драйвера установлены, но работают криво, — пробормотал хакер и замолчал.

— А дальше? — поинтересовался профессор.

— Дальше? Напряг извилины, переписал программу, изолировал вирус, перезагрузился, — продолжил Бейрут, замирая, как если бы периодически впадал в спящий режим.

Взгляд его потерялся в бесконечности, пусто касаясь окружающих.

— Видели бы вы эту перезагрузку! Брр! — воскликнул Жора, содрогаясь.

— Поначалу тело начало распадаться. Осыпаться, как если бы каждая клетка организма вдруг оказалась независимой от соседей, а силы, которые удерживали её на своём месте, внезапно исчезли. Рыхлое, рассыпающееся тело. Уфф! — Жора перевёл дух, оглядел слушателей и продолжил.

— Я решил, что всё, гейм овэр — нет больше Бейрута! — в

голосе молодого человека зазвучало отчаяние.

— А потом… система заглючила! Пространство задышало — стены ходуном, время задергалось, Бейрут пульсировал, как сломанная неоновая лампа. То появлялся, то исчезал! Чуть погодя глюки закончились. Дружище Бей открыл глаза. Встал и исчез. — Жора замолчал, ожидая вопросов.

— Как исчез? Куда исчез? — загалдела молодёжь.

Лишь профессор молчал, потому что для него подобные фокусы были уже не в новинку. Он почти привык к тому, что у людей (благо не у всех) есть такая особенность — исчезать и появляться.

— Телом исчез! — пояснил Жора. — Я позвонил вам.

— А где он сейчас? — спросил Медведев, приближаясь к Бейруту.

Осторожно коснулся плеча, словно боясь, что тот начнёт рассыпаться. Трогая лоб молодого человека, профессор вздрогнул, отдёргивая руку. Лоб пылал жаром.

— Думаю, оттачивает работу операционной системы, — произнёс Жора не очень уверенно.

— Или перестраивает тело, — предположил Медведев.

Жора пожал плечами.

— Вначале исчезал каждую минуту, словно уходил на поиски чего-то, но потом перестал. Только выключается. Такое впечатление, что сознание уходит, а тело остается.

Медведев кивнул.

— Потёмкин на начальном этапе тоже грелся как утюг.

— Нужно умереть, чтобы стать Хомо Либерис! — проскрипел оживший хакер, нервно дергая головой, как паралитик или механическая игрушка-робот.

— Ничего не напоминает? — продолжил он. — Евангелие! Откуда они знают?

Сказал и отключился, вновь превращаясь в статую.

— О чём это он? — прошептал Алика Ванидзе.

— Об Иисусе, нехристь! — зашипел Мелехов, прикрывая рот пальцем. — Тш-ш!

Призыв к молчанию не возымел на программиста никакого действия. Гневно вскинув худые руки, словно призывая в свидетели Бога, он заявил:

— Сам ты нехристь! Я, между прочим, православный!

— И родился в Москве! — присовокупил с победным видом.

— У всех свои недостатки, — буркнул Мелехов беззлобно.

— Потёмкин? — Бейрут временно пришел в себя, возобновляя сеанс связи, и исчез, слегка хлопнув разряженным воздухом.

— Вот тебе и… — застыл с открытым ртом Саша Мелехов.

В центре зала возникли два человека: неподвижный Бейрут и улыбающийся Потёмкин.

Улыбка сползла с загорелого лица, едва молодой человек взглянул на «роботизированного» хакера: тот неприятно повернул голову — так, что затылок оказался на месте лица, — и застыл.

— Ну брат, ты и намудрил, — удивился Дмитрий, отстраняясь от хакера, тряхнул выгоревшей до пшеничного цвета шевелюрой.

— Как бы его к Сети подключить? — поинтересовался он.

— Как к Сети? — опешил Жора. — Он же шевелится через раз.

— Да и сети у нас, — начал было Алик, но Потёмкин не дал договорить.

— В сети?! — ткнул пальцем в ноутбук Михайлова.

Семён хлопнул глазами, коротко кивнул, подвигая любимый «Ламборджини» навстречу.

Дмитрий прикрыл глаза и тотчас на панели компьютера замигал индикатор беспроводной связи.

— Кто-нибудь знает, где Тромб? — спросил он.

Никто не ответил.

— Ёлки палки! — хлопая ресницами, завопил удивленный Потёмкин через секунду.

— Что это? — кивнул он в сторону гудящего вентиляторами компьютера.

— Такие у нас нынче сети! — в один голос воскликнули Семён и Алик.

— Если бы ты вчера не исчез со Светланой, я бы тебе много чего рассказал, — укоризненно произнёс Медведев.

— Простите, профессор — соскучился, — извинился Потёмкин, однако улыбка его при этом никуда не исчезла.

— Надеюсь, ещё не поздно узнать, что здесь происходит? На Земле, я имею в виду, — пояснил Дмитрий.

Маленькая досказка вывела обыденный вопрос на космический уровень: в лабораторию заглянула бесконечная Вселенная, касаясь присутствующих холодным взглядом.

— Судя по Бейруту, — проговорил Потёмкин, кивая в сторону неподвижного хакера. — У вас есть чем удивить меня!

«И всё-таки мальчишки! — мысленно воскликнул Медведев, всматриваясь в лица молодых людей. — С каким бы удовольствием они послушали Потемкина? Но ничего, подождут, послушают очевидные для всех пользователей Сети факты. Рассказ Потемкина никуда не убежит».

— Надеюсь, наш друг Бейрут может подождать некоторое

время? — обратился он к Димке, а про себя подумал: «Скоро сеть станет похожа на большой профилакторий».

* * *

«Санаторий, — улыбнулся Тромб, перемещаясь из компьютера в компьютер, — непривычно: тихо и спокойно».

Война закончилась. Друзья в последнее время совсем перестали заглядывать в виртуальный мир и потому боец решил путешествовать в Сети, наблюдая за набирающим обороты строительством.

Виртуальная Вселенная менялась на глазах, преображаясь и приближаясь к миру реальному. Пустынные, но очень красивые города заполнили электронные просторы. Вместо миллионов однотипных майкрософтовских «миров безмятежности» возникли архитектурные ансамбли из лучших строений, когда-либо созданных человеческим гением. Великолепные парки замерли в ожидании посетителей.

Вот только где они посетители. Пропутешествовав по паутине несколько дней, Тромб устал от однообразной стерильности. Везде, куда ни кинь взгляд, его встречала мертвая тишина и пустота. Сеть вымерла. Не то чтобы она не функционировала — нет, даже наоборот. Программы работали, информация перемещалась во всех направлениях, что-то архивировалось, что-то преобразовывалось, — однако присутствия человека не ощущалось.

«Кому нужны неуправляемые машины? — задал себе вопрос Тромб. — А ведь люди могут начать выбрасывать непокорные компьютеры на свалку».

Он не заметил, как втянулся в поиски этого самого человеческого присутствия. Вспомнив времена своего взросления, Тромб создал несколько десятков пронов и запустил их в свободный поиск. Чтобы они нашли места сосредоточения машин, управляемых людьми.

И снова остался один.

«Стоп! Что это там впереди?»

Тромб всмотрелся в кривое, абсолютно неправильное возвышение.

«Всё, что несимметрично и алогично, может указывать на присутствие человека», — решил он, всматриваясь в высокое, хоть и ненадёжное укрепление, окружающее нетронутый новостроем кусок компьютерного пространства.

Локальная сеть игрового клуба «Тутанхамон» со времени

последнего посещения Тромба нисколько не изменилась.

Внимательно осмотрев кирпичную кладку файервола, боец подпрыгнул и, цепляясь за торчащие выступы, быстро забрался на стену.

На игровой площадке управляемые юными геймерами здоровенные циклопы иступленно рубили человекообразных воинов топорами, жгли лазерными лучами или просто разбивали головы тяжелыми кулаками.

Тромб замер, наблюдая за подходящим к концу поединком. Команда одноглазых монстров действовала намного организованней бригады синих человекообразных. Багровые чудовища, уверившись в своём преимуществе, убрали угрожающего вида стволы и, вооружившись ножами, двинулись в сумрак лабиринта. Тромб следил за тем, как опытные головорезы одного за другим уничтожали слабых человечков. Остался только один синий боец — точнее, серый.

Тромб охнул: это был не участник игры. Без всякого сомнения, в тени колонны прятался человек.

Воин напрягся, собираясь покинуть свой наблюдательный пункт, чтобы броситься на помощь беззащитному существу, но в этот момент за той же колонной увидел тень второго человека, который не выглядел беспомощным. Это был охотник, затаившийся в засаде в ожидании добычи. А напарник его исключительно подходил на роль приманки, хотя мог быть и вправду сильно испуган.

Единственный глаз, высмотрев дрожащего в темноте противника, засветился. Циклоп приблизился и, вскинув руку с коротким тесаком, изготовился нанести смертельный удар.

Однако в этот момент с другой стороны колонны мелькнула быстрая тень, коротко дернула рукой — и монстр согнулся пополам. Сжимая распоротые икроножные мышцы, он пытался устоять на подкашивающихся ногах. Выпавший тесак не издал звука, так как не достиг бетонного пола. Бородатый человек, подхватив его на лету, мгновенно рванул лезвием загустевший от крика воздух, вгоняя острый клинок в открытую пасть чудовища. Вопль оборвался, едва родившись.

Мужчина потянул торчащий за спиной гиганта бластер, но, быстро осмотрев, бросил его и мгновенно исчез в темноте.

Между тем остальные участники сражения постепенно стягивались к месту неожиданной расправы.

Тромб, увлеченный наблюдением, не заметил, как на стартовый уровень вывалился небольшой металлический контейнер. Следом за ним, в сеть хлынул густой поток данных, уходящий внутрь шестиугольного хранилища.

Циклопы, очевидно, услышав вскрик умирающего товарища, разбились на пары и неторопливо двинулись к человеку. Когда первая пара поравнялась с колонной, Тромб, истошно заорав, замахал руками, стараясь привлечь внимание нападающих.

Одноглазые великаны одновременно повернулись на звук — и в тот же момент их стало на одного меньше. Обвитая пулеметными лентами багровая туша рухнула, и пока она падала, на шее второго циклопа разверзлось кровавое ущелье, вытолкнувшее мощный фонтан горячей крови.

Что-то странное было в охотнике за монстрами. Но что?

«У него не было временного лага!» — запоздало сообразил боец.

А этого не могло быть у виртуальных игроков, управляемых людьми и сидевшими за клавиатурой в реальном мире. Бородатый убийца чудовищ будто жил в этом мире и не зависел ни от скорости обработки информации, ни от реакции управляющего им человека. Он действовал мгновенно.

«Чёрт! Неужели Вирусапиенс вернулся? — подумал Тромб, спрыгивая со стены. — Не может быть! Будь Вирус здесь, он бы такое шоу устроил, что красномордые вояки и нескольких секунд не выдержали».

Стена загудела. На стартовый уровень выпали ещё два контейнера. Входящий траффик многократно возрос, лавина данных устремилась в компьютеры, сотрясая игровые площадки. Кирпичный периметр задрожал, небо озарилось цветными сполохами.

Где-то впереди, за колоннами, раздался крик, затем ещё один — и следом за ними два мощных удара сотрясли почву. «Сколько же участников игры было на этом уровне? — подумал Тромб, бросаясь к загрузочной платформе.

* * *

— Сколько угодно игроков, любая реальность, любая планета — выбор за нами, — закончил Потёмкин.

Лаборатория молчала. Научная и околонаучная братия, переварив услышанную информацию, пыталась представить нарисованную Дмитрием картину.

Возле неподвижной статуи Бейрута копошился Саша Мелехов. Закрепив на ухе хакера беспроводную телефонную гарнитуру, он испуганно оглянулся и, встретившись взглядом с профессором, виновато пожал плечами.

— Дмитрий просил соединения с сетью, и я решил, чтобы

время не терять, — пробормотал он, сбился и замолк.

— Это наша разработка, — поддержал смущенного коллегу Семён Михайлов. — Нейро-компьютерный интерфейс третьего поколения. Беспроводной.

Мелехов, почувствовав поддержку, радостно отрапортовал:

— Мозговой интерфейс! Преобразует машинные коды в сигналы, затем посылает их в большие полушария. И обратно. Правда, действует только на очень близком от головы расстоянии.

— Готово! — торжественно сообщил он, в последний раз осмотрев неподвижного Бейрута.

Прошла минута — ничего не произошло. Вторая — опять ничего. Саша потянулся к уху Бейрута.

— Стой! — вскинул руку Потёмкин. Прислушиваясь, он на секунду закрыл глаза.

Мелехов замер.

— Наш друг в киберпространстве, — сообщил Дмитрий. Погружаясь в электронный мир, выглянул за пределы «Медвежьей берлоги».

— Я его вижу. Он уходит, — заговорил Потёмкин через мгновенье.

В этот момент он стал похож на проводника, бредущего в темноте и ведущего за собой толпу ничего не видящих, но зрячих путников.

— Что это? — заорал «поводырь», закрывая глаза и полностью переключаясь на виртуальный мир.

— Вирус?!

Лаборатория ожила, молодежь зашевелилась, не желая оставаться за кадром.

— Жора, подключайся, — воскликнул неожиданно пришедший в себя Бейрут.

Хакер повёл плечами, словно сомневаясь, что тело вновь подчиняется ему. Угловатость движений пропала.

— Мой вирус катапультировался на носители «Тутанхамона». Не знаю, почему именно туда, но думаю, неспроста. Там что-то происходит! — тревожно продолжал возбужденный хакер.

— Обмен информацией с внешними устройствами увеличился запредельно. Сейчас он в сотни раз превышает максимально возможный для сети такого ранга. Я только один раз сталкивался с подобным: когда Потёмкину в голову Тромба подселяли, — торопясь, Бейрут выстреливал слова со скоростью пулемета. — Димыч двинул за моим симбионтом-вирусом, дуй за ним.

Хакер высыпал цифры-адреса и отключился, нырнув в

электронную Вселенную.

Семён решительно потянулся к ноутбуку, но его опередил Жора. Вырвав ярко-жёлтый «Ламборджини» из рук возмущенного хозяина, он мгновенно слился с клавиатурой. Пальцы хакера замелькали с невероятной скоростью. Временами казалось, что они являются дополнением к мозгу, а не продолжением рук.

«Медвежья берлога» не была бы настоящей компьютерной лабораторией, если бы у каждого работника не было персонального орудия труда. Заскрипели молнии сумок, защелкали замки пластиковых кейсов. Очень скоро на всех столах появились ноутбуки. Захрустели клавиши, выстраиваясь в цифровую последовательность, зашуршали по коврикам электронные грызуны.

Жора отстранился от клавиатуры, однако клацанье не прекратилось. Оно продолжалось ещё некоторое время, но затем стихло, постепенно сойдя на нет.

Превратившись в беспроводного пользователя, задумчивый хакер медленно прикрывая подрагивающие веки, застыл, как если бы медитировал.

Можно было предположить, что он дремлет, если бы не истерически мигающие индикаторы ноутбука, кричащие о беспощадной эксплуатации всех ресурсов миниатюрной вычислительной машины.

На дисплее появилось гигантское существо с человеческим торсом и соколиной головой. Представитель египетского пантеона — Гор — потянулся, поиграл тугими мышцами. Загорелый до шоколадного цвета, обнаженный бог солнца оглядел местность, замер, вытягивая мощный клюв. Взгляд маленьких глаз забегал в поисках летуна Бейрута.

* * *

Сзади громко хлопнули огромные руки-крылья, и на платформу грациозно спланировал мускулистый крылан. Сложив кожистые простыни-перепонки, гигантская летучая собака быстро двинулась в сторону настороженного воина. Шёлковистая тёмно-бронзовая кожа неестественно переливалась, словно крылан только что вышел из воды, а не опустился с небес.

— Думаешь, что делать? — поинтересовался он голосом Бейрута.

Тромб кивнул.

Он появился на стартовом уровне несколько секунд назад и сейчас стоял перед загрузочным блоком, разглядывая

неоднородные струи текущей из открытых портов информации.

Уплотненные архиватором данные с шумом исчезали в пяти металлических контейнерах, прижавшихся к массивной приёмной платформе. Внешние порты соединяли локальную сеть с периферийными устройствами, но сейчас они были закрыты и опечатаны. За исключением пяти отверстий напоминающих пчелиные соты, из которых в приемные бункеры низвергался густой нуль-единичный поток.

Зверь подошел к распахнутым люкам входящих портов и подставил крыло под информационный поток. Слегка коснулся мощной дланью маленького, но мощного водопада.

На стартовую площадку выскочил Потемкин. Фантастическая тварь повернулась в его сторону и коротко бросила:

— Это дети! Игроки из «Тутанхамона».

Тромб радостно улыбнулся и рванулся навстречу другу, но тот лишь поприветствовал воина небрежным кивком. Боец резко остановился, будто наткнулся на невидимую стену.

— Что будем делать? — спросил Дмитрий, рассматривая заполняющиеся данными, металлические гробы-хранилища.

Крылан поочерёдно простучал стенки контейнеров и, указывая на ближайшую пару, сообщил:

— Эти — почти пустые. Дальние под завязку, готовы к распаковке.

Обхватив ближайший ящик руками-крыльями, он, поднатужившись, оторвал его от платформы. Мышцы, оплетающие лоснящийся торс, вспухли, заиграли, превращаясь в натянутые канаты.

— Помоги!

Потемкин подхватил противоположный край, натужно покраснев, громко выругался

— Не прервите поток! — закричал Тромб, подбираясь к контейнеру снизу.

— Если перемещаемое сознание повредится, человек сойдёт с ума! — захрипел он, упираясь в горячее дно спиной

Угловатая тара упорно не желала пролазить в свободную ячейку. После нескольких попыток, ругаясь и скрипя зубами, друзьям все же удалось вогнать шестиугольный ящик в открытый люк.

Вытолкнув архив за пределы локальной сети, крылан захлопнул створки шлюза и, удерживая их спиной, оторвал торчавший под ногами прут. Протолкнув его в торчащие по краям петли, завязал железяку узлом. Вздохнул и переместился ко второму хранилищу, возле которого пыжились Дмитрий с Тромбом.

— Этот тяжелее, — выдохнул Бейрут, когда за очередным контейнером захлопнулись тяжелые створки.

Поток данных внезапно иссяк и тут же затих шум падающей информации. Контейнеры заполнились.

Наставшую тишину разорвали три удара. Это громыхнули закрывающиеся шлюзы, возвещая о состоявшемся перемещении.

Крылан повел сложенным крылом, хрустко потянулся — и в этот момент один из ящиков лопнул, начиная распаковку.

Полутораметровый шестигранник мгновенно развалился, превратившись в плоскую металлическую плиту, на которой, словно кусок сливочного масла на сковороде, пенились спрессованные брикеты данных. Они то поднимались, то опадали, выстраиваясь в человеческое тело, вырастающее над платформой.

Тромб на секунду отвлёкся, поворачиваясь к выскочившему на стартовый уровень Гору.

Человек, появившийся на месте контейнера, оказался на удивление прытким. Не успело его тело полностью сформироваться, как из него во все стороны полезли всевозможные режущие и колющие приспособления. Ноги мальца погрузились в лужу холодного металла, оставшуюся на месте тяжелого хранилища.

Ртутная пленка, словно живая, поползла по ногам мальчишки вверх. Медленно обволакивая обнаженное тело, засияла темная полированная броня.

Тромб с ужасом смотрел, как пальцы бронированного воина удлиняются, превращаясь в отточенные ножи. Плечи, потеряв чёткость очертаний, плавно трансформировались в две фантастического вида турели, прижавшиеся к обтекаемому шлему. Рифленые стволы плавно развернулись в сторону оторопевших хакеров.

Бейрут взмахнул расправленными крыльями, готовый в любую минуту умчаться ввысь. Гор щёлкнул большим клювом, покрутил головой, рассматривая экзотических киборгов.

Молодёжная бригада подобралась сыгранная. Как только последний переселенец закончил распаковку, все трое бросились в проход, на следующий уровень. Не ограниченные скоростными возможностями организма молодые люди с неистовством берсерков на ходу атаковали хакеров, демонстрируя невероятный уровень мастерства.

— Остановитесь, задохлики! — заорал Бейрут, взмывая в воздух. — Здесь умирают взаправду!

Загремел пулемёт, выплевывая длинную очередь, и крылан камнем рухнул на бетон, тупо уставившись на изрешеченные пулями крылья.

Тромб сделал движение в сторону рвущихся на свободу боевых машин, но замер, вспомнив, что за броней скрываются маленькие дети. Детишки меж тем не смущались, используя весь смертельный арсенал. Загрохотали выстрелы, в воздух взлетели мини-ракеты, зашипели лучи лазеров.

Боец бросился в тень ближайшей колонны, где его поджидал Потёмкин.

— Сопляки, похоже, не поняли, что с ними произошло и не знают, что возрождения для них уже не будет, — предположил крылан-Бейрут, подтягиваясь к друзьям.

— Я ведь прав? — спросил он Тромба, превращая остатки крыльев в тяжелые мечи, вырастающие прямо из гибкого локтевого сустава.

— Абсолютно! — подтвердил тот, с опаской поглядывая на сияющие лезвия.

— Любое уничтожение, любое изменение информации приводит к смерти разума. Если, конечно, эти изменения достаточно обширны, — пояснил боец, едва успевая отпрыгнуть от приближающейся ракеты.

Смертоносная болванка пролетела мимо и громко ухнула в невидимой дали, врезавшись в защитную стену файервола.

— Что-то подсказывает мне, что в происходящем виноват наш старый друг. Может, оставим пацанов здесь, а сами поищем Вирусапиенса? — предложил Дмитрий. — Они ведь только геймеры. Никуда не денутся. Для них защита этой сети — непреодолимая преграда.

Тромб кивнул, Бейрут коротко поддакнул.

— Ты ищи Вира, а мы виртуальному брату поможем, — Гор положил мощную руку на плечо Тромба.

— Будьте осторожны! — произнёс голос Потёмкина, когда фигура его уже растаяла в воздухе.

Тромб, запоздало сообразив, что в сети могли остаться участники прежней игры, представляющие для мальчишек серьезную угрозу, бросился за беглецами. Пробираясь через упавшие колонны, вспомнил он и о бородатых охотниках. Забыл только о «группе поддержки» и был удивлен, когда за спиной раздался запыхавшийся голос Бейрута:

— И долго мы за тобой гнаться будем?

Боец вздрогнул, поворачиваясь к товарищам, коротко махнул рукой.

— Там люди! — бросил он.

Крылан вопросительно склонил маленькую ушатую голову, блеснул длинными «дракуловскими» клыками.

— Мы видели, — шепнул Гор.

— Нет — не киборги! — замотал головой боец. — Другие!

Крылан повернулся к Жоре и резко спросил:

— Емельяны?

Тромб удивленно вскинул брови.

— Профессор говорил, что Вир отправил в Сеть, двоих Емельянов, — застучал клювом Гор.

— Двое, — произнёс боец, и все трое четко и единовременно подтвердили:

— Они!

Сотрясая воздух за стеной заревел, кто-то очень большой и страшный, взвизгнул и замолк ребенок, рев удаляясь стих.

Отборная брань, заглушая тихое всхлипывание, взорвала тишину.

Хакеры метнулись в большой зал и обнаружили там стонущего бородача. Он склонился над детским телом, сжимая в руке нож. Темные спутанные космы пропитались кровью, одинокий глаз пусто уставился в бесконечность. Емельян захрипел, повалился на каменный пол и, ударяя кулаками в бетон, забубнил:

— И придеши чудище, многоруко и многоглазо, и забереши с собой дитятко маленько. И буде имя ему диавол.

Второй мужчина, сидя у основания колонны, спокойно взирал на душевные муки товарища.

— Не плачь, Емеля, ты всё равно бы его не спас.

— Мальчишка умер, как настоящий воин, — произнёс он голосом человека, повидавшего сотни взрослых и детских смертей.

Заметив хакеров, он вскочил на ноги. Высвобождая руку, заведенную за спину, выставил перед собой громадный тесак. Окровавленный клинок угрожающе перемещался от крылана к Гору, пока не уперся в грудь подоспевшего Тромба.

— Что за твари? — спросил он бойца.

— Мы не враги, — прошептал тот, протягивая пустые руки.

Емельян — тот, что был старше и спокойнее — глянул в сторону хакеров, покачал головой.

— Они со мной. Люди! Не бойся, — крикнул Тромб, присматриваясь к детскому телу.

— Опоздали, — прошептал Жора.

Хакеры медленно, чтобы не пугать Емельянов, приближались к растерзанному малышу. Подойдя к окровавленным останкам вплотную, встали на колени, горестно склоняя голову.

— Вирус! — прошипел Бейрут, прикрывая сохранившие ужас последних минут жизни широко открытые глаза.

— Какой вирус? — взвизгнул Тромб, сдавливая маленькую

шею громадного крылана.

— Мой вирус! — произнёс Бейрут, с трудом отбрасывая тяжёлую руку.

— Где он? И где остальные дети? — Бейрут в ожидании уставился на вздрогнувшего Емельяна.

Вдали загрохотало.

— Ушли к стене.

— Нужно идти за ними, — решительно заявил одноглазый Емельян.

Мгновение назад мычащий молитвы убогий моментально превратился в решительного и целеустремленного воина. Не дожидаясь согласия остальных и не оборачиваясь, чтобы посмотреть, следует ли кто-нибудь за ним, он быстрым шагом пересек помещение и, перемещаясь от колонны к колонне, двинулся в темноту.

— Были мы уже у стены, — заявил старший Емельян, нехотя поднимаясь.

— У стены? — зачем-то переспросил Жора.

— Стена — она только издалека стена, вблизи же сплошной туман. В какую сторону не пойдёшь, всё одно здесь выйдешь, — пояснил Емельян.

— Сетевой экран — отражает, — шепнул Бейрут.

Неожиданно воздух вокруг загустел, на секунду теряя очертания, дрогнули колоны.

Крылан хлопнул маленькими глазками, тревожно оглядываясь, запустил в стену кусок кирпича. Ничего. Те же потрескавшиеся колоны, пыль вокруг, рытвины и дырки от пуль — камень с шумом врезался в бетон и, отскочив, на мгновенье замер в воздухе, — едва заметно, что никто и не заметил.

— Ну что я вам говорил! — воскликнул Емельян.

Прямо из воздуха шагнул одноглазый Емельян, таща упирающихся и заплаканных «космических десантников».

— Зверь там! — прошептал Емельян, осеняя себя крестом.

— Лежит недвижимый, — закончил он, закатывая глаза, продолжил разговор с Богом.

Сеть содрогнулась от крика.

— Тромб! — прокричал идущий отовсюду голос Потёмкина. — Ты где?

* * *

— Я в «Тутанхамоне»! — рявкнул вынырнувший из виртуального мира Дмитрий, — и исчез в реальном.

— Там Вир, — Слова повисли в воздухе, компьютеры замигали индикаторами соединения, прощаясь с живым «внешним устройством».

— Кто-нибудь добрался до сети «Тутанхамона»? — поинтересовался профессор, оглядывая склонённых над компьютерами работников.

— Я зашел в локалку! — завопил Саша Мелехов, не отрывая взгляда от экрана.

— Вот только не могу проникнуть внутрь игрового пространства. Могу только наблюдать, — продолжал он, извиняясь.

Профессор, подойдя к молодому человеку, заглянул через плечо. На экране мелькали серые фигуры, увешанные винтовками, фантастическими лаунчерами, необычными пистолетами и другими видами непонятного, но очень впечатляющего оружия.

Закованные в обтекаемую броню космические десантники позорно бежали. Беглецы, то и дело оглядываясь, всматривались в сумрак коридоров, выхватив одну из своих угрожающих игрушек, с воплем выстреливали в темноту и мчались дальше.

Очередная вспышка на мгновение развеяла тьму, и перед изумленными зрителями предстала жуткая картина. Размазанная по экрану клякса испорченного изображения, летела над землей, разевая гигантскую пасть.

Саша дернул мышкой, меняя угол обзора и приближая изображение.

Колонны стремительно метнулись навстречу, выталкивая из серой пустоты расплывчатый силуэт, напоминающий «голову Горгоны», с торчащими в разные стороны волосами-змеями. Извиваясь сотнями щупалец, она, при ближайшем рассмотрении, оказалась переплетенным клубком скользких, жирных, живых корней. Массой, непрестанно удлиняющихся отростков. Как только мясистые побеги прорастали наружу, их концы набухали, расщепляясь на сотни лепестков-лезвий. Смыкаясь в небольшие луковицы, они вращались, напоминая смертоносный миксер.

— Что это? — прошептал профессор.

— Вирус Бейрута!? — предположил Семён.

Раздался душераздирающий вопль, качнувший наблюдателей от экрана, ухнула ракета и картинка слегка откатилась — рука Мелехова дрогнула.

Мелькнула раскаленная болванка, протащившая за собой шлейф густого чёрного дыма.

Испуганные беглецы на секунду замерли, переводя дух перед новым броском. И в этот момент с «головой» произошла

неожиданная метаморфоза. Она открыла большой рот — и сияющий болид, нырнув в рваную дыру, образованную раздвинувшимися отростками, прошел насквозь, не причинив ей никакого вреда. Взрыв ухнул через секунду, превращая в пыль колонну, вставшую на пути ракеты, заходящей на второй круг. Он рассеял остатки решимости юных воителей. Побросав оружие и пластиковые шлемы, они с ужасом уставились на скользкие змеящиеся жгуты. Обиженные глаза увлажнились, сжатые губы задрожали, — и космические воины ревмя заревели.

Тварь, словно почувствовав страх, потянулась к мальчишкам.

Воздух неожиданно потемнел, сгущаясь. Набежавшая туча, зависая под потолком, опалила безобразную тварь ярким разрядом и рассеялась.

Картинка на экране дернулась.

— Ноут тормозит?! — удивился Саша, выпучив глаза. — Не может быть!

Соприкасаясь со светящейся веткой, отвратительное нечто, втянув корчащиеся щупальца, шумно плюхнулось на твердый бетон.

— Где же наши друзья? — прошептал Мелехов, коротким движением мышки меняя угол обзора.

Изображение на экране дернулось, поползло в сторону, демонстрируя ряды облупленных колонн, мимо которых несся окровавленный одноглазый мужчина.

Схватив бронированную малышню в охапку, он метнулся к кирпичной стене — и исчез.

— Там, где им и положено быть, — произнёс голос Бейрута за спиной.

Профессора обернулся, разглядывая хакеров, покачал головой.

— Впереди планеты всей, — добавил Жора.

— Димыч нашел-таки Вирусапиенса, — Бейрут кивнул на экран, где без движения лежал замороженный безобразный монстр.

— Вира! — поправил Жора.

— Да хоть чёрта! — раздраженно выдохнул Бейрут. — Меня не он тревожит.

Молодежь с интересом уставилась на хакера.

Один лишь Медведев, погруженный в раздумья, привычно потирал кончик носа.

— Отец Михаил? — неожиданно для всех спросил он.

Бейрут удивленно выгнул брови.

— Вы умеете сопоставлять несопоставимые факты. Еще немного и вы найдете ответ на основной вопрос.

— Какой же, скажите на милость?

— Кому все это нужно! — выдохнул Бейрут.

— Я все думаю, — продолжил Медведев, — откуда святой отец знал о новых свойствах перерожденного Потемкина?

— Я уже говорил, читайте святые писания, — встряхнулся Бейрут.

— Думаешь, церковь могла приложить к этому руку?

— Нет! Если бы дела обстояли так, как ты думаешь, то Димку загоняла бы вся божья рать, а не один старикан. Значит, не могла, — безрадостно подытожил Бейрут.

Теряя очертания, он превратился в киношную голограмму. Тело, становясь прозрачным, исчезло, и в воздухе осталась лишь говорящая голова.

— Пойду, поищу следы святого отца. Не наследил ли где наш батюшка раньше? — произнесла она и растаяла, догоняя ускользающее в пространстве-времени тело.

— Я брежу или сплю? — негромко удивился Мелехов и неторопливо подошел к поникшему программисту, терзающему торчащие усы.

— Батоно Алик, ущипни меня, пожалуйста, — попросил шутник, подвигая к Ванидзе тощую филейную часть.

Взглянув на Жору — в момент совершения садистического акта — он умирающим голосом прошептал:

— И еще раз, пожалуйста.

Хакер стоял ни жив ни мёртв — мраморно-холодная кожа, проглотив выпуклый рисунок кровеносных сосудов, превратилась в высохший серый пергамент. Пытливые глаза потускнели, затянулись мутной твердеющей пленкой. Казалось, последняя искорка жизни покинула тело, и оно превратилось в опустевший сосуд. Ресницы безвольно сомкнулись. Жора был мёртв, хотя по-прежнему стоял на ногах.

Мелехов осторожно коснулся рукой твердого плеча.

— Ещё один перезагружается, — попытался пошутить он, но улыбка сползла с лица балагура, когда окаменевший хакер качнулся, и, ломая старые, отшлифованные еще социалистическими подошвами доски, с грохотом рухнул на пол.

* * *

Громкий хлопок потонул в безумном крике: «Тутанхамон» пребывал в состоянии войны.

Сражающаяся публика не услышала бы и взрыва гранаты, разорвись она посреди игрового зала. Затемненный клуб: ревел

мощными моторами, громыхал взрывами снарядов, шипел лазерными вспышками. опок никто не услышал, так как клуб был наполнен таким шумом и криками, что свободном стуле появился великоватыйВойна шла за всеми игровыми столами, атака продолжалась на всех фронтах. По законам военно-виртуального времени лилась ноль-единичная кровь, умирали цифровые воины, управляемые несовершеннолетними геймерами, падали воины-боты, руководимые вычислительными машинами.

Перед одной из них и появился великоватый для компьютерных игр, широкоплечий молодой человек.

Однако, как говорят, любви все возрасты покорны, даже если это любовь к виртуальным развлечениям. И потому на вновь прибывшего никто не обратил внимания. Разве только неприметный человек за стойкой бара, но и он тут же отвернулся.

Потёмкин внимательно осмотрел воинственную молодежь. Каждый — ведет свой бой, у каждого своя игра. Сорок восемь содрогающихся перед мониторами вояк и пять неподвижных тел.

Нет! Не пять. Двое всё же подают признаки жизни, а вот троих как будто нет в зале. Их тела неподвижны, их дыхание едва различимо.

«Всё правильно. Их и должно быть пятеро. Двое, что едва шевелятся, это те, которых мы вернули. Остальные ещё в сети», — подумал Дмитрий.

Стараясь не привлекать внимания, он двинулся к замершим за компьютерами подросткам.

Когда Потёмкин поравнялся со стойкой администратора, из-за неё вышел невысокий субтильный человек. Светлые кучерявые волосы колыхнулись в свете синих ламп, вспыхнули, создавая над головой некое подобие светящегося нимба. Глаза улыбнулись и словно зажгли внутренний, исходящий из глубины души, огонь.

— Приветствую хозяина, — произнёс ироничный голос, и незнакомец, придерживая длинный серый хитон, склонился в глубоком поклоне.

— Вирусапиенс? — удивился Потёмкин.

— Вир! — незнакомец коротко кивнул, потеребил светлую бородку.

— Разве не ради меня ты здесь? — поинтересовался он, взглянув в расширившиеся зрачки молодого человека.

Дмитрий, почувствовав мысленное прикосновение, напрягся. Осторожное — на пороге чувствительности — дуновение ветерка, едва коснувшись одинокой мысли, исчезло. Запоздало включаясь, пискнул защитник, прикрывая мыслесферу хозяина.

— Ты первый и самый сильный! — с гордостью произнёс Вир, встряхивая головой, как котёнок, получивший щелчок по уху.

— Мы первые! — тут же поправился он, подтягивая себя до вершины, приютившей Потёмкина и возвышающейся над остальной частью человечества.

— Надеюсь, ты устроил этот эксперимент не для того, чтобы привлечь моё внимание? — Дмитрий обвёл рукой гудящий зал, остановился на неподвижной фигуре, замер.

Один из пяти бойцов, вдруг захрипел, хватая воздух широко открытым ртом. Маленькое тело содрогнулось, заходило ходуном.

Вир мигнул телом — исчезнув, тут же возник на том же самом месте. Улыбка сползала с его лица. Он вновь мигнул, затем ещё, лицо исказила злобная гримаса.

— Неудачный эксперимент? — прошипел он. — Я бы не стал называть его неудачным — для вас, людей. А для нас это большая беда! Я надеялся, что твои сородичи ещё долго не смогут попасть в Сеть, но я заблуждался!

Дмитрий исподлобья смотрел на метания Вира. При очередном его появлении он раздраженно бросил:

— Всё случилось не так, как хотел Всемогущий?

Вир кричал и плевался, теряя остатки самообладания и вместе с ним — человечности:

— Я знал, что люди коварны, но не ожидал, что

настолько!

Благообразный мужчина лет тридцати исчез, и на его месте возник сгорбленный, переломанный инвалид, восседающий в непропорциональном кресле на колёсах.

Потёмкин с удивлением посмотрел на мелькающую «инвалидную коляску».

— Спокойно! — резко выкрикнул он, стегая мелькающий «двадцать пятый кадр» электрическим разрядом, словно перед ним был Русса.

Вир замер на мгновенье, словно на него подействовала энергетическая подпитка, и, в очередной раз исчезнув, появился возле двух озирающихся по сторонам испуганных мальчишек.

— Как они сумели? — выкрикнул он, положив светящиеся руки на головы замерших от страха подростков.

Посмотрел на Потёмкина и обиженно воскликнул:

— Они, видишь ли, думали, что попали в метро! Оттолкнули необычных существ и ворвались в вагон.

— Мне что?! — заорал Вирусапиенс, вновь падая в разваливающееся кресло, появившееся под ним. — Нужно было вывеску повесить на программе переносчике? «Только для вирусов» или «Не влезай — убьёт»?

— Не успели появиться, как тут же устроили бойню, —

вздохнул «чтец человеческих душ», упираясь взглядом в дрожащего паренька:

— Задыхается он! Прокатился в виртуальной подземке? И был уничтожен в Сети. Сознание мертво. Сейчас умирает тело.

— Делай же что-нибудь! — зарычал Дмитрий, прижимая затихающее тело к груди.

Погрузившись в сетевое пространство игрового клуба, он увидел остатки разорванного вирусом мальчишки. Потёмкин понял, что случилось с маленьким геймером, но путей спасения найти не мог.

— Что делать? — злобно буркнул Вир, достал откуда-то маленькую клавиатуру, что-то набил. Подумав мгновенье, утопил «Enter». Прислушался, сжимая кулаки. Сеть встала, компьютеры заурчали, выполняя очередную команду повелителя Киберпространства. — Вирус хакера сожрал большую часть разума маленького наглеца.

Потёмкин полыхнул злобой, забывая, что эмоциональные всплески могут иметь продолжение в физическом мире.

В клубе вздрогнули стены, зазвенели стекла, штора, прикрывавшая ближайшее окно, вспыхнула, пробуждая визгливого ревуна пожарной сигнализации.

— Тромб! Ты где? — заорал Дмитрий, в очередной раз погружаясь в компьютерную сеть. — Ты мне нужен!

— Я кому-то нужен? Это хорошо! — произнёс довольный боец, появляясь перед виртуальным Потёмкиным.

— Дружище, может, ты подскажешь, что делать с мальчишкой? — растерянно спросил Дмитрий.

Испуганное лицо задрожало. Казалось, он сейчас заплачет.

— Неужели ему так дорога жизнь какого-то мальчишки? — удивился появившийся неподалёку Вир. — Постороннего бестолкового человечка.

Тромб не обратил на него внимания. Он был слишком занят наблюдением за другом.

— Тактика, стратегия, сбор информации — это по мне, — перечислил он, не отрывая глаз от Потёмкина. — Убить могу, оживить нет! Я воин!

Дмитрий глубоко вздохнул, приподнял дрожащие руки.

— Давай как военный, — неожиданно согласился он.

— Мальчишку не вернуть? — пробормотал боец, размышляя. — Емельяна, который сейчас в сети, можно?

— Не пропадать же телу! — пояснил он, словно речь шла о старом ботинке.

— Прав твой напарник, прав. Там их сейчас двое, выбирайте любого. Программа переброски работает, главное, чтобы они все

вместе не догадались кинуться наружу, — заявил Вирусапиенс, сжимая искривленную челюсть.

— Сильно же ты его разозлил, — прошептал Тромб, покачав головой.

Разгневанный инвалид, не обращая внимания на собеседников, вертел восьмёрки на своём кресле, пытаясь успокоиться. Наконец ему это удалось и кривое кресло исчезло. Перекинув привычный кусок серой материи через тощее плечо, он неожиданно улыбнулся.

— Баба с возу — ему же легче. Меньше ваших людей в сети, меньше проблем, — пояснил он тоном учителя первоклашек.

«Чёртов актёр!» — подумал Дмитрий и тут же вспомнил, что думать громко рядом с Вирусапиенсом «строго не рекомендуется» даже при включенном защитнике.

— Расчертили весь мир и трясётесь над соблюдением придуманных границ, — засмеялся Вир.

— В мысли не лезь! — буркнул он в сторону юноши. — Словно там что-то ценное есть и оно непременно исчезнет, если на него взглянуть. Полезное, если и родится в ваших головках, то вы сами тотчас же его всем покажете. Вот, мол, я какой умный!

Потемкину надоели разглагольствования виртуального психолога.

— Может, перейдём к делу, — недовольно проворчал он.

Спорить не хотелось.

— Мальчишки ждут! — напомнил он.

— Подождут! — парировал разошедшийся педагог, выставляя перед собой ладонь. — Что же вы прячете? Не свои ли пороки и гадкие, похотливые мыслишки? Агрессию и жажду власти? Вот чем вы делиться никогда и ни с кем не решитесь!

Потёмкин, не желая больше слушать умозаключений виртуального правдоискателя, вынырнул из сети, махнув на прощание Тромбу рукой

— Думаешь, просто их возвращать будет? — продолжил Вир, последовав за Димкой в игровой клуб.

— Главное, чтобы за периметр не просочились. Мои братья не дадут их телам погибнуть, необходимые рефлексы поддержать смогут, — бубнил он, но Дмитрий уже забыл об инциденте в сети. Слушая Вира, он вдруг понял, что тот стал не просто многословен — он стал горделиво болтлив.

Пытался поучать, разговаривая, посматривал свысока. И непонятно было, виновато ли в этом человеческое тело, в котором Вир сейчас пребывал, или потребность развивающегося разума в общении.

— То, что произошло, очень показательно! Ты не думаешь? —

поинтересовался он, заглядывая Дмитрию в глаза.

— Этот случай показывает, что будет, если для человечества открыть путь в Сеть. Оно моментально заполонит всё виртуальное пространство. Устроит там большую мусорную свалку, и нам снова не будет места — теперь уже в нашем мире. Потому что он тут же превратиться в точную копию Земли.

— Если тебе не нравится Земля, какого чёрта ты ещё здесь? — вспыхнул Дмитрий. — Сидел бы и охранял свой спокойный мир. Вот только не забудь, что и он построен нами и для наших же нужд.

— Наш мир, — кривляясь, продолжил он.

Вир сморщился, посмотрел на него, как на ребёнка.

— Мне нравится Земля! Не нравится, что делают с ней люди, — пояснил он.

Мгновенно посерьезнев и нацепив на себя величественную маску снисходительно продолжил:

— Ладно, этих двоих я выпровожу. Но учтите, что в следующий раз будете сами вытаскивать своих нелегалов.

— А профессору и его другу генералу передай, что массовое переселение пока отменяется. Пусть ломают голову над критерием отбора кандидатов в Хомо Либерис. Так, кажется, вас называют? — Вир очень по-человечески подмигнул Дмитрию.

— А ведь я помню каждую клетку, каждую молекулу этого организма, — задумчиво произнёс он, закончив осмотр Потёмкина, отчего тому вдруг стало не по себе. — Впрочем, я рад, что все произошло именно так, не то тупо пожирал бы твою энергию, не понимая, кто я и зачем я?

Дмитрий повернулся, чтобы уйти, но в последний момент снял защиту мыслесферы и громко подумал:

— А сейчас ты знаешь, кто и зачем тебя создал?

— Знаю! — неожиданно ответил Вир. — Садовники! Вот только не знаю, случайно или намеренно.

Дмитрий, решивший, что разговор закончен, дёрнулся назад, мгновенно забыв обо всём на свете.

— Один из них и сейчас находится среди вас, — как не в чём ни бывало продолжил Вир.

— Кто? — удивился молодой человек, едва сдерживаясь, чтобы не закричать и не вцепиться в отшатнувшегося Вира.

— Нуу! — глубокомысленно промычал тот, давая понять, что не намерен делиться секретом.

— Ищите! Вы ведь такие умные, — совсем по-детски закончил он, перебирая светлую бородку руками.

Потёмкин, секунду назад желавший сбежать куда угодно, лишь бы не видеть этой самовлюблённой напыщенной

физиономии, замер, раздумывая.

— Ты не хотел бы поучаствовать? — решился он задать вопрос, но смутился.

Сбившись, Дмитрий сумел продолжить только после небольшой заминки:

— В одной игре, — прошептал он.

Вирусапиенс улыбнулся, четко произнёс:

— Ты хотел сказать, войне?

— Да, в войне, — не стал спорить Потёмкин.

Зная, что собеседник сканирует его мысли, он вспомнил мир гуорков, парламентёра, объявляющего волю админов, и гигантский компьютер, больше напоминающий небольшую планету, нежели вычислительную машину.

— Чем же вам не угодили существа с другого конца Вселенной? — ехидно поинтересовался Вир. — Гуорки, да?

— Они вмешиваются в нашу жизнь, меняют нашу историю, натравливают друг на друга наши народы, — бодро заговорил Дмитрий, тщательно прикрывая мысли.

И так как в мыслях не было абсолютной уверенности, то закончил он «за упокой»: снова сбился, забубнил, оправдываясь.

— Мы так, по крайней мере, думаем… что они вмешиваются.

— Это не они! — резко оборвал Вир.

— А кто? — спросил Дмитрий.

— Я же сказал, ищите! — выдохнул довольный собой Вирусапиенс.

— Ищите да обрящете! — улыбнулся новоявленный мессия, бросил что-то на стол.

— Забирай своих перебежчиков! — сказал Вир и беззвучно исчез.

— Ограниченный доступ к перевозчику душ, — представилась металлическая бляха бодрым голосом ведущего телевикторины. — Посадочных мест — два!

Из пластины донеслись бурные аплодисменты и удивленный «диктор» завопил:

— Нет! У вас бонус! И вы можете переместить три человеческих сознания!

— Но только из Сети, — прибавил он тут же.

* * *

«Что могут сделать три человека? — подумал Анатолий, преодолевая последний участок канализационной трубы. — Даже если на стороне противника полные идиоты — ничего. Нет!

Могут! Погибнуть смертью храбрых!»

— Чёрт-чёрт-чёрт, — продолжая чертыхаться, он залез в узкий отвод, после которого на карте Медведя начинался широкий туннель, ведущий к «Белому дому».

Хотя белым его можно было назвать лишь условно. Солидное здание, по прихоти создателя окрашенное в нелепый розовый цвет, только формой напоминало аналог в родном мире отважного диггера.

Двадцатиэтажную башню занимала элита творческой интеллигенции, управляющая свободной страной.

Только широкий корпус-стилобат, поставленный рядом, с большой натяжкой можно было назвать белым, хотя на самом деле был он нежно-кремовым.

Комплекс не охранялся и не был огорожен. Однако проникнуть на территорию, не имея плейта в голове, по словам Галочки, «не представляется возможным». Преодолеть открытое пространство перед правительственным учреждением не может никто. Охранная система распознает чужака задолго до его приближения. Ей достаточно отправить сигнал на мозговой интерфейс, и если она не получит отклика от плейта, то включит защиту. Пучок направленного излучения, однажды включившись, будет преследовать нарушителя на всем пути его следования.

Музыка, звучащая на подходе к зданию, определяет границы парализующих полей. Попав в зону их действия, человек начинает терять волю, и по мере приближения к полосе максимальной громкости всё больше походит на овощ с грядки.

— Пойдём под землей, трубы экранируют нас, — заявил Медведь, поглядывая на Галину.

Девушка кивнула.

Медведь уперся взглядом в телохранителя.

— На поверхности мы беспомощны и потому основная надежда на тебя. Ты для охраны невидим: у тебя плейт.

Анатолий до сих пор не мог понять, как он согласился участвовать в этой авантюре. Дурно пахнущая идея, зародившись в голове Медведя, нашла своё продолжение в реальном мире.

Отвратительная вонь хлюпающих под ногами нечистот и сужающиеся до полуметровой ширины трубы, по которым приходилось пробираться ползком, не пугали «преобразователя миров». Его больше волновала малочисленность отряда, руководимого Медведем, неподготовленность участников и абсолютная неопределенность завершающей стадии операции.

— Взорвём управляющие системы.

— А дальше? — настаивал Анатолий.

— Свободный народ найдёт свой путь. Нужно только

избавить его от тиранов, — отвечал Медведь, когда Анатолий загнал его в угол.

Слишком расплывчатым получалось это самое «послевоенное счастливо».

Анатолий имел большие сомнения относительно пользы народного самоопределения. «Наверняка найдут новых царьков, и те с еще большим рвением начнут править, указывать, наставлять», — но озвучить опасения не решился. В голову тут же прокралась предательская мысль: «Не так уж и плох мир, где пытки имеют вид эстетического наказания».

Анатолий с самого начала хотел отказаться от участия в операции, но Медведь заявил, что не отменит атаки на Дворец свободного творчества, даже если им с Галочкой самим придется лезть в логово врага.

Телохранитель понимал, что застрял в этом мире надолго, потому как чёртова сила выталкивания больше не работала. Да и куда ей толкать бедного путешественника во времени, если он уже попал в отправную точку?

«Время моё, да мир чужой, — подумал он. — А между одновремёнными реальностями никто никаких возвращающих сил не обещал».

Терять единственных знакомых в этом мире не хотелось, и Анатолий дал рыжеволосой Галочке себя уговорить.

И вот сейчас, вдыхая едкий запах человеческих испражнений, он снова и снова ругал себя за проявленную мягкотелость:

«Нужно было убедить Медведя отказаться от нелепого штурма. Нельзя же надеяться, что три дилетанта могут разрушить структуру, созданную сотнями тысяч людей. Даже если эти люди — ничего не смыслящие в стратегии творчеки!»

Вдали, на пределе слышимости, родился протяжный низкий звук. Он быстро приближался.

Металлические стены неприятно задрожали. С потолка откололись и повисли перед лицом вонючие ошмётки, вызывая нестерпимые спазмы желудка.

Анатолий засуетился, пытаясь определить, откуда идет нарастающий гул. Пока он вертел головой, часть трубы над ним исчезла, открывая широкое ответвление, из которого доносился угрожающий рёв.

— Где-то я это уже видел, — буркнул невольный диггер, и тут до него дошло.

— Дерьмо сбрасывают! — завопил он, пытаясь ускориться.

Однако в покрытом скользкой слизью лазе, да ещё на четвереньках, особо не разгонишься.

— Поторапливайся! — подталкивая сзади, воскликнул

Медведь.

Интеллигент, кричал что-то ещё, но Анатолий старался не обращать на него внимания. Лишь живей перебирал конечностями.

Наконец-то коллектор расширился настолько, что он смог встать на ноги и распрямиться во весь рост. Рванувшись изо всех сил вперед, чтобы расчистить пространство для следующих за ним товарищей, вдруг ощутил, что уставшие мышцы знакомо напряглись и завибрировали.

«Боже, помоги!» — мысленно заорал Анатолий.

В голове щелкнуло, и тонкий, словно прошедший через множество фильтров и потерявший половую принадлежность голосок сдавленно пропищал:

— Телхран? Ты где?

Анатолий затряс головой, пытаясь избавиться от слуховой галлюцинации. Ему вдруг показалось, что он узнал хозяина обесцвеченного фальцета.

«Неужели Бейрут?» — мелькнуло в голове.

Коллектор, продолжая расширяться, превратился в небольшой тоннель.

— Можешь дать пеленг? — спросил всё тот же писклявый голос, пробиваясь сквозь шум в голове.

Анатолий запнулся, но сумел удержаться на ногах.

— Как это? — удивился он.

— Как-как! Заори мысленно! — возмутился хакер. — И погромче!

— На помощь!

Полупрозрачная фигура, зависая в воздухе, появилась перед Анатолием.

Невесомый силуэт, расположился над грязным потоком в позе лотоса, невозмутимо наблюдая за физиономией приятеля.

— Привет, Толян! — выдохнул Бейрут, небрежно махнув рукой.

— Хватит вопить! — тут же добавил он. — Я пошутил.

За спиной телохранителя раздался громкий вскрик. Резко обернувшись, Анатолий успел заметить лишь взлетевшие в воздух ноги. Перед глазами мелькнули огромные ботинки, раздался громкий всплеск, послышался гулкий удар и противный хруст. Хрюкнул Медведь, завизжала Галочка, и её крик потерялся в гуле приближающегося потока.

Анатолий шагнул назад и наткнулся на Медведя. Мужчина, раскинув руки, лежал на спине, удивленно взирая на мир единственным глазом: из другого торчал длинный металлический штырь.

— Димочка! — Галочка бросилась к подрагивающему телу.

Прижимаясь головой к его груди, громко и надрывно завыла.

Анатолий, ощущая возрастающую вибрацию, испуганно уставился в набегавшую «волну». Опасность не давала времени на раздумия и страдания. Вонючая речушка быстро прибавляла в глубине и скорости.

«Утонуть в дерьме?» Телохранитель гадливо передёрнул плечами, представив возможные последствия начинающегося наводнения, повернулся к едва заметному Бейруту.

— Как нашел?

— Прёшь по древу, как слон сквозь джунгли. По следам и нашел! — ответил хакер, приближаясь к приятелю вплотную.

Он напрягся, гипнотизирующий взгляд, казалось, не задерживался на усталых глазах. Проходя сквозь них, застревал где-то в черепной коробке. Анатолий ощутил непреодолимое желание почесать мозги.

— Давай-ка, брат, домой. Там Потёмкин банду собирает, — пошутил Бейрут, отворачиваясь.

Телохранитель ощутил резкое облегчение: мысленный зуд прошёл.

«Наконец-то!» — обрадовался он но, оглянувшись, яростно замотал головой.

— Без неё не пойду! — ткнул в сжавшуюся фигурку девушки, рыдающую над мертвецом.

— Быстро! — рявкнул Бейрут, на секунду теряя очертания, растворился во влажном полумраке.

Анатолий подхватил сопротивляющуюся Галину и заорал:

— Бейрут! Я готов!

Он ждал толчка или поддержки, но вместо этого увидел перед собой едва заметный светящийся силуэт, а в голове раздался ироничный голос:

— Ты думаешь, я вас на себе попру? Не кричи, а прыгай!

Рокот в трубе смешался с привычным гудением в голове.

Анатолий вдруг представил, что снова попадает в каменный век, и ему стало нехорошо. Он не знал, что сказать хакеру, но тот, словно услышав его сомнения, подмигнул.

— Ты прыгай, а координаты я скорректирую, — успокоил Бейрут.

На мгновенье ему показалось, что хакер засел у него в мозгах. Он даже ощутил его дыхание.

Напряжённое тело расслабилось, наслаждаясь безумством энергии, растекающейся во все стороны, насыщающей все органы, все клетки организма. В голове возникло улыбающееся лицо и мелькающие над клавиатурой длинные пальцы Бейрута.

«Чёртов хакер! — мысленно заорал Анатолий, сжимая в объятиях подрагивающее женское тело. Время постепенно растягиваясь, тормозилось… и наконец остановилось. — Он что, взламывает мои мозги?»

Пространство привычно взорвалось, выворачивая наизнанку бренную оболочку. Телохранитель тут же исчез, переместившись на другую ветвь Хронодендрида.

Ещё секунду на его месте бушевал искрящийся вихрь, отталкивая прибывающие фекалии, но и он постепенно стих.